

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 1 (33)

Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год

Москва
2019

VESTNIK
MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

LEGAL SCIENCES

№ 1 (33)

Published since 2008

Quarterly

Moscow
2019

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Агранат Д.Л.

заместитель председателя

ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации

президент ГАОУ ВО МГПУ,

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,

доктор экономических наук, профессор, академик РАО

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,

доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пащенко Д.А.

главный редактор

Северухин В.А.

заместитель главного редактора

Борисова Н.Е.

Диноршоев А.М.

Дорская А.А.

Ефимова О.В.

Иларица Претелли

Мартыненко И.Э.

Мкртумян А.Ю.

Ростокинский А.В.

Рыбаков О.Ю.

Смирнов Л.Б.

Черногор Н.Н.

Честнов И.Л.

Чурилов С.Н.

Безносикова О.И.

ответственный редактор

доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (МГПУ)

кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)

доктор юридических наук, профессор (МГПУ)

доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)

доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А.И. Герцена)

кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)

доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)

доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)

доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)

доктор юридических наук, профессор (МГПУ)

доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О.Е. Кутафина)

доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А.И. Герцена)

доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Дорская А.А., Дорский А.Ю.* К вопросу о юридическом определении понятия «социальная травма» в контексте изучения коллективной памяти 8
- Львов А.В.* Политическое сознание гражданина древнегреческого полиса (*продолжение*) 21

Публичное право

- Антонова Н.В., Ким А.В.* Развитие административных функций территориальных органов юстиции в современной России..... 31
- Ключников А.Ю.* Роль Европейского суда справедливости в установлении общеевропейского стандарта защиты основных прав человека..... 38
- Корсаненкова Ю.Б.* Межотраслевые связи права социального обеспечения как проявление системности права: общетеоретический и философский подходы 45
- Попова А.В.* Телемедицина в России и за рубежом: к вопросу о правовом регулировании 53
- Смирнов Л.Б., Проценко Е.Д.* Сущность и особенности субкультуры осужденных к лишению свободы 61
- Чурилов С.Н.* Проблема системности научных положений криминалистической методике 69

Трибуна молодых ученых

- Воеводина А.И.* Субъект преступления «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» 76
- Смирнов А.И.* Типология факторов, повлиявших на византийское правосознание 83
- Чернова Ю.А.* Правовые аспекты регулирования права человека на распоряжение телом после смерти в целях трансплантации 92

Научная жизнь

- Северухин В.А., Сырых В.М.* Обсуждение книги М.Н. Марченко «Советское и постсоветское государство и право (сравнительно-правовое исследование)» (М.: Проспект М, 2017. 368 с.) 100

Критика. Рецензии. Библиография

- Ястребов О.А.* Рецензия на монографию «Разрешение финансовых споров в странах АТР (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония)», подготовленную авторским коллективом под редакцией Е.Е. Фроловой и Е.П. Ермаковой (М.: Инфотропик Медиа, 2019. 416 с.) 114

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Юридические науки», 2019, № 1 (33)..... 122**

- Требования к оформлению статей..... 126**

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Perspectives

- Dorskaya A.A., Dorskiy A.Yu.* On the Issue of the Legal Definition of the Concept of «Social Trauma» in the Context of Studying Collective Memory 8
- Lvov A.V.* The Political Consciousness of a Citizen of the Ancient Greek Polis (*Continuation*)..... 21

Public Law

- Antonova N.V., Kim A.V.* Development of Administrative Functions of Territorial Bodies of Justice in Modern Russia 31
- Klyuchnikov A.Yu.* The Role of the European Court of Justice in Setting a pan-European Standard for the Protection of Fundamental Human Rights..... 38
- Korsanenkov Yu.B.* Cross-Sectoral Ties of Social Security Law as a Manifestation of the System of Law, General Theoretical and Philosophical Approaches..... 45
- Popova A.V.* Telemedicine in Russia and Abroad, on the Issue of Legal Regulation 53
- Smirnov L.B., Protsenko E.D.* Essence and Features of the Subculture of the Sentenced to Imprisonment 61
- Churilov S.N.* The Problem of Consistency of Scientific Principles of Forensic Techniques 69

Tribune of Young Scientists

- Voevodina A.I.* The Subject of the Crime is a Repeated Violation of the Established Procedure for Organizing or Holding a Meeting, Rally, Demonstration, Procession or Picketing 76
- Smirnov A.I.* Typology of Factors Affecting the Byzantine Sense of Justice 83
- Chernova Yu.A.* Legal Aspects of the Regulation of the Human Right to Dispose of the Body after Death for the Purpose of Transplantation..... 92

Scientific Life

- Severukhin V.A., Syrykh V.M.* Discussion of the Book by M.N. Marchenko «Soviet and Post-Soviet State and Law (Comparative and Legal Research)» (Moscow: Prospekt M, 2017. 368 p.) 100

Critical Surveys. Reviews. Bibliography

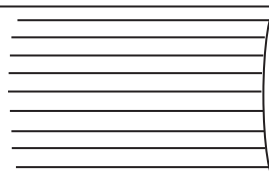
- Yastrebov O.A.* Review of the Monograph «Resolving Financial Disputes in the Asia-Pacific Countries (Australia, Hong Kong, India, Indonesia, China, Malaysia, New Zealand, Singapore, USA, Thailand, Japan)», Prepared by a Group of Authors Edited by E.E. Frolova and E.P. Ermakova (Moscow: Infotropic Media, 2019. 416 p.) 114

Authors of «Vestnik of Moscow City University»,

- Series of «Legal Sciences», 2019, № 1 (33)..... 124**

- Requirements for Style Articles 126**

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

УДК 342.36

DOI 10.25688/2076-9113.2019.33.1.01

**А.А. Дорская,
А.Ю. Дорский**

**К вопросу о юридическом определении
понятия «социальная травма»
в контексте изучения коллективной памяти¹**

Целью статьи является разработка юридического подхода к предложенному социологами понятию «социальная травма», определение роли права в преодолении социальных травм. На основании анализа взглядов исследователей, принадлежащих к различным областям знания, показано, что концепт «социальная травма» тесно связан с концептом «коллективная память». Авторы дают определение социальной травмы в юридическом аспекте, делают вывод, что право может играть роль инструмента, смягчающего последствия существующих травм и предотвращающего появление новых.

Ключевые слова: социальная травма; коллективная память; этапы травматических событий; законодательство о памяти; роль права в регулировании последствий травматических событий.

С конца XX в. слово «травма» стало применяться в разных сферах гораздо чаще, чем раньше. Как отмечает один из основоположников теории социальной травмы, польский социолог Петр Штомпка, «новая парадигма — парадигма травмы, медленно внедряется в сферу гуманитарных и социальных наук» [30: с. 6].

Этимологически слово «травма» происходит от древнегреческого «рана», однако, как отмечает Кэти Карут, сегодня даже в специализированной медицинской литературе все чаще термин «травма» понимается как сильнейший, нарушающий осознание времени, себя и мира, эмоциональный шок [33: р. 3]. Теория социальной травмы стала разрабатываться со второй половины XX в.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01233 «Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт».

Ее возникновение во многом связано с тем, что, по образному выражению известного французского историка, представителя третьего поколения школы Анналов Пьера Нора (р. 1931), наступила эпоха «всемирного торжества памяти» [18]. Одним из первых понятие коллективной памяти ввел французский социолог М. Хальбвакс (1877–1945) [29]. Исследованию этого феномена способствовали работы в различных областях психологии и социологии [3; 4; 8; 37].

Современные исследователи считают, что можно выделить три этапа исходя из соотношения истории и памяти [17: с. 123].

Первый — с древности до начала XIX в. — когда историописание определялось как «припоминание», характеризующееся субъективным и односторонним подходом к описанию исторических событий, высокой степенью мифологизации и героизации.

Второй, — начавшийся в XIX в. и продолжавшийся до 1970-х гг., имел своей отличительной особенностью разделение памяти и истории. На этом этапе история стала формироваться как научная дисциплина с позитивистским уклоном, обуславливающим жесткий отбор источников информации и объективистский характер описания.

Наконец, третий этап, начало которого пришлось на 70-е гг. XX в., продолжается до сих пор. Произошло «воссоединение» исторической науки и памяти, что привело к глубочайшему кризису национальных историй и их замещению на множественную память.

П. Нора пишет о начале XXI в.: «В последние двадцать или двадцать пять лет все страны, все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому.

Формы этого изменения многообразны: критика официальных версий истории и возвращение на поверхность вытесненных составляющих исторического процесса; восстановление следов уничтоженного или отнятого прошлого; культ корней (roots) и развитие генеалогических изысканий; бурное развитие всяческих мемориальных мероприятий; юридическое сведение счетов с прошлым; рост числа разнообразнейших музеев; повышенная чувствительность к сбору архивов и к открытию доступа к ним; возобновившаяся привязанность к «наследию» — тому, что в англоязычном мире называется “heritage”, а во Франции — “patrimoine”...» [18].

В результате выражение «страна с непредсказуемым прошлым» стало характерно для большинства современных государств, обладающих травматическим прошлым.

Один из основоположников теории социальной травмы, американский социолог Джеффри Александер, предложил следующую классификацию подходов к проблеме.

Во-первых, «согласно популярной теории, травмы суть естественным образом происходящие события, которые сокрушают ощущение благополучия у индивидуального или коллективного актора» [2: с. 9].

Первой разновидностью данной теории Александер назвал версию «философии Просвещения». Общество или индивидуум рассматриваются как рациональные субъекты, подвергшиеся воздействию резких перемен. Ясно осознавая причины травматического события, субъект пытается решить проблему и создать условия для благоприятного развития. Например, Артур Нил считает, что социальными травмами американского общества являлись Гражданская война 1861–1865 гг., Великая депрессия 1929–1933 гг. и травмы Второй мировой войны 1941–1945 гг., приведшие к долгосрочным изменениям [39: р. 5].

Второй разновидностью является психоаналитическая версия. Между внешним сокрушительным событием и внутренней травматической реакцией конкретного человека или общества оказываются неосознаваемые эмоциональные страхи и искажающие познавательные процессы механизмы психологической защиты [2: с. 12]. Как отмечает Р. Айерман, жертва просто забывает или отрицает произошедшее. Однако это не более чем период латентности, который обязательно закончится, даже если он продолжался несколько десятилетий, и влияние травмы обязательно обнаружит себя [1: с. 122–123]. Равновесие может быть возвращено, только когда возвращается память. Примером такого преодоления социальной травмы является увековечивание памяти жертв репрессий, когда через «политику памяти» прошлых преступлений нация самовосстанавливается [31: с. 97].

Во-вторых, Дж. Александер выделил культурные травмы. Критерием выделения данного вида социальных травм является идея о том, что для осознания травмы сообществом социальный кризис должен перерасти в культурный, т. е. важны не столько события, сколько их репрезентация [2: с. 18].

Теория социальной травмы приобрела особую актуальность в последние годы. Начало любого века всегда сопровождалось выработкой новых парадигм развития, которые базировались в том числе на переосмыслении опыта прошлого. Вступление не только в новый век, но и новое тысячелетие усилило данный процесс. Причем интересно, что коллективная память обращается сначала к событиям недавнего прошлого, а затем проникает в глубь веков.

Приведем лишь несколько наиболее ярких примеров переживания социальных травм на современном этапе.

Многими народами до сих пор переживаются как травматические события Второй мировой войны. Причем если для россиян Великая Отечественная война остается в основном событием, вызывающим гордость за свою страну и свой народ, сумевший противостоять нацизму, то, к примеру, для части польского населения это время воспринимается как потеря государственности, сговор тоталитарных лидеров и т. д.

Колониальное прошлое ряда стран и народов тоже переживается как социальная травма. Например, в Австралии началась «война» с памятниками Джеймсу Куку, на которых написано, что он открыл данный материк [36]. Показательными являются попытки выхода из Международного уголовного суда таких африканских государств, как ЮАР и Бурунди. В частности, правительство

Южно-Африканской Республики заявило о выходе из-под юрисдикции Международного уголовного суда после отказа исполнить его решение об аресте действующего президента Судана Омара аль-Башира, который прибыл в ЮАР на саммит [32]. Таким образом была продемонстрирована ценность африканского единства, ставшего одним из основных векторов развития африканских стран в постколониальный период.

Травматичными оказались и процессы распада социалистического лагеря в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. Бывшие национальные федерации ждала разная судьба: разрыв многих экономических, политических, культурных и личных связей народов, входивших в состав СССР, военные действия на территории бывшей Югославии, мирный «развод» Чехии и Словакии. Однако последствия данных разрушительных процессов не преодолены до сих пор: становление национальной идентичности народов, формирование государственности зачастую проходят очень болезненно.

Безусловно, социальной травмой на мировом уровне стал международный терроризм. Так, например, З.Ш. Матчанова, ссылаясь на положения П. Штомпки о том, что травма представляет собой социальный факт, т. е. она является коллективным феноменом, переживаемым группой людей в результате разрушительных событий, интерпретируемых ими как травматические, и воспринимается как внешнее и налагающее обязательства на каждого члена группы явление [30: с. 10], пришла к выводу, что все это всецело относится и к терроризму [14: с. 57]. «Особенность террористических актов, — пишет З.Ш. Матчанова, — состоит в том, что они несут разрушение как в сугубо материальном (физическом) смысле, так и в нематериальном (социальном, психологическом, политическом). Любой террористический акт нацелен на масштабные разрушения с как можно большим количеством человеческих жертв, но не столько ради уничтожения или повреждения каких-либо объектов материального мира (...), и даже не столько с целью уничтожить или покалечить конкретных людей (...), а с целью причинения той самой общей травмы, нанесения “раны”, которая будет заживать годами, а для отдельных субъектов не заживет никогда» [13: с. 108].

К социальным травмам можно отнести и процессы глобализации и глокализации, разрушающие привычные представления об идентичности. Глобализация меняет парадигму взаимоотношений между государствами, что неизбежно сказывается на всех сферах человеческой деятельности, задавая для последней универсальный вектор развития [20: с. 120].

Наличие социальной травмы не является вечным. П. Штомпкой были выделены следующие этапы (последовательность) травматических событий: возникновение среды, благоприятствующей развитию травмы, т. е. структурное или культурное прошлое; «травматические события или ситуации; способы определения, интерпретации, выражения или толкования травматических событий» [30]; общепринятые модели поведения, следующие из этих ситуаций и определений; посттравматическая адаптация и преодоление травмы,

при котором возможно два варианта — либо преодоление социальной травмы переходит в завершающую стадию, либо начинается «новый цикл травматической последовательности, если смягченная травма таит в себе условие для появления нового вида травм» [30].

Роль права на разных этапах развития общества может существенно изменяться, но главное его назначение — либо предотвратить, либо преодолеть социальную травму, не провоцируя при этом новой.

Первый этап — это возникновение среды, благоприятствующей развитию травмы, т. е. структурное, или культурное прошлое.

В качестве примера можно рассмотреть СССР накануне распада: резкое ухудшение экономической ситуации, новый этап холодной войны, информационная закрытость, проявившаяся в дни Чернобыльской катастрофы, и другие события, продемонстрировавшие руководству страны опасность дальнейшего сохранения сложившегося положения. Начались изменения в правовой сфере, связанные с провозглашением политики перестройки и гласности. Так, были отменены статьи Уголовного кодекса, запрещающие критику советской власти, в частности статья 190.1 УК РСФСР, которая запрещала распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй [25: ст. 1074]. Была предпринята попытка использовать право в качестве превентивного инструмента, который не должен дать социальной травме развиваться.

Второй этап — травматические события, или ситуация (известный американский социолог Нил Смелзер (1930–2017) называл это структурным напряжением [5: с. 112]).

Например, в 1978–1979 гг. французский писатель, профессор литературоведения Роберт Фориссон (1929–2018) издал несколько статей и книгу, в которых отрицал геноцид нацистов в отношении еврейского населения стран Европы, показывал невозможность массовых убийств газом в том виде, в котором они были описаны, и назвал подделкой дневник Анны Франк [34]. Это вызвало во Франции огромный резонанс, приведший к принятию 13 июня 1990 г. закона Гейссо, устанавливающего запрет на любое расистское, антисемитское или ксенофобское действие [38]. Под такими действиями понималось, в частности, отрицание Холокоста и решений Нюрнбергского трибунала. За публичные высказывания, нарушающие этот закон, устанавливалась уголовная ответственность. Р. Фориссон и его издатель были приговорены к крупным денежным штрафам. Интересно, что обращения ученого в международные органы оказались безуспешны. В 1996 г. его жалобу отклонила Европейская комиссия по правам человека. Профессор ссылаясь на статью 10 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., гарантирующую свободу выражения мнения [11]. Отказано ему было со ссылкой на статью 17, запрещающую злоупотребление правами [23]. Также жалобу Фориссона отверг Комитет по правам человека ООН, не усмотревший в его деле нарушения статьи 19 Международного пакта о гражданских

и политических правах 1966 г. о праве беспрепятственно придерживаться своих мнений и свободно их выражать [15]. Более того, после принятия аналогичных французскому законов в Австрии (1992) и Бельгии (1996) в 1996 г. Директива Европейского союза обязала страны-члены ввести уголовную ответственность за публичное оправдание преступлений, осужденных Нюрнбергским трибуналом. А 28 ноября 2008 г. Совет Евросоюза принял Рамочное решение 2008/913/ПВД «О борьбе с отдельными формами и проявлениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права» [22]. Таким образом, закон Гейссо стал одним из первых нормативных актов современного европейского законодательства о памяти (a memory law, une loi mémorielle, Erinnerungsgesetz).

Актуальный пример касается созданного в Польше еще в 1998 г. Института национальной памяти. Основными функциями этого учреждения являлись исследования преступлений нацистского и коммунистического режимов [35]. Однако на современном этапе в связи с украинскими событиями последовали изменения: 6 февраля 2018 г. президент Польши подписал пакет поправок в закон об Институте национальной памяти, среди которых было и установление уголовной ответственности за пропаганду бандеровской идеологии и отрицание Волынской резни [21].

Третий этап — «особые способы интерпретаций, выражения или толкования травматических событий» [30], и определяемый этими интерпретациями четвертый этап — распространенные модели поведения. На практике эти стадии неразрывны, являясь разными аспектами одних процессов. Рассмотрим их на примере переживания на национальном и международном уровнях событий Первой мировой войны.

Уже начало войны воспринималось многими как сильнейшая травма не только в силу мобилизации и экономических ограничений. Как отмечает А.М. Олешкова, «сама идея прогрессивного развития, которая внушала уверенность и прозрачность бытия, была подорвана Первой мировой войной, обнажив кризисность и расколотость социальных интенций человека» [19: с. 32]. Вскоре стало понятно, что война оставляет после себя невиданное до этого времени число жертв. Погибло более 9 млн солдат, ранения получили около 20 млн. Гуманитарной катастрофой стало небывалое прежде количество инвалидов. Только в Германии на социальное обеспечение претендовали 2,7 млн человек, получивших инвалидность [12: с. 7].

Государства пытались создать новые системы социального обеспечения пострадавших от военных действий. Так, Министерство путей сообщения Российской империи весной 1915 г. предложило Томскому округу путей сообщения обеспечить работой лиц, частично потерявших трудоспособность в результате военных действий. С начала 1916 г. до 50 % рассыльных и сторожей в почтово-телеграфных учреждениях набирались из инвалидов войны, «сохранивших известную трудоспособность» [7: с. 40]. К началу апреля 1916 г. в почтово-телеграфном ведомстве трудились 1085 воинов, получивших ранения. Чуть позже и Министерство народного просвещения в циркуляре руководству

Западно-Сибирского учебного округа призвало «всемерно содействовать делу обучения увечных воинов в пределах учебного округа организацией для них курсов и мастерских» [7: с. 41].

Таким образом, право выступило одним из инструментов преодоления войны как социальной травмы.

Сразу после окончания Первой мировой войны была учреждена Лига Наций, целью которой было предотвращение новой широкомасштабной войны и мирное разрешение международных споров на основе международного права [6: с. 7].

Осмысление событий Первой мировой войны способствовало определению массового уничтожения людей по какому-либо признаку как зла. Знаковым событием, в частности, стало истребление армянского населения Османской империи. А.Г. Кибальник и А.С. Мартиросян констатируют, что 22 апреля 1919 г. турецкий Военный трибунал «обвинил руководителей младотурецкого правительства именно в геноциде армян» [9: с. 132]. В конце 20-х гг. к изучению этого вопроса обратился студент-юрист Львовского университета Рафаэль Лемкин, считающийся создателем термина «геноцид» [24: с. 104]. Современные исследователи описывают, как пораженный жестокостью злодеяния и безнаказанностью его виновников Лемкин начал борьбу за установление в международном праве наказания за подобные преступления. После Второй мировой войны его идеи были подхвачены широким кругом юристов. В своем заключительном выступлении на Нюрнбергском процессе представитель Великобритании Хартли Шоукросс повторил неологизм «геноцид» целых пять раз. 9 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [10].

Пятый этап — посттравматическая адаптация.

Примером здесь может служить отношение ко Второй мировой войне в Германии. Главные нацистские военные преступники были осуждены Международным военным трибуналом в Нюрнберге, личная полиция и СС были запрещены и ликвидированы как преступные организации. В западной зоне оккупации было уничтожено 3 600 000 нацистских преступников, в советской — 400 000 [16: с. 172–173], Германия должна была выплатить репарации в размере 20 млрд долларов. Для немецкого народа основным вектором стало признание совершенных преступлений, принятие ответственности за них, создание условий, при которых похожая ситуация не могла бы повториться.

В конце XX – начале XXI в. в Германии был принят ряд законов, определяющих отношение к событиям Второй мировой войны. В день окончания войны в Европе и подписания акта о капитуляции Германии, 8 мая 1985 г., президент ФРГ Р. фон Вайцзекер назвал эту дату «днем освобождения». В ГДР это было сделано на 35 лет раньше. В сентябре 1994 г. бундестаг принял параграф 86а Уголовного кодекса, запрещающий распространение или публичное использование, а также изготовление и хранение с этими целями флагов, знаков отличия, мундиров, лозунгов и приветствий национал-социалистической организации [40]. В 2000 г. в ФРГ был принят закон о создании фонда «Память, ответственность и будущее», задачей которого стал сбор средств для выплат

иностранным гражданам, угнанным в Германию во время Второй мировой войны [28].

Последний, шестой этап — преодоление травмы. Здесь может быть два варианта: либо травматическая последовательность завершается, либо начинается «новый цикл», если смягченная травма таит в себе условие для появления нового вида травм» [30].

Примером первого варианта является менявшееся в СССР отношение к Дню Победы. В 1945–1947 гг. он был выходным днем, но в конце 1947 г. было принято решение, что День Победы будет рабочим днем, а Новый год — выходным [26]. Причины такого шага не вполне известны. Обычно называется либо стремление И.В. Сталина «поставить на место» ветеранов в рамках общей политики воспевания вождя и его заслуг, в том числе в период Великой Отечественной войны, либо, наоборот, попытка не показать огромное количество людей, оставшихся в результате войны инвалидами. С 1965 г. День Победы снова стал выходным днем [27]. Военный парад впервые был проведен 9 мая 1945 г., затем после большого перерыва военные парады были восстановлены с 1965 г. Таким образом, за двадцатилетний срок в Советском Союзе было четко определено отношение к Дню Победы как к одному из главных праздников.

Однако возможен другой сценарий, при котором преодоление социальной травмы способствует новому циклу травматической последовательности, т. е. одна социальная травма порождает другую.

Так, Версальский мирный договор 1919 г. определил пути преодоления ряда проблем, проявившихся в годы Первой мировой войны: предусмотрел ряд прогрессивных социально-экономических мер (ст. 276–279 и др.), обеспечение прав малых стран и народов (например, п. 34–30 Приложения о Саарском бассейне), репатриацию военнопленных (ст. 214), реституцию материальных ценностей (ст. 239) [7] и т. д. Однако другие условия Версальского договора — сокращение немецкой армии до 100 000 человек (и это при условии того, что армия являлась гордостью германской нации (ст. 160)), катастрофическая потеря исконных территорий (ст. 27–28), баснословные репарации (только за 1919, 1920 и первые четыре месяца 1921 гг. Германия должна была выплатить странам-победительницам 20 млрд золотых марок) и другие — породили у немцев новую, более сильную социальную травму, которая позволила в дальнейшем нацистам прийти к власти и успешно продвигать нацистскую идеологию. Данный пример убедительно показывает, что какими бы ни были исторические события, закреплённая нормативно-правовым путем политика реваншизма является причиной появления не просто новых социальных травм, но и общепланетарных катастроф.

Таким образом, правовой фактор проявляется на всех этапах возникновения, развития и преодоления социальных травм.

Подытоживая, дадим наше определение социальной травмы в юридическом аспекте. Социальная травма с юридической точки зрения — это отраженное в правовых документах событие, последствия которого должны быть преодолены и повторение которого должно быть заблокировано с помощью правовых

средств. Законодательная оценка тех или иных травмирующих исторических событий характерна сегодня для многих стран мира. Право не только способствует преодолению социальных травм, но и может выполнять превентивную функцию — предотвращать их возникновение.

Литература

1. *Айерман Р.* Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121–138.
2. *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–39.
3. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
4. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
5. *Бороденко О.В.* Культурная травма и социокультурная сфера общества // Наука и инновации в современном мире: философия, литература и лингвистика, культура и искусство, архитектура и строительство, история. Одесса: Изд-во С.В. Куприенко, 2017. С. 107–114.
6. Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника под редакцией проф. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. Со вступительной статьей проф. Ю.В.Ключникова и предметным указателем. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925. 199 с.
7. *Еремин И.А.* Трудоустройство инвалидов Первой мировой войны в Западной Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 1 (6). С. 40–43.
8. *Касториадис К.* Воображаемое установление общества / пер с фр. Г. Волковой, С. Офергаса. М.: Гнозис, Логос, 2003. 480 с.
9. *Кибальник А.Г., Мартиросян А.С.* О геноциде армянского населения в Первую мировую войну // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 131–133.
10. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide (дата обращения: 28.07.2018).
11. Конвенция Совета Европы от 04.11.1950 г. о защите прав и основных свобод человека // Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 08.10. 2018).
12. *Леффельбайн Н.* О героизме и страданиях инвалидов. Инвалиды Первой мировой войны в Веймарской республике при национал-социализме // Идеи и идеалы. 2015. Т. 1. № 1 (23). С. 7–19.
13. *Матчанова З.Ш.* Террористический акт как социальная травма: криминологический анализ // Вестник Академии права и управления. 2018. № 2 (51). С. 107–112.
14. *Матчанова З.Ш.* Уголовно-правовая характеристика терроризма в контексте теории социальной травмы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2018. № 3 (31). С. 56–63.
15. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/politpact.pdf (дата обращения: 27.08.2018).

16. *Нань Х.* Разница в подходах к истории Второй мировой войны в Германии и Японии // Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне: тезисы докладов российско-китайской научной конференции. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 171–177.

17. *Николаенко Г.А., Евсикова Е.В.* Новая концепция памяти: от М. Хальбвакса до А. Ассман // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 122–126.

18. *Нора П.* Всемирное торжество памяти / пер. с франц. М. Сокольской // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 13.12.2018).

19. *Олешикова А.М.* Травма социальных изменений как неосознанное удовольствие // Система ценностей современного общества. 2014. № 35. С. 32–36.

20. *Пашенцев Д.А.* Права человека в условиях глобализации // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 5-й Международной научно-практической конференции / отв. ред. Н.Н. Кулешова. Рязань, 2017. С. 120–122.

21. Президент Польши подписал обновленный «Закон о Холокосте» // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/29024741.html> (дата обращения: 07.01.2019).

22. Рамочное решение 2008/913/ПВД Совета Европейского союза о борьбе с отдельными формами и проявлениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права // Центр права Европейского союза. URL: http://eulaw.edu.ru/old/documents/legislation/law_defence/racism.htm (дата обращения: 02.06.2018).

23. Робер Фориссон // Традиция. Русская энциклопедия. URL: https://traditio.wiki/Робер_Фориссон (дата обращения: 27.08.2018).

24. *Требст Ш.* Лемкин и Лаутерпахт: два юриста из Львова // Отечественные записки. 2013. № 6 (57). С. 103–110.

25. Уголовный кодекс РСФСР (утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 г.) (ред. от 30.07.1996 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1989. № 37.

26. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 года «Об объявлении 1 января нерабочим днем» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштам. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 376.

27. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1965 года № 3479-VI «О признании утратившей силу статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 г.». URL: <http://base.garant.ru/6341191/> (дата обращения: 07.01.2019).

28. *Филитов А.М.* Русские и немцы — трудный путь к примирению // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. № 11 (44). С. 7.

29. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

30. *Штомпка П.* Социальные изменения как травма / пер. А.Ю. Мосеевой и Н.В. Романовского // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

31. *Шульга Р.Ю.* Забыть историю: официальная политика памяти в современной России // Гуманитарные науки и модернизация правовой системы государства: российский и зарубежный опыт: труды IV Международной научно-практической конференции / под ред. Г.Б. Гридневой, А.Б. Дидикина. Новосибирск: Омега Принт, 2015. С. 94–100.

32. ЮАР выходит из-под юрисдикции Международного уголовного суда // ТАСС. 21 окт. 2016. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3722468> (дата обращения: 10.02.2018).

33. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 167 pp.

34. *Faurisson R.* Is The Diary of Anne Frank genuine? // The Journal of Historical Review. Institute for Historical Review. Spring 1982. Vol. 3. Iss. 2. P. 147–210.
35. Instytut pamięci narodowej. URL: <http://ipn.gov.pl/> (дата обращения: 27.08.2018).
36. *Knaus C.* «No pride in genocide»: vandals deface Captain Cook statue in Sydney's Hyde park // The Guardian. 26.08.2017. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2017/aug/26/captain-cook-statue-and-two-others-in-sydneys-hyde-park-attacked-by-vandals> (дата обращения: 07.01.2019).
37. *Lacan J.* R.S.I. Séminaire 1974–1975. Paris: A.L.I., 2002. 212 pp.
38. Loi n 90-615 du 13 juillet 1990 tendant à réprimer tout acte raciste, antisémite ou xénophobe. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEX-T000006076185&dateTexte=vig> (дата обращения: 21.11.2018).
39. *Neal A.* National Trauma and Collective Memory. Armonk, NY: Sharpe, 1998. xi + 224 pp.
40. Strafgesetzbuch // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (дата обращения: 07.01.2019).

Literatura

1. *Aierman R.* Social'naya teoriya i travma // Sociologicheskoe obozrenie. 2013. T. 12. № 1. S.121–138.
2. *Aleksander Dzh.* Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' // Sociologicheskij zhurnal. 2012. № 3. S. 6–39.
3. *Anderson B.* Voobrazhaemy'e soobshhestva. Razmy'shleniya ob istokax i rasprostraneni nacionalizma / per. s angl. V. Nikolaeva; vstup. st. S. Ban'kovskoj. M.: Kanon-press-Cz, Kuchkovo pole, 2001. 288 s.
4. *Assman A.* Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika / per. s nem. B. Xlebnikova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 323 s.
5. *Borodenko O.V.* Kul'turnaya travma i sociokul'turnaya sfera obshhestva // Nauka i innovacii v sovremennom mire: filosofiya, literatura i lingvistika, kul'tura i iskusstvo, arhitektura i stroitel'stvo, istoriya. Odessa: Izd-vo S.V. Kuprienko, 2017. S. 107–114.
6. Versal'skij mirny'j dogovor. Polny'i perevod s francuzskogo podlinnika pod redakciej prof. Yu.V. Klyuchnikova i A. Sabanina. So vstupitel'noj stat'ej prof. Yu.V. Klyuchnikova i predmetny'm ukazatelem. M.: Izdanie Litizdata NKID, 1925. 199 s.
7. *Eremin I.A.* Trudoustroistvo invalidov Pervoj mirovoj vojny' v Zapadnoj Sibiri // Gumanitarny'e problemy' voennogo dela. 2016. № 1 (6). S. 40–43.
8. *Kastoriadis K.* Voobrazhaemoe ustanovlenie obshhestva / per s fr. G. Volkovoj, S. Ofertasa. M.: Gnozis, Logos, 2003. 480 s.
9. *Kibal'nik A.G., Martirosyan A.S.* O genocide armyanskogo naseleniya v Pervuyu mirovuyu vojnu // Obshhestvo i pravo. 2011. № 5 (37). S. 131–133.
10. Konvenciya o preduprezhdenii prestupleniya genocida i nakazanii za nego. Prinyata rezolyuciej 260 (III) General'noj Assamblei OON ot 9 dekabrya 1948 g. // Organizaciya Ob'edinenny'x Nacij. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide (дата obrashheniya: 28.07.2018).
11. Konvenciya Soveta Evropy' ot 04.11.1950 g. o zashhite prav i osnovny'x svobod cheloveka // Sovet Evropy'. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата obrashheniya: 08.10.2018).
12. *Leffel'bain N.* O geroizme i stradaniyax invalidov. Invalidy' Pervoj mirovoj vojny' v Veimarskoj respublike pri nacional-socializme // Idei i idealy'. 2015. T. 1. № 1 (23). S. 7–19.

13. *Matchanova Z.Sh.* Terroristicheskij akt kak social'naya travma: kriminologicheskij analiz // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2018. № 2 (51). S. 107–112.
14. *Matchanova Z.Sh.* Ugolovno-pravovaya xarakteristika terrorizma v kontekste teorii social'noj travmy' // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: «Yuridicheskie nauki». 2018. № 3 (31). S. 56–63.
15. Mezhdunarodny'i pakt o grazhdanskix i politicheskix pravax ot 16 dekabrya 1966 g. // Organizaciya Ob''edinenny'x Nacii. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/politpact.pdf (data obrashheniya: 27.08.2018).
16. *Nan' X.* Raznica v podxodax k istorii Vtoroj mirovoj voiny' v Germanii i Yaponii // Rol' SSSR i Kitaya v dostizhenii pobedy' nad fashizmom i yaponskim militarizmom vo Vtoroj mirovoj voine: tezisy' dokladov rossijsko-kitaiskoj nauchnoj konferencii. M.: IDV RAN, 2015. S. 171–177.
17. *Nikolaenko G.A., Evsikova E.V.* Novaya koncepciya pamyati: ot M. Xal'bvaksa do A. Assman // Kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost': materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodny'm uchastiem) nauchnoi konferentsii molody'x ucheny'x (XI Kolosniczy'nskie chteniya). Ekaterinburg: UrFU, 2016. S. 122–126.
18. *Nora P.* Vsemirnoe torzhestvo pamyati / per. s francz. M. Sokol'skoj // Zhurnal'ny'j zal. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (data obrashheniya: 13.12.2018).
19. *Oleshkova A.M.* Travma social'ny'x izmenenij kak neosoznanное udovol'stvie // Sistema cennostei sovremennoho obshhestva. 2014. № 35. S. 32–36.
20. *Pashencev D.A.* Prava cheloveka v usloviyax globalizacii // Pravo i politika: teoreticheskie i prakticheskie problemy': sbornik materialov 5-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / otv. red. N.N. Kuleshova. Ryazan', 2017. S. 120–122.
21. Prezident Pol'shi podpisal obnovlenny'j «Zakon o Xolokoste» // Radio Svoboda. URL: <https://www.svoboda.org/a/29024741.html> (data obrashheniya: 07.01.2019).
22. Ramochnoe reshenie 2008/913/PVD Soveta Evropeiskogo soyuza o bor'be s ot-del'ny'mi formami i proyavleniyami rasizma i ksenofobii posredstvom ugolovnogo prava // Centr prava Evropeiskogo soyuza. URL: http://eulaw.edu.ru/old/documents/legislation/law_defence/racism.htm (data obrashheniya: 02.06.2018).
23. Rober Forisson // Tradiciya. Russkaya enciklopediya. URL: https://traditio.wiki/Робер_Фориссон (data obrashcheniya: 27.08.2018).
24. *Trebst Sh.* Lemkin i Lauterpaxt: dva yurista iz L'vova // Otechestvenny'e zapiski. 2013. № 6 (57). S. 103–110.
25. Ugolovny'j kodeks RSFSR (utverzhdzen Verxovny'm Sovetom RSFSR 27.10.1960 g.) (red. ot 30.07.1996 g.) // Vedomosti Verxovnogo Soveta RSFSR. 1989. № 37.
26. Ukaz Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR ot 23 dekabrya 1947 goda «Ob ob''yavlenii 1 yanvarya nerabochim dnev» // Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – iyul' 1956 g. / pod red. Yu.I. Mandel'shtam. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury', 1956. S. 376.
27. Ukaz Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR ot 26 aprelya 1965 goda № 3479-VI «O priznanii utrativshej silu stat'i I Ukaza Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR ot 23 dekabrya 1947 g.». URL: <http://base.garant.ru/6341191> (data obrashheniya: 07.01.2019).
28. *Filitov A.M.* Russkie i nemczy' — trudny'j put' k primireniyu // E'lektronny'j nauchno-obrazovatel'ny'j zhurnal «Istoriya». 2015. № 11 (44). S. 7.
29. *Xal'bvaks M.* Social'ny'e ramki pamyati. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 s.
30. *Shtompka P.* Social'ny'e izmeneniya kak travma / per. A.Yu. Moseevoy i N.V. Romanovskogo // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. № 1. S. 6–16.

31. *Shul'ga R. Yu. Zaby't' istoriyu: oficial'naya politika pamyati v sovremennoj Rossii // Gumanitarny'e nauki i modernizaciya pravovoj sistemy' gosudarstva: rossiiskij i zarubezhny'j opyt: trudy' IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. G.B. Gridnevoj, A.B. Didikina. Novosibirsk: Omega Print, 2015. S. 94–100.*

32. *YuAR vy'xodit iz-pod yurisdiksii Mezhdunarodnogo ugolovnogogo suda // TASS. 21 okt. 2016. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3722468> (data obrashheniya: 10.02.2018).*

33. *Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 167 rp.*

34. *Faurisson R. Is The Diary of Anne Frank genuine? // The Journal of Historical Review. Institute for Historical Review. Spring 1982. Vol. 3. Iss. 2. R. 147–210.*

35. *Instytut pamięci narodowej. URL: <http://ipn.gov.pl/> (data obrashheniya: 27.08.2018).*

36. *Knaus C. «No pride in genocide»: vandals deface Captain Cook statue in Sydney's Hyde park // The Guardian 26.08.2017. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2017/aug/26/captain-cook-statue-and-two-others-in-sydneys-hyde-park-attacked-by-vandals> (data obrashheniya: 07.01.2019).*

37. *Lacan J. R.S.I. Séminaire 1974–1975. Paris: A.L.I., 2002. 212 rp.*

38. *Loi n 90-615 du 13 juillet 1990 tendant à réprimer tout acte raciste, antisémite ou xénophobe. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEX-T000006076185&dateTexte=vig> (data obrashheniya: 21.11.2018).*

39. *Neal A. National Trauma and Collective Memory. Armonk, NY: Sharpe, 1998. xi + 224 pp.*

40. *Strafgesetzbuch // Bundesministerium der Jusiz und für Verbraucherschutz. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (data obrashheniya: 07.01.2019).*

A.A. Dorskaya,

A. Yu. Dorskiy

On the Issue of the Legal Definition of the Concept of «Social Trauma» in the Context of Studying Collective Memory

The purpose of the article is to develop a legal approach to the concept of social trauma proposed by sociologists, defining the role of law in overcoming social traumas. Based on the analysis of the views of researchers belonging to different areas of knowledge, it is shown that the concept of «social trauma» is closely related to the concept of «collective memory.» The correlation of the results of a formal, legal, historical analysis of a large body of normative documents with the stages of the social trauma dynamics proposed by P. Sztompka allows determining the significance of the regulatory framework for the pre-, post- and traumatic social development itself. In conclusion the authors give a definition of social trauma in the legal aspect, conclude that the law can play the role of a tool to mitigate the effects of existing traumas and prevent the emergence of new ones.

Keywords: social trauma; collective memory; stages of traumatic events; legislation about memory; the role of law in regulating the consequences of traumatic events.

УДК 340.12 (095)
DOI 10.25688/2076-9113.2019.33.1.02

А.В. ЛЬВОВ

Политическое сознание гражданина древнегреческого полиса¹

Основным мерилom для античного гражданина была степень его участия в политической жизни своего полиса, а связь между человеком — гражданином, коллективом граждан и полисом была особенно тесной. В свете этого целью данной статьи является попытка рассмотрения особенностей формирования и развития политического сознания античного человека, соотношения его политического сознания с реальным поведением.

Ключевые слова: политическое сознание; гражданин; гражданство; Древняя Греция.

В античной философии понятие человека как личности не существовало в той форме, в которой оно присутствует в более поздние эпохи. Было бы трудно говорить о личности как о таковой применительно к тому времени, поскольку степень зависимости человека от государства на протяжении всей античной истории была очень велика, а то, что мы называем личностью в наши дни, связывалось с несколько иным содержанием. При этом борьба аристократии за старые общинные институты против демоса и его вождей, утверждающих демократические принципы в государственной жизни, не прекращалась вплоть до трагического поражения греков под Херонеей. И реформы Солона, и реформы Клисфена своей целью полагали установление гражданского мира и спокойствия, примирения враждующих сторон.

Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен —
Не сократил его прав, не дал и лишних зато.
Так же подумал о тех я, кто силу имел и богатством
Славился, — чтоб никаких им не чинилось обид.
Встал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая,
И никому побеждать не дал неправо других.

(Aristot. Aph. Pol. IV, 12, 1)

Но не вызывают одобрения Солона и те из граждан, которые «по беспечности мирятся со всем, что бы ни происходило». Он призывает карать всякое

¹ Продолжение, начало статьи см.: Львов А.В. Политическое сознание гражданина древнегреческого полиса. Ч. 1 // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2018. № 4 (32). С. 25–33.

проявление аполитичности: «Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других, тот предается бесчестию и лишается гражданских прав» (Aristot. Aph. Pol. IV, 8, 5).

Как мы можем видеть, принцип о сущности человека как существа политического, выразившись в знаменитой аристотелевской формуле, надолго закрепился в сознании греков. Аристотель также утверждает, что государство первично по отношению к семье и конкретному человеку, основываясь на вышеупомянутом принципе, а также на том, что целое предшествует части (Aristot. Polit. I, 1253a, 15–30).

Основой социально-политической структуры в те годы становится полис. Так же как складывались и упрочнялись связи между гражданами, складывались и крепили межполисные отношения. Активизируется колонизация. Родственные связи граждан метрополии с гражданами колонии, постепенно перерастающие в политико-экономические, также играют свою роль в этом процессе. Результатом крепнущей связи между греческими городами-государствами стало и развитие ряда общеэллинических культурных центров: Дельфы, Олимпия, остров Делос и др. Все это оказывает серьезное влияние на сознание эллинов. Новые связи, контакты, состязания, знания вырабатывали новый, уже общеэллинический, стандарт идеального человека и гражданина.

Наибольшим фактором по влиянию на развитие и усиление этого процесса явились греко-персидские войны. Битвы при Марафоне, Фермопилах, Саламине, Платеях, Микале и Эвримедонте оказали решающее воздействие на формирование в политическом сознании древнегреческого гражданина чувства национального единства, исторической общности эллинов и той резкой грани, которая отличает их от остального мира — варваров. «Двинулась Азия на Элладу, — поет хор в “Персах” Эсхила, — Греческий народ не из робких». Таким образом в сознании грека четко закрепилось представление о новом, общеэллиническом способе существования:

Вперед, сыны Эллады!
Спасайте родину, спасайте жен,
Детей своих, богов отцовских храмы,
Гробницы предков: бой теперь — за все!

(Aesch. Pers. 402–405)

Несмотря на непрекращающиеся смуты и вооруженные конфликты между полисами, происходившие на всех этапах греческой истории, теперь в отношении к внешним соседям эллины выступали целостной силой. Иначе говоря, «...в уме грека начинает формироваться представление о новой, высшей, общеэллинической сущности со своими неведомыми законодателями, героями, умопостигаемыми законами, по отношению к которым законы собственного города-государства должны рассматриваться второстепенными и производными» [3: с. 191]. Это и немудрено, ведь многолетние войны с Персией изменили сам характер отношений между полисами, серьезно повлияли на их политику, систему межполисных связей и способы жизни. Следствием только Саламинской

битвы было то, что, освободив разрушенный и разоренный персами родной город, афиняне так и не вернулись к старым нормам жизни.

Итак, гражданская связь между людьми крепнет. Статус гражданина приобретает в глазах людей все большее значение. Положение человека как гражданина дает ему ряд весьма ценных прав и привилегий. Постепенно формируется и представление о том, что соответствует статусу гражданина, а что считается для него позорным. В первую очередь это коснулось трудовой деятельности. Человек превращается из работника, непосредственно осуществляющего свою профессиональную деятельность, в хозяина источника дохода. Исполнение «рабской» работы свободным стало считаться позором. Даже когда Сократ предлагает Евферу для обеспечения себе сытой старости наняться в управляющие хозяйством к какому-нибудь состоятельному человеку, тот заявляет в ответ: «Тяжело будет мне, Сократ,... нести такую рабскую службу» (Xen. Mem. II, 8, 4).

На подобную же тему задает свой вопрос Сократ и Аристарху, в доме которого не хватает пропитания, но есть много бездельничающих родственников: «Так неужели оттого, что они — свободные, они не должны ничего делать, как только есть и спать?» (Xen. Mem. II, 1–8)

Следствием такого положения вещей явилась необходимость для свободного искать новые сферы деятельности. А так как занятия земледелием, ремеслом и торговлей не для всех были доступны, многие зарабатывают себе на жизнь активно участвуя в политической жизни и получая плату за исполнение своих гражданских обязанностей. Однако это приводит к массе злоупотреблений (см. например: Demosth. Log. VIII, 32). Некоторые граждане стали предлагать услуги учителей и логографов, были паразитами. Развиваются ростовщичество и спекуляция — занятия, считавшиеся совершенно недопустимыми для граждан. Еще более неблагоприятные занятия типа сикофанства (ремесло доносчика-вымогателя) становятся уже профессиональными.

Основные способы к существованию для свободного гражданина хорошо проиллюстрированы в одной из речей Эсхина: «...в том-то и дело, что у Тимарха не осталось ничего: ни своего дома, ни сдаваемого внаем, ни участка, ни рабов, ни денег, отданных в долг, ничего другого, что составляет источник существования для честных людей» (Aeschin. Log. I, 105).

Если попробовать описать реального гражданина древнегреческого полиса, то ему, как и любому человеку, ничто человеческое не было чуждо, а поэтому античный грек (да и не только он) был далеко не идеальным гражданином. Несмотря на великие примеры гражданской стойкости и верности гражданскому долгу, история Греции полна также и образцами политической недалекости и аполитизма. Многие великие государственные деятели, философы и поэты либо поплатились жизнью за свои заслуги перед государством, либо умерли на чужбине, будучи изгнанными.

Стоит только вспомнить самые одиозные из подобных примеров: судебный процесс над стратегами — победителями в битве при Аргинусских островах и суд над Сократом. Как точно отметил Гегель, говоря о суде над Сократом:

«Принцип Сократа ...не был проступком индивидуума, все афиняне были соучастниками этого же проступка; это было как раз преступление, совершаемое народным духом против самого себя... Это — разложение народа, дух которого... вскоре исчезнет из мира... Познание привело к грехопадению, но оно также содержит в себе принцип спасения. То, что таким образом, у других было лишь гибелью, у Сократа... было также принципом, носившим в себе лекарство» [1: с. 83]. Но «Бобов грызун, сварливый, привередливый, народ афинский, старикашка глухонький» предпочитал умереть, чем терпеть мучения, приносимые «лекарствами», которые давали ему его лучшие граждане. Народ надо «подкармливать словечками лукавыми, подмасливать и льстить: “О, государь Народ!”» (Arist. Hip. 40–50). Ведь от решения этого народа зависит очень многое. А с тех пор как исполнение гражданских обязанностей стало платным, активная гражданская деятельность во благо государства превратилась в паразитизм за его счет.

Как отмечал лукиановский Менипп, перечисляя национальные страсти: «Финикияне путешествовали; киликийцы совершали разбойничьи набеги; лаконцы сами себя бичевали; афиняне судились» (Luc. Icarom., 16). Почти священная страсть афинян к судебным процессам, словно бы заложенная в них еще Афиной и Посейдоном, устроившими перед сонмом богов во главе с Зевсом судебное разбирательство за владение Аттикой, превратилась с веками в некоего рода неотъемлемую национальную привычку. Не зря тот же Аристофан с усмешкой отметил:

Есть в стране Судебной Тяжбы,
Возле города Присяжных,
Племя длинных языков.
Языками пашут поле,
Языками сено носят,
Языками жнут хлеба...

(Aristoph. Orni. 1690–1695)

Высмеивая безобразную любовь афинян к судам, Аристофан уподобил своих сограждан осиному рою, жалящему всех встречаемых поперечных и навскалывающемуся на этом. Как с глубокой грустью и тоской вспоминает о своей бытности гелиастом старик Филоклеон — главный герой «Ос», запертый дома своим сыном, желающим отвратить отца от его безумной страсти:

...могуществом нашим любому царю мы ничуть
и ни в чем не уступим.
Есть ли большее счастье, надежней судьба в наши
дни, чем судейская доля?
Кто роскошней живет, кто гроза для людей,
несмотря на преклонные годы?
С ложа только я сполз, а меня уж давно у ограды
суда поджидают..
Подойти я к суду не успею,

Принимаю пожатия холеных рук, много денег
покрывших народных,
И с мольбой предо мной они гнутся в дугу,
разливаются в жалобных воплях...
Наконец, размягченный мольбами, вхожу,
отряхнувши всю ярости пену,
Но в суде никаких обещаний моих исполнять не
имею привычки,
Только слушаю я, как на все голоса у меня
оправдания просят.
И каких же, каких обольстительных слов
в заседанье судья не услышит?..
Или это не власть, не великая власть?..
И отчета мы в том никому не даем, не в пример
остальным учреждениям...

(Aristoph. Orni. 549–562; 575; 587)

Суды присяжных действовали в Афинах еще со времен Солона. Мысль быть самим своими судьями, видимо, весьма понравилась афинянам, и к V в. до н. э. гелиея сосредоточила в своих руках ведение всех гражданских и почти всех уголовных дел. Неспроста старик Филоклеон (букв.: любящий Клеона) сравнивает судебскую власть с властью Зевса (Аристофан. Осы, 620–630).

Благодаря реформам Эфиальта и Перикла должность гелиаста стала доступна для всех, и было принято решение об оплате присяжным посещаемых ими судебных заседаний. При Перикле плата за посещение заседания гелиеи составляла 1–2 обола. Клеон вскоре увеличил эту плату до 3 оболлов. Таким образом суд превратился для многих в источник средств к существованию. По этой причине Филоклеон считает самым приятным не зрелище пресмыкающихся перед судьями обвиняемых, а возвращение домой, когда его домохадцы, зная, что глава семьи принес деньги, лебезят перед ним в надежде на его щедрость (Aristoph. Orni. 605–612).

Вполне естественно, что подобные методы не способствовали развитию у граждан желания творить справедливый суд. Благодаря тому, что у греков отсутствовала адвокатура, обвиняемые вынуждены были оправдываться всеми доступными средствами, круг которых определялся их материальным достатком, знакомствами, влиянием и т. д. Люди побогаче старались умиловить судей денежными подачками или богатыми подарками, иные шли к логографам для того чтобы им сочинили убедительные апологии. Суды часто превращались в некое подобие театральной сцены, на которой разыгрывались настоящие комедийные представления (Aristoph. Orni. 564–574).

Так как греческий суд не имел специального чиновника, наделенного полномочиями привлекать кого-либо к суду, обвинение в гелиею могло быть подано любым гражданином. При этом оно тут же принималось к слушанию. Греки не вели предварительного расследования, и никаких доказательств виновности подозреваемого суд не требовал. Жалоба принималась к слушанию уже

как факт, и обвиняемому ничего не оставалось, как идти в суд и самому убеждать гелиастов в своей невиновности (Lys. Log. XXV, 4–6). Подобные недостатки судопроизводства также порождали массу злоупотреблений. Именно им было обьязано греческое общество распространением сикофантов — профессиональных доносчиков, зарабатывающих на жизнь методом шантажа, вымогая у людей деньги или же (если «клиент» оказался несговорчивым) подавая в суд реальное (если имелись соответствующие факты) или надуманное обвинение (Lys. Log. XXV, 3; Athen. Deip.soph. VI, 254b).

Вот как описывает сикофанта Демосфен: сикофант — это «собака демоса, как говорят некоторые. Какого же рода? А такого, что он не кусает тех, кого называет волками, а пожирает овец, которых, как он сам заявляет, он стережет». Сикофант — «торговец подлостью, продавец и меняла совести, пусть даже у него в руках нет ни весов, ни гирь. Ведь все, что он некогда сделал, он и продал...

Его душа не занята никакими заботами об общественном благе. Он не занят ни ремеслом, ни земледелием, ни какой-либо другой полезной деятельностью, его не соединяет ни с кем ни общение, ни человеколюбие. Он проходит через рыночную площадь подобно змее или скорпиону, подняв жало, озираясь по сторонам и выбирая, кого бы оклеветать, кому бы причинить горе или какое-либо другое зло, кого ввергнуть в страх, у кого выманить деньги. Он необщителен, неудачлив, у него нет друзей. Ему не свойственны ни благодарность, ни любовь, ни что-либо другое из того, что присуще уравновешенным людям. С какими атрибутами живописцы изображают нечестивцев в Аиде, с такими же — с проклятиями, хулой, завистью, мятежностью и бранью — проходит сикофант по городу» (Demosth. Log. XXV, 40; 46; 51–52). Сикофанты, как правило, маскировали свое грязное ремесло радением за общественные дела и часто доказать свою невиновность пред гелиастами даже несправедливо оклеветанному человеку было очень непросто (Isocr. Log. XVIII, 9–10).

Итак, право обвинения целиком принадлежало стороне, предъявлявшей иск. Потерпевшая сторона должна была сама отыскивать виновного, собирать улики и свидетелей, выступать с обвинительной речью, а после признания подсудимого виновным — предлагать меру наказания (Plat. Apol. 35e–38b). Вполне естественно, что оправдаться при подобных обстоятельствах для честного человека, тем более для несведущего в подобных делах и не умеющего убедительно говорить, было весьма сложно.

Естественно, в этих условиях государство мыслилось обычными гражданами не только как политическая сила, оплот, но и как способ к существованию. Немудрено и то, что борьба общинной аристократии и лидеров демоса за власть лишь обострялась, постоянно давая плодотворную почву для политического хаоса как в государстве, так и в умах.

Поражение в Пелопонесской войне и крах Первого афинского морского союза, лишь обострившие эти антагонизмы внутри Афин, принесли и более серьезные проблемы — Греция вновь была ввергнута в состояние раздробленности. Величие Афин как морской державы, заложенное еще Фемистоклом

и Периклом, исчезло. Афинский флот, уничтоженный Лисандром, прекратил свое существование, а вместе с ним распались и сложившиеся экономические и политические связи между полисами.

Последствия самой кровопролитной в истории Греции войны были ужасны: вырубленные рощи и виноградники, сожженные поля, разрушенные города и оскверненные храмы. Война привела к колоссальному перераспределению материальных богатств и утрате большого числа людей среди гражданского населения полисов, в связи с чем возникла проблема пополнения рядов гражданского населения со стороны.

Разумеется, все это не могло не сказаться и на политическом сознании и нравах граждан городов-государств. Гражданские общегосударственные добродетели все чаще растворяются в эгоистических частных интересах граждан. В городах с новой силой оживляется ростовщичество. Деньги становятся престижной формой богатства. Углубляется дифференциация внутри населения полисов (Isocr. Log. VII, 54). Количество богачей, располагающих большими капиталами, значительно увеличивается. Огромные размеры принимает спекуляция хлебом. Несмотря на смертную казнь, полагавшуюся за занятия спекуляцией, наживой подобного рода не брезговали даже граждане.

«Их интересы противоположны интересам других, — гневно обрушивается на спекулянтов Лисий, — они всего больше наживаются тогда, когда при известии о каком-нибудь государственном бедствии продают хлеб по дорогим ценам. Ваши несчастья так приятно им видеть, что иногда о них они узнают раньше всех, а иногда и сами их сочиняют... Вражда их дошла до того, что они в удобный момент нападают на вас, как неприятели. Когда вы всего более нуждаетесь в хлебе, они вырывают его у вас изо рта и не хотят продавать, чтобы мы не разговаривали о цене, а были бы рады купить у них хлеба по какой ни на есть цене. Таким образом, иногда во время мира они держат нас в осадном положении» (Lys. Log. XXII, 14–15).

Именно в этих условиях, когда начинается кризис полисной системы, появляются попытки оздоровления полисной жизни. Выдающиеся мыслители и политики Греции выдвигали свои проекты выхода из кризиса, искали альтернативы для возрождения общеэллинского единого государственного союза. Сознание многих греческих граждан и политических деятелей не хотело мириться с мыслью о разумности дальнейших гражданских смут и войн. Тем более что Персия и Македония угрожали независимости греческих городов-государств.

Весьма точно высказался по этому поводу П.И. Новгородцев: «В древности государство для человека было объектом культа, оно составляло высшее единство человеческой жизни, осуществление высших идей; древний гражданин должен был всецело жить для государства или общества, в жертву которому приносилась свобода личности; отдельная личность была мыслима только в качестве гражданина, а не человека вообще. И вот, когда греческое государство разлагается и падает, приходится перестраивать всю жизнь, искать

для нее других опор; естественно, что людьми овладевает известная тоска отчаяния, известное недоверие к будущему» [2: с. 26].

«А нас ничуть не заботит, — укорял сограждан Исократ, — что наша политика извращена. Мы не думаем искать средства к ее исправлению. Вместо этого, сидя по лавкам ремесленников, мы осуждаем теперешние порядки и сетуем на то, что никогда еще при демократии нами не управляли хуже, чем теперь. На самом же деле в поступках и в образе мыслей, которых мы придерживаемся, мы любим нынешнюю политику больше завещанной нам предками» (Isocr. Log. VII, 15). «Граждане, вместо того, чтобы воевать с другими за свою страну, сражаются между собой внутри городских стен» — таков неутешительный вывод Исократа.

Вместе с крахом Второго афинского морского союза было уничтожено последнее крупное объединение греческих полисов, а вместе с ним — и последние надежды на возрождение единого эллинского государства. Свидетельства охватившего Грецию кризиса были налицо: усилились политическая анархия, враждебность и настороженность в межполисных отношениях, участились локальные войны, начинавшиеся, как правило, по ничтожным мотивам. Это все больше и больше ослабляло Элладу, пока поражение в битве при Херонее не поставило точку в истории независимых греческих полисов. По прошествии некоторого времени царство, созданное Александром Македонским, объединило в себе и эллинов, и варваров, различий между которыми македонский царь не делал, несмотря на то что его великий учитель предписывал своему питомцу обращаться с эллинами как со свободными людьми, а с варварами — как с рабами. Но, как бы то ни было, кругозор эллинов расширялся, а с постепенным забвением старых полисных ценностей и традиций исчез и прежний взгляд на мир и неэллинские народы.

Вместе с серьезными изменениями в политическом сознании происходит и изменение понятий. Если для полисного грека понятие «полис» (polis) объединяло государство и город, то теперь город-государство уходит в прошлое, оставляя место только государству. В связи с этим не мог не измениться и смысл термина «гражданин» (polites). Нравственные основы, на которых держался полис, изменились и вышли за его рамки, приняв более общечеловеческий характер. Если ранее требования любви гражданина к родине, согражданам и необходимость исполнения каких-либо обязанностей заключались только в пределах города-государства, то от греческого гражданина эпохи эллинизма требуется справедливое отношение уже ко всем окружающим, независимо от того, живут ли они с ним в одном городе или нет, эллины они или варвары. Именно здесь и происходит новый перелом в политическом сознании греков. Нравственное и политическое разделяются друг с другом. На нравственность перестают смотреть через призму политики как на нечто полезное или пригодное для государства. Таким образом, разрушается та основа, на которой зиждились политическое сознание и эллинские политические учения классической полисной эпохи. Новое государство уже не интересуется,

патриот ли данный гражданин или своекорыстный эгоист. Теряется ценность отдельного лица — члена полисной общины, гражданина города-государства. И если раньше полис требовал от своих граждан все свои деяния и помыслы направлять на то, чтобы принести пользу своему государству, то теперь этот гражданин (или уже подданный) теряется в грандиозных размерах нового разноплеменного и разноязыкого государства, а вместе с этим исчезают из человеческого сознания идеи о панэллинизме, а из философии — идеи об идеальном государстве со строго ограниченным количеством граждан.

Если в полисе изменение благосостояния государства моментально отражалось на благосостоянии его граждан, то теперь гражданин стал в нем лишь песчинкой, податной единицей. Как гражданин не обязан печься о благосостоянии государства с тем радением, которое от него требовалось раньше, так и государству безразличен его отдельный гражданин. Государство перестает владеть всем существом человека. И чем больше расширяется государство и множится число его граждан, тем более теряет гражданин интерес к политической деятельности, предается забвению смысл старых понятий и идеалов.

Древняя Греция, состоящая из небольших городов-государств, прекратила свое существование. Поглощенная империей Александра Македонского, она стала лишь одной из ее частей. Родиной становится не свой город, а весь мир, и всякий ограниченный человеческий союз теперь представляется слишком узким. На передний план выступает отдельная человеческая личность, для которой родина там, где ему хорошо. Космополитизм, зародившийся еще в эпоху классической Греции, стал одной из типичных черт нового общественного сознания [2: с. 30]. На этом этапе окончательно исчезает политический идеал античной Греции, столь характерный для сознания греческого полисного гражданина. Идеи космополитизма уже совершенно противоположны и чужды политическому сознанию гражданина города-государства. Теперь же человек из гражданина полиса становится гражданином мира. И государство, которому служит теперь всякий человек, состоит не из маленького полиса, а представляет собой единый универсальный город, в котором другие города и государства лишь отдельные дома.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии: в 3 т. Т. 2. СПб.: Наука, 1993. 432 с.
2. Новгородцев П.И. Конспект к лекциям по истории философии права. М.: В.М. Саблин, 1908. 246 с.
3. Петров М.К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997. 352 с.

Literatura

1. Gegel' G.V.F. Lekcii po istorii filosofii: v 3 t. T. 2. SPb.: Nauka, 1993. 432 s.
2. Novgorodcev P.I. Konspekt k lekciyam po istorii filosofii prava. M.: V.M. Sablin, 1908. 246 s.
3. Petrov M.K. Antichnaya kul'tura. M.: ROSSPE'N, 1997. 352 s.

A. V. L'vov

The Political Consciousness of a Citizen of the Ancient Greek Polis²

The main criterion for the ancient citizen was the degree of his participation in the political life of their polis and the relationship between a man-citizen, a group of citizens and the polis was especially close. In light of this the purpose of this article is to attempt to consider the formation and development of the political consciousness of the ancient man, the relationship of the political consciousness with real behavior.

Keywords: political consciousness; citizen; citizenship; Ancient Greece.

² Continuation, the beginning of the article see: *L'vov A. V. Politicheskoe soznanie grazhdanina drevnegrecheskogo polisa. Ch. 1 // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2018. № 4 (32). S. 25–33.*

УДК 342.98

DOI 10.25688/2076-9113.2019.33.1.03

Н.В. Антонова,
А.В. Ким

Развитие административных функций территориальных органов юстиции в современной России

В статье рассматриваются управленческие функции территориальных органов юстиции в динамике развития общественных отношений на современном этапе. Показана реализация контрольных полномочий этих органов на объект регулирования в деятельности некоммерческих организаций, нотариата, адвокатуры и субъектов регионального нормотворчества. Обозначены ограничения, создающие препятствия в принятии властных решений территориальными органами юстиции.

Ключевые слова: управленческие функции; управленческое решение; органы юстиции; контрольные полномочия; правоотношения; регистрация; федеральный закон.

С распадом союзного государства и образованием Российской Федерации государственное управление страной перешло в новую фазу автономного развития. Административное реформирование государственного аппарата, образование новых органов публичной власти повлияло на усовершенствование функций федеральных министерств и их территориальных органов. Смена политического курса, развитие международных отношений, переход административно-командной экономики в рыночную привели к трансформации общественных отношений. Новая конституция России провозгласила приоритет прав и свобод личности, что потребовало создания эффективного механизма их защиты [11: с. 3]. Для реализации конституционных положений были приняты соответствующие федеральные и региональные законы. Изменения в общественной жизни страны повлияли на направления деятельности Министерства юстиции Российской Федерации. Многие классические полномочия органов юстиции по судебному управлению, организации и руководству судебными учреждениями, общему руководству и надзору

за деятельностью коллегий защитников, руководству системой юридического образования, актуальные в советский период, были отменены [12: с. 24]. Вместе с тем у Минюста России появились новые функции.

В 1995 г. вступил в юридическую силу федеральный закон «Об общественных объединениях», который определил конституционные права граждан на объединения, создание на обоюдной, добровольной основе общественного объединения для самореализации членов общества, защиты прав и законных интересов граждан. В зависимости от целей к общественным объединениям были отнесены: общественная организация; общественное движение; общественный фонд; общественное учреждение; орган общественной самостоятельности; политическая партия [3]. Впервые правовой статус был закреплен за некоммерческими организациями, призванными осуществлять деятельность для достижения социально значимых целей. В функциональную основу таких организаций законодатель отнес воплощение благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих идей. Приоритетными задачами являются достижение общественных благ посредством охраны здоровья граждан, развитие физической культуры и спорта, удовлетворение духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций и др. [4].

Конституционные гарантии свободы совести, вероисповедования, свободного выбора, распространения религиозных и иных убеждений положили начало развитию религиозных движений в стране [1]. Для урегулирования общественных отношений в этой сфере был принят федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», который закрепил право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию. Тем самым заинтересованным гражданам законом была предоставлена возможность создавать добровольные религиозные объединения с целью вероисповедания, совершения богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний, обучения религии и ведения религиозного воспитания своих последователей [5].

Развитие политического плюрализма в России закрепило за гражданами право на объединение в политические партии, дало возможность создавать на добровольной основе политические партии, опираясь на собственные взгляды и убеждения [6].

Законодательные новеллы привели к образованию разных автономных социальных институтов. Это создало предпосылки для принятия мер, обеспечивающих не только реализацию законодательных положений, но и создание эффективного механизма, который позволил бы контролировать деятельность данных организаций. Управленческими функциями в этой области был наделен Минюст России. Федеративное устройство России составили субъекты, обладающие специальным правовым статусом. В регионах были созданы территориальные управления Минюста России, что позволило полностью реализовывать государственную политику и решать возложенные задачи на всей территории Российской Федерации.

Главным контрольным инструментом в работе с некоммерческими организациями выступил институт государственной регистрации, через который проходят все уставные документы всех партий, фондов, общественных или религиозных организаций. В этой связи в территориальных органах юстиции была создана и начала действовать система регистрационного производства в отношении различных общественных объединений, а также стал осуществляться контроль за их деятельностью. Результатом такого регистрационно-процедурного производства в рамках реализации контрольных полномочий является принятие управленческого решения зарегистрировать либо отказать соискателю в такой регистрации.

Законодательство предоставило Минюсту России и органам юстиции в субъектах РФ значительный ряд полномочий в части организации работы государственного и частнопрактикующего нотариата. В функциональные обязанности территориальных органов юстиции при их работе совместно с региональной нотариальной палатой входят организационные полномочия по открытию и упразднению государственных нотариальных контор; учреждению и ликвидации должности нотариуса; наделению нотариуса полномочиями; порядок выдачи лицензии на право нотариальной деятельности; определение порядка проведения конкурса на должность и порядка прохождения стажировки лицами, желающими заниматься нотариальной деятельностью. К контрольным функциям можно отнести полномочия за соблюдением нотариусами, работающими в государственных нотариальных конторах и занимающимися частной практикой, правил нотариального делопроизводства [2; 8]. Имеющиеся организационные и контрольные полномочия территориальных органов юстиции в отношении субъектов, осуществляющих нотариальную деятельность, реализуются этими органами по согласованию с нотариальной палатой региона.

С принятием Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» на Минюст России были возложены контрольно-надзорные полномочия в отношении адвокатуры. Так, должностными лицами территориальных органов юстиции ведется региональный реестр адвокатов, выдаются правоустанавливающие документы — удостоверения, принимается участие в работе квалификационной комиссии при адвокатской палате субъекта РФ. Во взаимоотношениях с адвокатским сообществом органы юстиции представляют исполнительный орган государственной власти и обеспечивают государственный контроль, в том числе участием в деятельности квалификационной комиссии по приему экзамена на статус адвоката. В случае установления фактов нарушения адвокатом в профессиональной деятельности требований законодательства, территориальный орган вправе направить в адвокатскую палату субъекта РФ представление о прекращении статуса адвоката и возбуждении дисциплинарного производства. Если же адвокатская палата по истечении трех месяцев оставила представление территориального органа юстиции без рассмотрения, то данный орган уполномочен направить обращение в суд с требованием о прекращении статуса

адвоката, нарушившего закон [7]. Только управленческими функциями взаимоотношения территориальных органов юстиции с представителями адвокатского сообщества не исчерпываются. Сегодня территориальные органы Минюста России осуществляют и иные функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства Российской Федерации адвокатами, адвокатскими образованиями и адвокатскими палатами. Контрольно-надзорную компетенцию органов юстиции усилили полномочия по направлению требований в Совет Федеральной палаты адвокатов о досрочном прекращении полномочий регионального совета адвокатской палаты и приостановлении полномочий президента региональной адвокатской палаты за нарушения последних положений действующего законодательства. Это дало возможность представлять позицию федерального органа исполнительной власти с целью защиты интересов граждан в корпоративном адвокатском сообществе [8].

Разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами, законодательное закрепление автономности муниципальных образований от государственной власти привело к развитию нормотворческого процесса в данных территориях. В регионах и муниципальных образованиях принимались и принимаются нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения в разных сферах. Несмотря на свободу нормотворчества, государство должно было обеспечить верховенство Конституции Российской Федерации, федеральных законов, единообразное их правоприменение. Это потребовало принятия мер для обеспечения единства правового пространства на всей территории страны.

Территориальные органы юстиции были наделены полномочиями по проведению правовой экспертизы региональных нормативных правовых актов на их соответствие Конституции Российской Федерации и федеральным законам, а также антикоррупционной экспертизы актов для выявления коррупционных факторов [10: с. 3]. Экспертизы предполагают совершение определенного алгоритма действий по изучению нормативного правового акта [8: с. 34]. Фактически территориальные органы Минюста России реализуют экспертные полномочия в рамках выполнения контрольных функций. Однако принимать управленческое решение по результатам сделанной экспертизы (на случай, если региональный нормативный правовой акт признан нелегитимным), которое препятствовало бы вступлению этого акта в законную силу, органы не могут, поскольку экспертное заключение носит всего лишь рекомендательный характер.

Аналогичный подход будет актуальным и при выполнении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов РФ. Причина кроется в том, что процедура государственной регистрации в отношении нормативных правовых актов субъектов РФ не предусмотрена. Таким образом, контроль территориальных органов Минюста России замыкается на выявлении нарушений со стороны нормотворческих органов и принятии мер в виде направления документов в региональную прокуратуру.

Развитие всех ветвей государственной власти и общественных отношений в современной России качественно повлияло на формирование компетенций территориальных органов юстиции. Вполне конкретно сегодня обозначен объект управления — отношения, возникающие в процессе деятельности некоммерческих организаций, адвокатуры, нотариата, субъектов регионального нормотворчества и др. Ключевым инструментом в контрольном надзоре за некоммерческими организациями является право на принятие управленческого решения, имеющего властный характер при государственной регистрации такой организации (зарегистрировать либо отказать в регистрации). Действуя в интересах государства и общества, территориальные органы юстиции теперь вправе на законных основаниях пресекать противоправную деятельность общественных организаций как на этапе их образования, так и при их функционировании. При осуществлении контроля за нотариатом и адвокатурой территориальные органы Минюста России не обладают самостоятельными управленческими полномочиями, делегирующими принятие властного решения. Фактически контрольные функции распределены между органами юстиции и нотариальными палатами субъектов РФ в нотариальной деятельности и между адвокатскими палатами регионов и органами юстиции — в вопросах адвокатуры. В рамках решения задач по обеспечению единства правового пространства на территории субъектов РФ территориальные органы юстиции не наделены пока еще властными полномочиями по принятию управленческих мер в отношении незаконного регионального нормативного правового акта. К сожалению, управленческие функции здесь сводятся только к учету и носят информационный характер.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что с эволюцией правоотношений в современной России преобразовались управленческие функции территориальных органов Минюста России. Их первостепенной задачей является реализация государственной политики в установленной сфере деятельности. Успех в этом направлении во многом зависит от позитивной динамики развития правосубъектности Минюста России, усиления контрольных полномочий, и, как следствие, способности своевременно принимать необходимые административные решения.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [принята 12 дек. 1993 г.: по состоянию на 21 июля 2014 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате // Российская газета. 1993. № 49.
3. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
4. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
5. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

6. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

7. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

8. Приказ Минюста России от 03.03.2014 № 25 «Об утверждении Положения о Главном управлении Министерства юстиции Российской Федерации по субъекту (субъектам) Российской Федерации и Перечня главных управлений Министерства юстиции Российской Федерации по субъектам Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 65.

9. Бак Е.В. Общественная экспертиза как форма общественного контроля в обеспечении законности нормативных правовых актов // Проблемы права. 2018. № 3. С. 33–36.

10. Ким А.В. Правовая и антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов в территориальных органах Министерства юстиции Российской Федерации (административно-правовое исследование) : автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 28 с.

11. Кондратьева Т.В. Управление юстицией РФ : автореф. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2004. 26 с.

12. Олейник И.И. Становление и развитие органов управления советской юстицией в 1917–1936 гг. // История государства и права. 2009. № 22. С. 23–26.

13. Пашенцев Д.А. Реформирование финансовой системы в контексте правовых реформ в России // Вестник Академии права и управления. 2014. № 4. С. 11–14.

Literatura

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii [prinjata 12 dek. 1993 g.: po sostoyaniyu na 21 iyulya 2014 g.] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2014. № 31. St. 4398.

2. Osnovy' zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate // Rossijskaya gazeta. 1993. № 49.

3. Federal'ny'i zakon ot 19.05.1995 № 82-FZ «Ob obshhestvenny'x ob''edineniyax» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 21. St. 1930.

4. Federal'ny'i zakon ot 12.01.1996 № 7-FZ «O nekommercheskix organizacijax» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 3. St. 145.

5. Federal'ny'i zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ «O svobode sovesti i o religiozny'x ob''edineniyax» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1997. № 39. St. 4465.

6. Federal'ny'i zakon ot 11.07.2001 № 95-FZ «O politicheskix partiyax» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 29. St. 2950.

7. Federal'ny'i zakon ot 31.05.2002 № 63-FZ «Ob advokatskoj deyatelnosti i advokature v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 23. St. 2102.

8. Prikaz Minyusta Rossii ot 03.03.2014 № 25 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Glavnom upravlenii Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii po sub''ektu (sub''ektam) Rossijskoj Federacii i Perechnya glavny'x upravlenii Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii po sub''ektam Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2014. № 65.

9. Bak E.V. Obshhestvennaya e'kspertiza kak forma obshhestvennogo kontrolya v obespechenii zakonnosti normativny'x pravovy'x aktov // Problemy' prava. 2018. № 3. S. 33–36.

10. *Kim A.V.* Pravovaya i antikorrupcionnaya e'kspertiza normativny'x pravovy'x aktov i ix proektov v territorial'ny'x organax Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii (administrativno-pravovoe issledovanie) : avtoref. ... kand. jurid. nauk. M., 2017. 28 s.

11. *Kondrat'eva T.V.* Upravlenie yusticiej RF: avtoref. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D., 2004. 26 s.

12. *Olejnik I.I.* Stanovlenie i razvitie organov upravleniya sovetskoj yusticiej v 1917–1936 gg. // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2009. № 22. S. 23–26.

13. *Pashencev D.A.* Reformirovanie finansovoj sistemy' v kontekste pravovy'x reform v Rossii // *Vestnik Akademii prava i upravleniya*. 2014. № 4. S. 11–14.

N.V. Antonova,

A.V. Kim

Development of Administrative Functions of Territorial Bodies of Justice in Modern Russia

The article considers the administrative functions of the territorial bodies of justice in the dynamics of the development of social relations at the present stage. The implementation of the supervisory powers of these bodies on the object of regulation in the activities of non-profit organizations, notaries, advocacy and subjects of regional rule-making is shown. The limitations are designated that create obstacles in taking power decisions by the territorial bodies of justice.

Keywords: management functions; management decision; justice authorities; supervisory powers; legal relations; incorporation; the federal law.

УДК 342.7

DOI 10.25688/2076-9113.2019.33.1.04

А.Ю. Ключников

Роль Европейского суда справедливости в установлении общеевропейского стандарта защиты основных прав человека

В статье рассмотрены отдельные вопросы становления в Европейском союзе института защиты прав человека и основных свобод, его превращения в одну из основ функционирования наднациональной организации. Автором делаются выводы о соотношении наднациональной и национальной конституционно-правовой компетенции в рассматриваемой сфере. Изучены особенности комплексного воздействия двух наднациональных судов — Суда ЕС и Европейского суда по правам человека — на область защиты прав человека в Европейском союзе.

Ключевые слова: защита прав человека; право Европейского союза; Европейский суд справедливости; Европейский суд по правам человека.

В основе современного государства лежат три составные части — демократия, верховенство права и права человека. Отсутствие одной из этих опор влечет обрушение всей конструкции. Пример нацистской Германии доказывает, что только принципа верховенства права недостаточно для защиты прав и свобод человека. Государства, основанные только на двух принципах, относительно легко опускаются от демократических в более низкие формы правления.

Если поставить во главу угла только права человека, подход не будет демократическим, поскольку во имя защиты различных меньшинств воля большинства будет ограничена. Этот парадокс прав человека ограничивает волю большинства, с одной стороны, с другой — укрепляет основанную на трех принципах систему, защищая граждан от потенциальной тирании государства.

Для правильного функционирования современного государства требуется сочетание трех элементов. Система защиты прав человека в Европе играет особую роль: после трагических событий XX в. именно права и свободы человека составляют основу европейской идентичности [3: с. 10].

В этом контексте неудивительно, что автономный правовой порядок Европейского союза (далее — ЕС), перешедший в более тесный союз, чтобы сохранить доверие и восприниматься всерьез с первых дней своего существования, должен был сделать акцент на правах человека. Институционально особую активность проявляет Суд Европейского союза.

Изначально, когда страны Европейского экономического сообщества (далее — ЕЭС) создавали правовую систему, больше напоминавшую международно-правовую, чем национальную, защита прав человека как основа функционирования во главу угла не ставилась. Труднопредсказуема была эволюция того, что изначально задумывалось как проект экономической интеграции. Институты ЕЭС учреждались для контроля за функционированием отдельных элементов национальной экономики, а не для учета интересов отдельных лиц.

Впервые вопрос возник в 1958 г. (дело *Сторк*), когда Европейский суд справедливости (далее — Суд) должен был разрешить вопрос взаимообусловленности актов Сообществ и защищаемых национальными конституциями прав человека в государствах — членах ЕЭС [15: с. 17]. Мотивируя отрицание какой-либо связи, Суд указал, что «согласно ст. 8 Договора Комиссия обязана применять только право Сообществ из-за отсутствия компетенции по применению национального права, а Суд только обеспечивает его правильное толкование и применение, не затрагивая национальное законодательство».

Эта позиция была подтверждена и в следующем деле, где Европейский суд справедливости констатировал, что «аргументы заявитель обосновывает ссылкой на немецкую прецедентную практику относительно толкования статьи 14 Основного Закона ФРГ, гарантирующую частную собственность. Европейский суд справедливости не вправе судить о законности решений Комиссии через анализ соблюдения конституционных, иных национальных норм» [7: с. 423].

Если Суд позволил бы государствам-членам самостоятельно формировать общеевропейский правопорядок в сфере защиты прав человека, правовая система ЕЭС была бы основана на максимальном стандарте защиты прав человека любого из государств-членов и только затем применялась бы к праву ЕЭС. Но некоторые права по-разному защищаются в разных государствах-членах (например, экологические права), поэтому максимальный стандарт применим ко всем государствам-членам при применении права ЕЭС и его толковании судом. Отказывать в защите прав граждан на основании права ЕЭС в течение длительного периода времени невозможно [8: с. 372]. Аналогичное разбирательство может быть возбуждено в разных национальных судах, и здесь последствия могут быть катастрофическими, если национальные суды сочтут право ЕЭС неприменимым.

Европейский суд справедливости позитивно откликнулся на ожидания национальных судов, занимающихся созданием требуемого уровня защиты прав человека в праве ЕЭС. В деле *Стаудер* он впервые признает, что основные права «закреплены в общих принципах Европейского права» [7: с. 635]. Для основных прав предусмотрены гарантии защиты, аналогичные имеющимся в государствах — членах ЕЭС и в целом присущие европейскому праву.

С этого момента Европейский суд справедливости последовательно признает собственную роль защитника основополагающих прав человека в европейском правопорядке, позиционируя себя как источник стремления к появлению новых конституционных традиций, общих для государств —

членов ЕЭС. Укрепление этой позиции произошло в деле Нолда, где Суд ЕЭС заявил, что «основополагающие права человека — неотъемлемая часть общих принципов права, соблюдение которых он обеспечивает. Гарантируя эти права, суд опирается на общие для государств-членов конституционные традиции, и поэтому он поддерживает меры, обусловленные основными правами, признаваемые и защищаемые конституциями государств» [12: с. 491]. Конституционные права определены как косвенный, но вдохновляющий источник права, подчеркнута значимость международных договоров по защите основных прав человека.

В этих делах Европейский суд справедливости подтвердил, что признает различные системы защиты прав человека — как национальные, так и международные. Ввиду динамичного развития идеи еще более тесного союза новая система защиты основных прав человека, формируемая практикой суда, отличается от существующей в международном и национальном праве. Суд имеет выбор: связать себя одной из этих систем права или выбрать иной путь.

Общеввропейская правовая система развивается гораздо быстрее, чем любая из правовых систем его государств-членов. Для обеспечения единообразного развития Суд разработал принцип примата права ЕЭС над национальным правом, который стал ключевым для поддержания сплоченности новой правовой системы. Общие для государств принципы, обеспечивая главную цель союза — эффективное функционирование внутреннего рынка, являются отличным правовым инструментом для защиты основных прав [4: с. 87–88]. Гибкость права обеспечивает необходимый уровень защиты основных прав без нарушения других ценностей.

С этой точки зрения судебский активизм является необходимой частью деятельности международного суда, который пытается заставить систему работать. Нормативный акт — это, безусловно, эффективный инструмент, способствующий обеспечению правопорядка и регламентации социальных проблем. Законодатель не всегда может обеспечить гражданам адекватный уровень правового регулирования из-за изменений, требующих трансформации системы в целом. Тогда суды, опираясь на общие принципы права, восполняют пробелы в праве и активно участвуют в правоприменении.

Теоретически возможно создание двух уровней защиты основополагающих прав и свобод. Первый уровень — создание единого общеевропейского стандарта, защищаемого всеми государствами-членами (в деле Нолда Суд ЕЭС ориентировал национальных правоприменителей черпать вдохновение из общего минимального стандарта [9: с. 3727]).

Сегодня в ЕС существуют государства, ставящие принципы равенства и социальной справедливости над правом на свободу и предлагающие своим гражданам очень сложные системы социальных льгот (страны Восточной Европы). Попытка привести систему к единообразию делает союз и входящие в него государства заложниками правил, существующих в одном или нескольких государствах.

Однако есть государства, в которых общество придерживается индивидуального подхода, а личные свободы поставлены в ущерб социальным правам. Данный подход пока был отклонен Европейским судом справедливости в деле Хауэр, разъяснившим, что основополагающие права существуют, если хотя бы в нескольких государствах они защищаются национальными судами [14: с. 419].

Единственным разумным решением для Суда являлось бы создание собственного независимого стандарта защиты основных прав для всего союза, связывающего Суд в своем толковании прав, который лишь косвенно должен быть основан на конституциях государств — членов ЕЭС.

Не менее важен и вопрос о применимом стандарте защиты основополагающих прав при применении права ЕС. В деле Вахауф Суд подтвердил, что в случае реализации права ЕЭС национальные власти обязаны соблюдать стандарты ЕЭС по защите основных прав [16: с. 2609]. Причем позиция Суда по этому делу дает ему практически неограниченные полномочия проверки национальных правопорядков на предмет совместимости с правом ЕЭС.

В деле Хехст Европейский суд справедливости особо подчеркнул значимость Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ): «Суд последовательно утверждал, что основные права являются неотъемлемой частью общих принципов права, соблюдение которых обеспечивает в соответствии с общими для государств-членов конституционными традициями и международными договорами, с которыми сотрудничает государство-член, или которые они подписали» [9: с. 2859]. Но ЕКПЧ не признается Судом прямым источником основных прав человека [15: с. 26–27]. Теоретически ее применение изложено в деле Шмидбергер: «Основные права человека составляют неотъемлемую часть общих принципов права, соблюдение которых обеспечивает Суд. С этой целью он опирается на общие для государств-членов конституционные традиции и международные договоры о защите прав человека, которыми государства руководствуются» [13: с. 5659].

Европейский союз не является участником конвенции, поэтому прямой контроль за данной системой защиты основных прав с его стороны отсутствует. Но это не означает отсутствие какого-либо контроля в принципе. В деле М & Со против Германии Европейский суд справедливости выразил суждение, что «передача полномочий международной организации не исключает ответственности государства в соответствии с Конвенцией в отношении осуществления переданных полномочий» [10: с. 1125], хотя «это несколько противоречит самой идее передачи полномочий международной организации с целью возложения на государства-члены ответственности за рассмотрение отдельных дел» [11: с. 138]. Государство несет ответственность за качество защиты основных прав человека в европейском правопорядке в целом [2: с. 140].

Эта позиция устанавливает косвенный контроль Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) за основными правами в ЕС.

Позиция была раскрыта в деле Босфорус, где ЕСПЧ заявил, что «международная организация не несет ответственности по Конвенции, пока не является

Договаривающейся Стороной, но в то же время Сторона несет ответственность за все действия и бездействие ее органов независимо от того, основаны ли они на национальном праве или на необходимости соблюдения международно-правовых обязательств» [6: с. 1].

Следовательно, полное освобождение государств-участников от их конвенционной ответственности в областях, охватываемых такой передачей, было бы несовместимо с целями и объектом конвенции. Действия государства оправданы до тех пор, пока ЕС защищает фундаментальные права как в отношении предоставляемых материальных гарантий, так и контролирующих их соблюдение механизмов. ЕСПЧ избегает двух крайностей: не верифицирует практику Суда и не провозглашает тотальный контроль над стандартом защиты [1: с. 119]. Думается, что пока Суд обеспечивает эквивалентную или большую в сравнении с национальным правом защиту, ЕСПЧ осуществляет лишь косвенный контроль за защитой основных прав в ЕС.

В заключение отметим, что ЕСПЧ в своей деятельности был обвинен в выходе за пределы предоставленных ему полномочий по созданию правоприменительной практики, стимулирующей процесс интеграции. Но именно ЕСПЧ способствовал утверждению принципа примата и прямого действия права ЕС, чтобы позволить правовой системе ЕС развиваться и стать более сплоченной, раскрыл содержание фундаментальных прав человека [5: с. 24]. Несмотря на порой очень сложный диалог с конституционными судами государств — членов ЕС и обвинения в судейском активизме, ЕСПЧ сделал все возможное, чтобы продвинуть процесс интеграции, обеспечить работу очень сложной системы. В целом защита основополагающих прав — одна из тех идей, которая успешно реализуется и приносит доверие Европейскому союзу.

Литература

1. *Александрова К.И.* Юрисдикционные конфликты в деятельности Европейского Суда по правам человека // *Право и государство: теория и практика.* 2016. № 10 (142). С. 118–121.
2. *Исполинов А.С.* Присоединение Европейского Союза к Европейской Конвенции по правам человека: настоятельная необходимость или попытка совместить несовместимое // *Российское правосудие.* 2012. № 9. С. 21–36.
3. *Кривова М.В.* Роль Суда ЕС в формировании общих принципов права Европейских Сообществ и Союза и защита прав человека и основных свобод // *Российское предпринимательство.* 2004. № 1. С. 9–11.
4. *Лантев Г.С.* Роль Европейского суда по правам человека в защите социальных прав граждан Российской Федерации // *Вестник Омского университета. Серия право.* 2009. № 1 (18). С. 69–71.
5. *Мещерякова О.М.* Основные принципы защиты прав человека в праве Европейского Союза // *Вестник Московского университета МВД России.* № 12. 2013. С. 85–89.
6. *Bosphorus Hava Yollari Turizm ve Ticaret Anonim Sirketi v. Ireland* [2006] 42 EHRR 1.
7. *Geitling Ruhrkohlen-Verkaufsgesellschaft mbH, Mausegatt Ruhrkohlen-Verkaufsgesellschaft mbH and I. Nold KG v. High Authority of the European Coal and Steel Community: joined cases 36, 37, 38/59 and 40/59* [1959] ECR 423.

8. Hauer v. Land Rheinland-Pfalz: case 44/79 [1979] ECR 3727.
9. Hoechst v. Commission: Joined cases 46/87 and 227/88 [1989] ECR 2859.
10. Internationale Handelsgesellschaft mbh v. Einfuhr-und Vorratsstelle fur Getreide und Futtermittel: case 11/70 [1979] ECR 1125.
11. M & Co v. Federal Republic of Germany (1990) 65 DR 138.
12. Nold v. Commission: case 4/73 [1974] ECR 491.
13. Schmidberger, Internationale Transporte und Planzuge v. Austria: case C-112/00 [2003] ECR I-5659.
14. Stauder v. City of Ulm: case 29/69 [1969] ECR 419.
15. Stork and Cie v. High Authority of the European Coal and Steel Community: case 1/58 [1958] ECR 17.
16. Wachauf v. Bundesamt fur Ernährung und Forstwirtschaft: case 5/88 [1989] ECR 2609.

Literatura

1. *Aleksandrova K.I.* Uridikcionny'e konflikty' v deyatel'nosti Evropejskogo Suda po pravam cheloveka // Pravo i gosudarstvo: teoria i praktika. 2016. № 10 (142). S. 118–121.
2. *Ispolinov A.S.* Prisoedinenie Evropejskogo Soyuza k Evropejskoj Konvencii po pravam cheloveka: nastoyatel'naya neobxodimost' ili popy'tka sovmestit' nesovmestimoe // Rossijskoe pravosudie. 2012. № 9. S. 21–36.
3. *Krivova M.V.* Rol' Suda ES v formirovanii obshhix principov prava Evropejskix Soobshhestv i Souza i zashhita prav cheloveka i osnovny'x svobod // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2004. № 1. S. 9-11.
4. *Lapteva G.S.* Rol' Evropejskogo suda po pravam cheloveka v zashhite social'ny'x prav grazhdan Rossijskoj Federacii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya pravo. 2009. № 1 (18). S. 69–71.
5. *Meshheriyakova O.M.* Osnovny'e principy' zashhity' prav cheloveka v prave Evropejskogo Souza // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. № 12. 2013. S. 85–89.
6. Bosphorus Hava Yollari Turizm ve Ticaret Anonim Sirketi v. Ireland [2006] 42 EHRR 1.
7. Geitling Ruhrkohlen-Verkaufsgesellschaft mbH, Mausegatt Ruhrkohlen-Verkaufsgesellschaft mbH and I. Nold KG v. High Authority of the European Coal and Steel Community: joined cases 36, 37, 38/59 and 40/59 [1959] ECR 423.
8. Hauer v. Land Rheinland-Pfalz: case 44/79 [1979] ECR 3727.
9. Hoechst v. Commission: Joined cases 46/87 and 227/88 [1989] ECR 2859.
10. Internationale Handelsgesellschaft mbh v. Einfuhr-und Vorratsstelle fur Getreide und Futtermittel: case 11/70 [1979] ECR 1125.
11. M & Co v. Federal Republic of Germany (1990) 65 DR 138.
12. Nold v. Commission: case 4/73 [1974] ECR 491.
13. Schmidberger, Internationale Transporte und Planzuge v. Austria: case C-112/00 [2003] ECR I-5659.
14. Stauder v. City of Ulm: case 29/69 [1969] ECR 419.
15. Stork and Cie v. High Authority of the European Coal and Steel Community: case 1/58 [1958] ECR 17.
16. Wachauf v. Bundesamt fur Ernährung und Forstwirtschaft: case 5/88 [1989] ECR 2609.

A. Yu. Klyuchnikov

The Role of the European Court of Justice in Setting a pan-European Standard for the Protection of Fundamental Human Rights

The article deals with some issues of the establishment of the Institute for the protection of human rights and fundamental freedoms in the European Union, its transformation into one of the foundations of a supranational organization functioning . The author draws conclusions about the relationship between supranational and national constitutional and legal competence in this area. The features of the complex impact of two supranational courts such as the EU Court of Justice and the European Court of Human Rights on the area of protection of human rights in the European Union were studied.

Keywords: protection of human rights; European Union law; European Court of Human Rights; constitutional Court; competence; EU member state.

УДК 349.3

DOI 10.25688/2076-9113.2019.33.1.05

Ю.Б. Корсаненкова

Межотраслевые связи права социального обеспечения как проявление системности права: общетеоретический и философский подходы

В данной статье предпринята попытка рассмотреть право социального обеспечения как системную категорию в праве. Применяя системный подход к познанию отрасли, автор рассматривает ее как правовую систему микроуровня, представляющую собой часть правовой системы более высокого уровня — системы права. Последняя же, в свою очередь, может быть рассмотрена как часть системы социального регулирования жизни общества.

Ключевые слова: право социального обеспечения как система; системный подход в праве; системность права; межотраслевые связи.

В современной юридической науке все бóльшую актуальность приобретает исследование новой правовой категории «межотраслевые связи» [8; 9; 12; 13], определяемой как отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между различными отраслями права, включая и их отдельные части [13: с. 8].

В первую очередь, имея в виду, что межотраслевые связи являются одним из проявлений системности права, следует обратиться к понятию *системы и теории систем*, которое выходит далеко за пределы права и является предметом философских исследований.

Понятие «система» претерпело длительную историческую эволюцию, начиная с античной философии, выдвинувшей онтологическое истолкование системы как упорядоченности и целостности бытия. С середины XX в. данное понятие является одним из ключевых философско-методологических и специально-научных понятий.

Важнейшую роль в этой связи играет диалектико-материалистический принцип системности, в содержание которого входят философские представления о целостности объектов мира, соотношении целого и частей, взаимодействии системы со средой (являющееся одним из условий существования системы), общих закономерностях функционирования и развития системы, структурированности каждого системного объекта, активном характере деятельности живых и социальных систем и т. п.

Характеризуя системность как одну из «важных характеристик, параметров объективного мира, и прежде всего мира социального», В.Г. Афанасьев отмечает, что «системные представления становятся важной чертой современного познания и практики, в особенности практики управления... обществом» [1: с. 16].

При сравнении определений понятия «система» в различных словарях обращает на себя внимание термин «связи» как элемент построения системы, связующий части некоего целого в единую, целостную, теоретическую картину [10: с. 459; 11: с. 1215].

В современной науке исследование систем разного рода проводится в рамках *системного подхода как направления методологии научного познания*, ориентирующего исследование на раскрытие целостности объекта, на выявление многообразных типов связей в нем и сведение их в единую теоретическую картину [11: с. 1215]. В основе такого подхода лежит рассмотрение объектов систем и связей между ними.

Исследование права на основе системного подхода в настоящее время широко используется в различных областях знаний и позволяет исследовать сложные объекты во всем многообразии их проявления, учесть общие для них закономерности существования и развития.

О назревании востребованности исследования вопросов системности в праве вообще и в праве социального обеспечения в частности свидетельствуют позиции ученых, работающих в сфере теории права, специалистов — в области трудового права и права социального обеспечения.

Право является одной из социальных систем, регулирующих жизнь общества — это главный тезис монографии теоретика права Г.В. Мальцева «Социальные основания права». Автор подчеркивает: «Самое важное, что можно сказать о праве, — это его принадлежность к *организованным системам*» (курсив мой. — К. Ю.) [3: с. 5].

При этом Г.В. Мальцев, применяя достижения общей теории систем в юридических исследованиях, характеризует право как открытую динамическую систему, обладающую качествами единства и целостности, активно взаимодействующую со средой, социальной и природной, это не конгломерат отдельных структур, не агрегат рационально соединенных элементов, приводимый в движение конструктором или инженером (законодателем или правоприменителем) [3: с. 70].

Ученый-теоретик выступает с критикой предшествующих появлению современных научных методологий представлений ученых-юристов об автономности права как регулирующей системы (объяснение права «из права», выведение задач юридического регулирования из потребностей самой правовой системы). Выступая против представления о праве как о самодостаточной регулирующей системе, Г.В. Мальцев приходит к заслуживающему вниманию выводу: право и его регулятивный потенциал зависят от состояния более широких сфер регулирования, частью которых они являются [3: с. 6].

Таким образом, проявление системности при исследовании права заключается в том, что право, обладая свойством системности, является в то же

время элементом системы более высокого уровня — системы социального регулирования, направленной на упорядочение общественных отношений, взаимодействий людей, поведения и поступков человека. Право является одним из социальных регуляторов и в силу этого не может не зависеть от состояния и действия иных социальных регуляторов жизни общества.

Научные представления, основанные на использовании системного подхода при исследовании трудового права и права социального обеспечения, заставляют по-новому осмыслить представления о данных отраслях, побуждают открывать их новые свойства.

Так, В.Г. Мельникова, проводя исследование системы трудового права, выделяет следующие свойства права, характеризующие его как систему: система права — это социальная абстрактная, открытая, органичная система, которая имеет как *генетические связи, так и связи координации и субординации*, в ней очевидна зависимость и взаимозависимость отдельных норм права, институтов, отраслей (единство и дифференциация правовой материи). Система права характеризуется устойчивостью, что обусловлено постоянным обновлением ее элементов — подсистем (отраслей), имеющих определенную степень свободы. Система права, как и подсистемы отраслей права, имеет четко сформулированную цель своего функционирования — правовое регулирование в государстве социальных отношений; *систему права следует рассматривать как метасистему* [6: с. 7].

И.Р. Маматказин, говоря о системности в праве социального обеспечения, верно отмечает существенный недостаток построения отраслевой системы, традиционной для российского права и основанной на отраслевом подходе: рассмотрение отраслевых норм права и правоотношений идет через представление их как изолированных от норм и правоотношений других отраслей права и правовых элементов. Данное положение вещей исключает межотраслевое взаимодействие норм и правоотношений [4: с. 242]. Принципиальным для данного исследования является следующее утверждение автора: поскольку в основе построения любой системы в праве социального обеспечения лежит, в частности, определенный системообразующий фактор, который представляет собой в обобщенном виде определенные свойства — качества явлений, объединенных в систему, то наличие *межсистемных связей*, т. е. связей между компонентами различных систем, говорит о существовании *иных* систем, построенных на *иных системообразующих факторах* [5: с. 116].

А.В. Кузьменко, анализируя феномен социального права, говорит об усложнении структуры системы права, размывании границ многих существующих отраслей, образовании новых отраслей вследствие выявленной в настоящее время тенденции к интеграции правового регулирования, направленного на реализацию социальной политики государства. Возможные последствия этой интеграции выражаются во все более тесном и усложняющемся взаимодействии и взаимовлиянии отдельных отраслей права. Этот процесс количественных и качественных изменений в праве, по мнению автора, неизбежно

должен находить адекватное отражение на уровне научной теории: «в *модификации структуры и элементного состава системы права*» [2: с. 113].

Таким образом, исходя из принципов системного подхода, можно говорить, что право социального обеспечения обладает *признаками, присущими всем системам* (целостность, структурность, иерархичность, принцип взаимодействия системы с окружающей средой, множественность описания каждой системы). Данные характеристики права социального обеспечения как системного правового образования также могут послужить основанием для выделения различных видов межотраслевых связей рассматриваемой отрасли.

Признак целостности права социального обеспечения (принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов) говорит о характеристике межотраслевых связей права социального обеспечения не как синтетических, а как суммативных, которые в их содержательном проявлении отражают специфику отрасли [13: с. 38] и в силу этого, наряду с иными признаками отрасли (предметом, методом, принципами), являются качественными характеристиками отрасли.

Признак структурности права социального обеспечения (возможность описания системы через установление ее структуры, т. е. сети связей и отношений системы) формирует *структурообазующие межотраслевые связи* данной системы, выделяемые, например, на основе критерия общественных отношений, составляющих предмет регулирования рассматриваемой отрасли (обеспечивающие взаимодействие права социального обеспечения с финансовым, административным и другими отраслями права).

Признак взаимозависимости системы и среды может быть положен в основу формирования межотраслевых связей права социального обеспечения с публичными и частными отраслями права в рамках системы социальной защиты населения.

Иерархичность системы права социального обеспечения (каждый компонент системы, в свою очередь, может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы) обусловлена тем, что в основу рассмотрения межотраслевых связей отрасли может быть положен критерий различных видов социального обеспечения. Каждый элемент системы отрасли (например, институт пенсий) представляет собой относительно обособленную систему, имеющую свою собственную схему построения, состоящую из множества других элементов (для института пенсий — видов пенсий). Право социального обеспечения имеет сложную внутреннюю иерархическую структуру, для которой характерно многоуровневое строение.

Множественность описания права социального обеспечения как системы (в силу принципиальной сложности каждой системы ее адекватное познание требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы). Например, право социального обеспечения может быть определено как некая общность правовых норм,

регулирующих систему взаимодействия денежных фондов, субъектов обеспечения, органов социального обеспечения, видов обеспечения, направленных на реализацию гражданами права на социальное обеспечение. Право социального обеспечения также представляет собой подсистему общности правовых норм, регулирующих систему социальной защиты населения.

Для уяснения роли межотраслевых связей при системном регулировании в праве социального обеспечения важно понимание регулирования в системном плане как внешнего воздействия на некоторую систему с целью установления и совершенствования нормального порядка взаимодействия элементов внутри системы, а также самой системы со средой [3: с. 9].

Таким образом, право социального обеспечения, осуществляя внешнее (правовое) регулирование социально-обеспечительных отношений на своем микроуровне и в то же время являясь частью единого сложного системного правового регулирования соответствующих отношений на макроуровне, «проявляет» содержание различных видов межотраслевых и внутриотраслевых связей: суммативных; структурообразующих; связей, обеспечивающих взаимодействие с внешней средой, и др.

К сказанному выше следует прибавить, что нормы для достижения реального регулятивного эффекта сами должны быть организованы в соответствии с общественными задачами и системными функциями права и представлены в виде построенных по рациональным схемам структур правового порядка (правопорядка) [3: с. 780]. Социальное и правовое регулирование практически осуществляются как институциональное регулирование, т. е. как комплексное нормативное образование, системное единство норм, связанных между собой единым предметом регулирования.

Используя данный вывод при формулировке юридического значения межсистемных связей права социального обеспечения, можно сказать, что межсистемные связи (в том числе межотраслевые) призваны таким образом выстроить, «организовать» нормы различных отраслей права, чтобы системное функционирование такого социального института, как социальное обеспечение, было максимально эффективным с точки зрения его правового регулирования.

Научный потенциал познания институтов (как сложных когнитивно-нормативных и организационно-коммуникативных структур, более или менее устойчивых, способных формировать вокруг себя зоны поведения экономических агентов, юридических субъектов, направлять социальную деятельность на определенные цели), не реализован в полной мере. При изучении данного явления юриспруденция не вышла за рамки понимания его только как структурного элемента системы права. При этом институт представляет собой регулятор-«вездеход», который действует одновременно на разных уровнях регулирования — нормативном и факторном, правовом и социально-экономическом, юридическом и фактическом, на уровнях создания норм и их применения [3: с. 780].

К такому институту относится, в частности, система социального обеспечения — социальный институт, который общество создало с незапамятных времен для решения собственных интересов (помощь нетрудоспособным членам общества) и который должен строиться на социокультурном базисе национальной экономики, права и политики, с учетом отечественного исторического опыта его становления и развития.

Учеными в праве социального обеспечения подчеркивается функционирование социального обеспечения как обособленного внутреннего организованного системного образования со сложной структурой, феномен которого заключается в том, что каждый из элементов этой системы представляет, в свою очередь, относительно обособленную систему, состоящую из элементов более низкого уровня, также образующих систему, имеющую свою собственную внутреннюю организацию. Учитывая выполнение системой социального обеспечения в обществе не одной, а ряда функций, можно считать его и многофункциональным системным образованием. Следовательно, структурный анализ системы любого уровня не может быть однозначным, поскольку в его основу могут быть положены различные критерии [7: с. 24].

Таким образом, уточнение понятия системы посредством анализа результатов ее исследования в философии, системной методологии и праве социального обеспечения показывает, что межотраслевые связи права социального обеспечения следует рассматривать как системные связи, обеспечивающие межотраслевое взаимодействие права социального обеспечения как правовой системы микроуровня с правовой макросистемой (системой права) посредством правильной организации норм разных отраслей права в соответствии с системным функционированием такого социального института, как социальное обеспечение, в целях достижения возможностей его эффективного регулирования.

Литература

1. *Афанасьев В.Г.* Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с.
2. *Кузьменко А.В.* Системный подход к социальному праву // От социальных прав к социальному праву (VII Пашковские чтения): сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (25–26 февраля 2016 г., СПбГУ) / под ред. А.В. Кузьменко. СПб.: Центр социальных и правовых технологий, 2017. 248 с.
3. *Мальцев В.Г.* Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 800 с.
4. *Маматказин И.Р.* Системность и межсистемные связи в праве социального обеспечения // Системный характер трудового права и права социального обеспечения как отрасли и законодательства (Первые Гусовские чтения): материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Н.Л. Лютова и Ф.О. Сулеймановой; сост. Н.Л. Лютов, Ф.О. Сулейманова. М.: Проспект, 2016. 512 с.
5. *Маматказин И.Р.* Системный подход к социальному праву // От социальных прав к социальному праву (VII Пашковские чтения): сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (25–26 февраля 2016 г., СПбГУ) / под ред. А.В. Кузьменко. СПб.: Центр социальных и правовых технологий, 2017. 248 с.

6. Мельникова В.Г. Система трудового права РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 25 с.

7. Миронова Т.К. Параграф 1.3. Соотношение систем социальной защиты населения и социального обеспечения: международный аспект // Проблемы Общей части права социального обеспечения: монография / под ред. Э.Г. Тучковой. М.: Проспект, 2017. 416 с.

8. Оптимизация межотраслевых связей трудового права и права социального обеспечения / под ред. А.М. и М.В. Лушниковых // Вестник трудового права и права социального обеспечения. Вып. 5. Ярославль: ЯрГУ, 2010. 172 с.

9. Сафиуллина Д.Р. Межотраслевые связи договорного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 25 с.

10. Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1988. 608 с.

11. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1986. 1600 с.

12. Филиппова К.И. Уголовная ответственность за налоговые преступления: межотраслевые связи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 25 с.

13. Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009. 501 с.

Literatura

1. Afanas'ev V.G. Sistemnost' i obshhestvo. M.: Politizdat, 1980. 368 s.

2. Kuz'menko A.V. Sistemny'j podxod k social'nomu pravu // Ot social'ny'x prav k social'nomu pravu (VII Pashkovskie chteniya): sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (25–26 fevralya 2016 g., SPbGU) / pod red. A.V. Kuz'menko. SPb.: Centr social'ny'x i pravovy'x texnologij, 2017. 248 s.

3. Mal'cev V.G. Social'ny'e osnovaniya prava. M.: Norma: INFRA-M, 2014. 800 s.

4. Mamatkazin I.R. Sistemnost' i mezhsistemny'e svyazi v prave social'nogo obespecheniya // Sistemny'j karakter trudovogo prava i prava social'nogo obespecheniya kak otrasli i zakonodatel'stva (Pervy'e Gusovskie chteniya): materialy' Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod obshh. red. N.L. Lyutova i F.O. Sulejmanovoj; sost. N.L. Lyutov, F.O. Sulejmanova. M.: Prospekt, 2016. 512 s.

5. Mamatkazin I.R. Sistemny'i podxod k social'nomu pravu // Ot social'ny'x prav k social'nomu pravu» (VII Pashkovskie chteniya): sbornik statei po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (25–26 fevralya 2016 g., SPbGU) / pod red. A.V. Kuz'menko. SPb.: Centr social'ny'x i pravovy'x texnologii, 2017. 248 s.

6. Mel'nikova V.G. Sistema trudovogo prava RF: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2004. 25 s.

7. Mironova T.K. Paragraf 1.3. Sootnoshenie sistem social'noj zashhity' naseleniya i social'nogo obespecheniya: mezhdunarodny'i aspekt // Problemy' Obshhej chasti prava social'nogo obespecheniya: monografiya / pod red. E.G. Tuchkovo. M.: Prospekt, 2017. 416 s.

8. Optimizaciya mezhotraslevy'x svyazei trudovogo prava i prava social'nogo obespecheniya / pod red. A.M. i M.V. Lushnikovy'x // Vestnik trudovogo prava i prava social'nogo obespecheniya. Vy'p. 5. Yaroslavl': YarGU, 2010. 172 s.

9. Safiullina D.R. Mezhotraslevy'e svyazi dogovornogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan', 2015. 25 s.

10. Slovar' inostranny'x slov. 15-e izd., ispr. M.: Rus. yaz., 1988. 608 s.

11. Sovetskij e'nciklopedicheskij slovar' / gl. red. A.M. Proxorov. 4-e izd. M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1986. 1600 s.

12. *Filippova K.I.* Ugolovnaya otvetstvennost' za nalogovy'e prestupleniya: mezhotraslevy'e svyazi: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2017. 25 s.

13. *Chelyshev M.Yu.* Sistema mezhotraslevy'x svyazei grazhdanskogo prava: civilisticheskoe issledovanie: dis. ... d-ra jurid. nauk. Kazan', 2009. 501 s.

Yu.B. Korsanenкова

Cross-Sectoral Ties of Social Security Law as a Manifestation of the System of Law, General Theoretical and Philosophical Approaches

This article attempts to consider social security law as a systemic category in law. Using a systematic approach to the knowledge of the industry the author considers this industry as a legal system at the micro level, which is a part of a higher-level legal system i.e. the legal system. The latter, in turn, can be considered as part of the system of social regulation of social life.

Keywords: social security law as a system; systematic approach in law; consistency of law; inter-branch relations.

УДК 349.681; 614.253 (075.8)
DOI 10.25688/2076-9113.2019.33.1.06

А.В. Попова

Телемедицина в России и за рубежом: к вопросу о правовом регулировании

Автор статьи на основе сравнительно-правового анализа наднационального законодательства в сфере правового регулирования телемедицины, раскрывает права граждан на получение медицинской помощи с телемедицинскими технологиями. В статье делается вывод о необходимости имплементации таких норм и внесения соответствующих изменений в различные нормативные правовые акты Российской Федерации в целях реализации подобных цифровых технологий в системе здравоохранения на всей территории страны.

Ключевые слова: социальное государство; цифровая экономика; телемедицинские технологии; медицинское информационное пространство; медицинское законодательство.

Одной из главных задач на современном этапе государственно-правового развития России как социального государства является обеспечение права граждан на качественную и доступную высококвалифицированную медицинскую помощь независимо от их социального положения и территориального местонахождения. При этом в реалиях цифровой экономики наиболее действенным механизмом в этой области представляется качественное улучшение информационного обеспечения сферы здравоохранения путем формирования единого медицинского информационного пространства. Имеющийся прогресс в развитии различных информационных, телекоммуникационных и медицинских технологий создает определенную платформу для дальнейшего развития и упрочения телемедицины как особого направления в организации и оказании медицинской помощи населению [2; 3].

Использование телемедицинских технологий становится сегодня необходимой составляющей качественной жизни человека, особенно для тех людей, кто проживает в значительной отдаленности от крупных медицинских центров и узкопрофильных специалистов, а также для имеющих хронические заболевания [8]. Как отмечают специалисты Американской ассоциации телемедицины, «телемедицинская сфера представляет собой передачу медицинских данных между отдаленным местонахождением больных, докторов, иных провайдеров медпомощи, между медучреждениями. Телемедицинские технологии подразумевают задействование телекоммуникационных услуг, обеспечивающих связь медработников с лечебными центрами, больными, пребывающими

на расстоянии, с диагностическими, терапевтическими, консультативными, обучающими целями»¹.

В большинстве стран Западной Европы, по данным The HON Code of Conduct for medical and health Web sites (HON code), телемедицина представляет собой вспомогательные технологии в осуществлении медицинской помощи и услуг в области здравоохранения [9], поэтому правовое обеспечение телемедицины возможно, как отмечает М.С. Варюшин, условно разделить на две сферы. К первой — следует отнести законодательство, регулирующее взаимоотношения медицинских и лечебных учреждений и пациентов и являющееся частью нормативной правовой базы о здравоохранении. Такое законодательство регулирует в том числе вопросы правового сопровождения процедуры лицензирования, определение стандартов оказания телемедицинских услуг, протоколирование и документальное оформление, ответственность медицинской организации, защиту прав пациента и др. В то время как вторая сфера законодательства касается телемедицинских технологий, определяющих общественные отношения в области взаимодействия медицинской организации, пациента и провайдера, например, при передаче данных пациента, в том числе и составляющих врачебную тайну [1].

В Европейском союзе (далее — ЕС) создана база для правового регулирования области телемедицины и телемедицинских услуг. Кроме национального (внутреннего) законодательства каждой из стран — участниц ЕС, есть и наднациональное регулирование в виде специальных стандартов, касающихся не только оказания информационных услуг и передачи персональных данных, но и медицинской (врачебной) помощи. К их числу следует отнести Директиву 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 24 октября 1995 г. «О защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных (отменена с 25 мая 2018 г.); Директиву 98/34/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 22 июня 1998 г. «О порядке распространения информации о технических стандартах и регламентах»; Директиву 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 08 июня 2000 г. «О некоторых правовых аспектах оказания информационных услуг населению, в частности электронной коммерции, на внутреннем рынке». В этих директивах содержатся планы, дорожные карты и иные юридические и программные документы², относящиеся к сфере оказания населению государств, входящих в ЕС, телемедицинских

¹ Развитие телемедицины в США: опыт и успехи. URL: <https://telemedicina.one/telemedicina/telemedicsina-v-ssha.html> (дата обращения: 10.11.2018).

² Например, План действий в области электронного здравоохранения 2004 г., Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС»; План действий в области электронного здравоохранения на 2012–2020 гг., Сообщение Комиссии Европейского парламента и Европейского совета от 4 ноября 2008 г. № COM/2008/0689 о телемедицине в интересах пациентов, систем здравоохранения и общества, Рекомендация Европейской комиссии от 2 июля 2008 г. № C(2008)3282 «О трансграничной функциональной совместимости систем электронных медицинских карт», Зеленый документ мобильного здоровья № COM/2014/0219 от 10 апреля 2014 г. и др.

услуг, а именно «трансграничной передачи персональных данных пациентов в рамках системы электронных медицинских карт, передача данных, составляющих врачебную тайну, а также трансграничные сделки по оказанию телемедицинских услуг» [1].

Особое значение, на наш взгляд, имеет Директива 2011/24/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 9 марта 2011 г. «О правах пациентов в трансграничном медицинском обслуживании», в которой определены правила признания рецептов в любой стране ЕС, если они выписаны в другом государстве — члене ЕС; «идентификации назначенного лекарства и выписавшего рецепт врача; возмещения расходов на медицинскую помощь до трансграничного сотрудничества организаций здравоохранения и трансграничной защиты прав пациентов при оказании телемедицинских услуг врачом из одного государства — члена ЕС пациенту из другого государства — члена ЕС» [1]. В соответствии с пп. 25–26 Директивы 2011/24/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 9 марта 2011 г. «О правах пациентов в трансграничном медицинском обслуживании» пациенты, получающие телемедицинские услуги, имеют следующие права:

- право на получение медицинской помощи в другом государстве — члене ЕС, а при определенных условиях — право на страховое возмещение за такую помощь; право на доступ к собственной медицинской карте в письменном или электронном формате, содержащей всю информацию, связанную с полученным лечением;

- право на получение информации о стандартах и руководящих принципах качества и безопасности телемедицины в государстве — члене ЕС, в котором предоставляется лечение или находится врач, дающий телемедицинскую консультацию;

- право быть информированным о доступности, качестве и безопасности используемой услуги, а также об авторизации или зарегистрированном статусе провайдера, организующего оказание телемедицинских услуг;

- право пациента на подачу жалобы и требования о возмещении вреда, причиненного лечением, полученным в соответствии с национальным законодательством государства — члена ЕС по месту нахождения провайдера, организующего оказание телемедицинских услуг, а также на прозрачность и понятность процедуры подачи жалобы;

- право на возмещение понесенных расходов на телемедицинские услуги, оказанные медицинской организацией, находящейся в другом государстве — члене ЕС, государством — членом ЕС, гражданином которого является пациент, но только в том случае, если пациенту предоставлено лечение, которое тождественно либо эквивалентно лечению, которое он мог бы получить в своем государстве, и оказанная медицинская помощь покрывается национальной системой государственного страхования в сфере здравоохранения.

При этом в ЕС отсутствуют единые стандарты в области телемедицинских услуг и единые подходы к определению содержания телемедицины, некоторые

из существующих проблем в этой области, таких, например, как интеграция медицинских карт в интернет-пространстве, юридическая ответственность за оказанные консультации, защита персональных данных, врачебная тайна и др., подлежат разрешению во внутреннем (национальном) законодательстве стран — участниц ЕС. Так, например, во французском Кодексе общественно-го здравоохранения (Code de la santé publique) (ред. 07 ноября 2018) целями телемедицины определены «диагностика, профилактика заболеваний, реабилитация пациента после перенесенного заболевания, мониторинг состояния здоровья пациента, получение консультаций экспертов, назначение препаратов, назначение и проведение медицинских процедур, выбор метода лечения», в том числе и с привлечением специалистов-физиологов.

В Российской Федерации вопросы оказания медицинских услуг с помощью телемедицинских технологий получают правовое регулирование начиная с 2001 г., когда с целью координации и оптимизации работ по созданию и использованию телемедицинских технологий был принят совместный Приказ Минздрава России № 344 и РАМН № 76 от 27 августа 2001 г. «Об утверждении концепции развития телемедицинских технологий в Российской Федерации и плана ее реализации». Необходимость развития телемедицины связывается законодателем не только с размером территории Российской Федерации, но и с дефицитом медицинского персонала [6] и оптимизацией лечебных учреждений. Существующий рынок телемедицинских услуг в Российской Федерации регулируется Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (далее — Закон № 323-ФЗ) и подзаконными актами³, определяющими систему телемедицинских технологий.

В соответствии с п. 22 ст. 2 Закона № 323-ФЗ эти технологии определены как «информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента». При этом правовое регулирование этой сферы здравоохранения начинается только в 2017 г. с момента принятия Федерального закона от 29 апреля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» (далее — Закон № 242-ФЗ). Как отмечает ряд авторов, «телемедицинские технологии — новое направление

³ К их числу можно отнести Приказ Минздрава России от 30 ноября 2017 г. № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий»; Письмо Минздрава России от 9 апреля 2018 г. № 18-2/0579 «О порядке организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий»; Постановление Правительства РФ от 4 октября 2012 г. № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» и др.

в организации и оказании всех видов (первичной, специализированной, скорой, паллиативной) и всех форм (плановой, неотложной, экстренной) медицинской помощи, что является безусловным достижением, так как ранее предполагалось, что телемедицина будет использоваться только в рамках высокотехнологичной помощи» [7].

В соответствии с ч. 2 и 4 ст. 36.2 Закона № 242-ФЗ телемедицинские технологии могут оказываться в виде консультации и дистанционного наблюдения в режиме реального времени (непосредственное взаимодействие участников консультации, протоколируемое в медицинском заключении или протоколе консилиума врачей, в иных сопутствующих документах, подлежащих обязательному хранению в виде аудио- и видеозаписей, текстовых сообщений) или в отложенном режиме (медицинский работник-консультант или консилиум врачей дистанционно на основании изучения медицинских документов пациента и иной информации о состоянии здоровья пациента проводит консультацию, которая протоколируется в виде медицинского заключения или протокола консилиума врачей и сопутствующих материалов, подлежащих обязательному хранению в виде только текстовых сообщений) за состоянием здоровья пациента в форматах «медицинский работник (консилиум врачей) – лечащий врач» и «медицинский работник – пациент» [5], целью которых является профилактика, сбор, анализ жалоб пациента и данных анамнеза, оценка эффективности лечебно-диагностических мероприятий, медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента, принятие решения о необходимости очного приема. По мнению Н.В. Путило, использование телемедицинских технологий становится главным способом совершенствования системы организации медицинской помощи в эпоху цифровой экономики, когда научно-исследовательские центры, расположенные в Москве или Санкт-Петербурге, становятся консультационными центрами, работающими в режиме онлайн для всей страны [4].

Однако существующее российское законодательство не лишено целого ряда пробелов, к числу которых следует отнести следующие:

а) отсутствие легального определения телемедицины как отдельного направления медицины в XXI в.;

б) право пациента на получение медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, в соответствии с п. 7 ст. 20 Закона № 323-ФЗ, возникает только после заявления пациента, удостоверенного усиленной квалифицированной электронной цифровой подписью, получение которой сопряжено с целым рядом трудностей;

в) невозможность постановки точного диагноза пациенту при использовании телемедицинских услуг и дистанционного консультирования, хотя для данного случая нет прямого запрета на подобное действие врача;

г) согласно п. 47 Приказа Минздрава России № 965н в рамках оказания телемедицинских услуг врач имеет право выписывать рецепты на лекарственные препараты в электронной форме при условии установления лечащим

врачом диагноза и назначения лечения на очном приеме, при этом электронный рецепт должен быть подписан усиленной квалифицированной электронной подписью медработника, но порядок обеспечения такой подписью медицинских работников и перечень аптек, которые технически смогут принимать такие рецепты, не определены;

д) в соответствии с п. 9 Приказа Минздрава России от 30 ноября 2017 г. № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» (далее — Приказ Минздрава России № 965н) есть юридическая ответственность только врача-консультанта за дистанционные рекомендации в пределах данного им медицинского заключения при отсутствии таковой у лечащего врача, устанавливающего диагноз пациенту;

е) право на использование телемедицинских технологий возникает только у медицинских работников, зарегистрированных в Федеральном реестре, и при условии регистрации медицинской организации, в которой они работают, в соответствующем реестре Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗС). При этом право на оказание медицинских услуг в области телемедицины есть и у негосударственных медицинских организаций и врачей, занимающихся частной практикой, которые в соответствии с п. 3 ст. 4 Закона № 242-ФЗ обязаны предоставлять сведения в ЕГИСЗС только с 1 января 2019 г.⁴ Каким образом будет осуществляться защита внесенных сведений? Ответа пока нет.

Кроме того, по мнению В.К. Шайдуллиной, «в целях унификации и стандартизации информации необходима разработка единого формата передачи изображений (DICOM) и медицинских данных» [10: с. 95]. Некоторые форматы (например, EDF и UDF) уже широко используются. Тем не менее продолжает сохраняться сложность формирования общего свода медицинских проблем пациентов (так называемой электронной истории болезни), т. е. результатов исследований и медицинских наблюдений, которые отражают течение заболевания конкретного человека. Все это актуализирует необходимость обращения к данному вопросу и всестороннего его обсуждения для выработки адекватных настоящим реалиям правового регулирования предложений по изменениям и дополнениям в существующее российское законодательство в данной сфере, проанализированных в том числе и с использованием опыта реализации зарубежных норм права.

Литература

1. *Варюшин М.С.* Правовое регулирование телемедицины в России и ЕС: два шага вперед и один назад // Закон. 2018. № 1. С. 165–174.

2. *Владимирский А.В.* Телемедицина. Curatio Sine Distantia! Донецк: Цифровая типография, 2011. 437 с.

⁴ Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационно-телекоммуникационных технологий и введения электронных форм документов в сфере здравоохранения» URL: <http://asozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 11.11.2018).

3. *Карпов О.Э., Никитенко Д.Н., Третьяков В.В., Нуштаева Е.М.* Актуальные вопросы правового регулирования применения информационных технологий в медицинской деятельности // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2016. № 4 (88). С. 163–172.
4. *Путило Н.В., Волкова Н.С.* Телемедицина: потребности общества и возможности законодательства // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 124–135.
5. *Соколенко Н.Н., Багнюк Д.В.* Профессиональные стандарты в здравоохранении: некоторые аспекты // Медицинское право. 2017. № 2 (72). С. 22–26.
6. *Соколенко Н.Н., Багнюк Д.В.* Реализация конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации в условиях модернизации здравоохранения: некоторые аспекты // Социальное и пенсионное право. 2015. № 3. С. 45–50.
7. *Соколенко Н.Н., Багнюк М.Е., Багнюк Д.В.* Оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий: некоторые проблемы правового регулирования // Медицинское право. 2018. № 4. С. 14–17.
8. *Смышляев А.В., Мельников Ю.Ю., Платонова Н.И.* Телемедицинские технологии в системе оказания первичной медико-санитарной помощи в Российской Федерации на современном этапе: правовой аспект // Медицинское право. 2018. № 4. С. 16–21.
9. Телемедицина: возможности и развитие в государствах-членах. Доклад о результатах второго глобального обследования в области электронного здравоохранения. Серия «Глобальная обсерватория по электронному здравоохранению». Т. 2. Женева, 2009. URL: <http://www.who.int> (дата обращения: 11.11.2018).
10. *Шайдуллина В.К.* Проблемы правового регулирования телемедицины в условиях цифровой экономики // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 8 (61). С. 92–96.

Literatura

1. *Varyushin M.S.* Pravovoe regulirovanie telemeditsiny' v Rossii i ES: dva shaga vpered i odin nazad // Zakon. 2018. № 1. S. 165–174.
2. *Vladimirskij A.V.* Telemedicina. Curatio Sine Distantia! Donetsk: Cifrovaya tipografiya, 2011. 437 s.
3. *Karpov O.E., Nikitenko D.N., Tret'yakov V.V., Nushtaeva E.M.* Aktual'ny'e voprosy' pravovogo regulirovaniya primeneniya informacionny'x texnologij v medicinskoj deyatel'nosti // Vestnik RE'U im. G.V. Plexanova. 2016. № 4 (88). S. 163–172.
4. *Putilo N.V., Volkova N.S.* Telemedicina: potrebnosti obshhestva i vozmozhnosti zakonodatel'stva // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 6 (258). S. 124–135.
5. *Sokolenko N.N., Bagnyuk D.V.* Professional'ny'e standarty' v zdravooxranenii: nekotory'e aspekty' // Medicinskoe pravo. 2017. № 2 (72). S. 22–26.
6. *Sokolenko N.N., Bagnyuk D.V.* Realizaciya konstitutsionnogo prava na oxranu zdorov'ya i medicinskuyu pomoshch' v Rossijskoj Federacii v usloviyax modernizacii zdravooxraneniya: nekotory'e aspekty' // Social'noe i pensionnoe pravo. 2015. № 3. S. 45–50.
7. *Sokolenko N.N., Bagnyuk M.E., Bagnyuk D.V.* Okazanie medicinskoj pomoshhi s primeneniem telemedicinskix texnologii: nekotory'e problemy' pravovogo regulirovaniya // Medicinskoe pravo. 2018. № 4. S. 14–17.
8. *Smyshlyaev A.V., Mel'nikov Yu.Yu., Platonova N.I.* Telemedicinskie texnologii v sisteme okazaniya pervichnoj mediko-sanitarnoj pomoshhi v Rossijskoj Federacii na sovremennom e'tape: pravovoj aspekt // Medicinskoe pravo. 2018. № 4. S. 16–21.
9. Телемедицина: возможности и развитие в государствах-членах. Доклад о результатах второго глобального обследования в области электронного здравоохранения.

Seriya «Global'naya observatoriya po e'lektronnomu zdравоохранeniyu». T. 2. Zheneva, 2009. URL: <http://www.who.int> (data obrashheniya: 11.11.2018).

10. *Shajdullina V.K.* Problemy' pravovogo regulirovaniya telemeditsiny' v usloviyax cifrovoj e'konomiki // Obshhestvo: politika, e'konomika, pravo. 2018. № 8 (61). S. 92–96.

A.V. Popova

Telemedicine in Russia and Abroad, on the Issue of Legal Regulation

The author of the article reveals the rights of citizens to receive medical care with telemedicine technologies based on a comparative legal analysis of supranational legislation in the field of telemedicine legal regulation. The article concludes that it is necessary to implement such norms and make appropriate changes to various regulatory legal acts of the Russian Federation in order to implement such digital technologies in the health care system throughout the country.

Keywords: welfare state; digital economy; telemedicine technology; medical information space; medical legislation.

УДК 343.01

DOI 10.25688/2076-9113.2019.33.1.07

**Л.Б. Смирнов,
Е.Д. Проценко**

Сущность и особенности субкультуры осужденных к лишению свободы

Статья посвящена исследованию проблематики субкультуры мест лишения свободы, особенностей субкультурных взаимоотношений осужденных. Анализируются элементы субкультуры, сложившейся в пенитенциарных учреждениях: неформальная стратификация, нормы, татуировки, жаргон.

Ключевые слова: субкультура; лишение свободы; осужденные; иерархия; неформальные нормы.

Культура — это определенная совокупность социально приобретенных и транслируемых из поколения в поколение значимых символов, идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность [4: с. 13]. Культура не является однородной по своему содержанию и характеристикам. Она состоит из многообразия составляющих ее культур, различие которых обусловлено присутствием разнородных социальных групп и социальных слоев с их собственными интересами и направленностью. Эти социальные группы имеют социальную или асоциальную (криминальную) направленность своих субкультур.

В глобальном плане криминальная субкультура в разной степени может овладеть целыми государствами и народами. В истории мира такими государствами были пиратские государства древности и Средних веков. В наше время к таким государствам можно отнести Исламское государство (ДАИШ).

Криминальная среда многое дала субъектам политики и экономики сегодняшней России. Более того, в повседневном поведении россиян присутствуют элементы, атрибуты тюремной субкультуры [3: с. 5–13]. Эта культура вторгается в культуру официальную, взламывая ее, девальвируя ее ценности и нормы, насаждая в ней свои правила, атрибутику.

Криминальная субкультура является неотъемлемой частью культуры всего общества, пока есть собственно преступность.

Криминальная субкультура стала предметом современных научных исследований. Наиболее яркими исследователями этого направления считаются американские криминологи А. Коэн и В. Миллер. Они отмечали, что у преступников существует своя мораль, иерархия, система ценностей, отличающаяся

от системы ценностей общества в целом. В преступной среде преступление морально оправдывается.

Как правило, криминальная субкультура находится в противоречии с господствующими в обществе духовными ценностями. Попадая в преступную группу, восприняв ее субкультуру, человек как бы освобождается от иных социальных запретов, более того, их нарушение нередко бывает одной из норм криминальной субкультуры.

Криминальная субкультура выступает как обработанная преступным миром под себя система духовных, интеллектуальных, материальных, эстетических ценностей, противопоставленных общественным сокровищам и ценностям [6: с. 18].

Разновидностью криминальной субкультуры является пенитенциарная (тюремная) субкультура, регулирующая неофициальную жизнь осужденных в местах лишения свободы.

Особенности формирования субкультуры осужденных в местах лишения свободы обусловлены длительной изоляцией индивидов от общества, включением их в однополюсные коллективы и жесткой официальной регламентацией поведения. Все это резко ограничивает человека в удовлетворении многих потребностей. Осужденные пытаются найти новые заменители этих потребностей.

Существуют также внутренние социально-психологические факторы существования пенитенциарной субкультуры, обусловленные противопоставлением осужденных основной массе законопослушных граждан [2: с. 32]. Осужденные создают свою субкультуру, в своей основе противоположную культуре общества. Процесс адаптации к условиям пенитенциарных учреждений начинается с момента изоляции человека и во многом зависит от степени принятия и усвоения ценностных ориентаций уголовного мира, его обычаев, форм общения с окружающими.

Привлекательность пенитенциарной субкультуры обусловлена тем, что в ней имеются возможности для самоутверждения осужденных и своеобразной компенсации неудач, постигших их в обществе. Эта субкультура окрашена налетом романтики, таинственности и необычности [1: с. 278]. Более аморальная, жестокая, с преобладанием садизма и глумления над личностью криминальная субкультура существует в воспитательных колониях.

Социальная опасность криминальной субкультуры вообще и пенитенциарной в частности состоит в ее антисоциальном характере. Являясь антикультурой, направленной против человека, она делает из подпавшего под ее влияние социально опасную личность.

Асоциальная субкультура в исправительных учреждениях одобряет различные виды преступного поведения, к которым следует отнести насильственное преступное поведение, корыстное преступное поведение, воспрепятствование деятельности исправительных учреждений и их сотрудников, массовое преступное поведение. Субкультура осужденных включает следующие элементы: систему норм, идеологию, традиции и обычаи, кастовое деление, жаргон, жесты, татуировки, фольклор.

Важнейшим элементом асоциальной субкультуры является наличие специальных норм. По отношению к нарушителям таких норм часть осужденных, выступающая в качестве носителей асоциальной субкультуры, осуществляет свое «правосудие» — подвергает их социальной изоляции путем насилия и перевода в разряд отверженных.

Можно выделить следующие виды (группы) норм неформальной организации осужденных: нормы, обеспечивающие внутреннюю организацию тюремного мира; правила поведения членов преступных сообществ с лицами, не являющимися членами преступного мира; нормы, регулирующие порядок внутренних взаимоотношений в преступной среде; правила, общие для всех заключенных.

Нормы, обеспечивающие внутреннюю организацию тюремного мира, устанавливают следующие требования:

- все лица, отбывающие наказание, обязаны подчиняться воле «блатных». Никто из осужденных не имеет права предъявлять претензии к ним и т. п.;
- «блатные» должны неукоснительно обеспечивать соблюдение всеми осужденными неформальных правил поведения;
- лидерам преступных сообществ запрещается участвовать в общественно полезной деятельности;
- заключенным, занимающим низшие ступени в тюремной иерархии, запрещается общаться с другими слоями преступного сообщества, находиться с ними за одним и тем же столом, занимать удобные места в спальнях помещениях и комнатах отдыха и т. д.

Правила поведения членов преступных сообществ с лицами, не являющимися членами преступного мира, определяют следующие нормы: поддержание «правильных» отношений между осужденными; недопущение притеснений осужденных, не причинивших вреда их сообществу и т. п.; вовлечение в свой круг и под свое воспитание лиц молодежного возраста.

Нормы, регулирующие порядок внутренних взаимоотношений в преступной среде, обязывают:

- не допускать в преступный мир осужденных, сотрудничавших с работниками пенитенциарных учреждений;
- быть честным, справедливым в отношении к своим товарищам, не лгать в своей среде;
- помогать осужденным, находящимся в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, одиночных камерах;
- оказывать друг другу содействие при мщении за ущерб, нанесенный другими их уголовному сообществу;
- не избегать ответственности путем переложения вины на других соучастников;
- вести систематический контроль друг за другом, не допускать в окружение «неправильных» осужденных (за каждым лицом, прибывшим в исправительное учреждение, следует записка («ксива») от других членов преступного сообщества.

Правила, общие для всех категорий заключенных, устанавливают требования: следить за своим внешним видом, быть опрятным, аккуратным; не брать предметов случайно найденных; не подбирать окурки и объедки; не красть у своих; делиться продуктами питания и сигаретами с другими; возвращать долг в строго установленные сроки.

Абсолютное большинство преступлений в местах лишения свободы тем или иным образом связаны с соблюдением/нарушением тюремных норм. Большинство таких преступлений совершаются в присутствии других осужденных с целью их запугивания. Такие преступления исполняются с особой жестокостью и цинизмом, жертве умышленно причиняются страдания и мучения. С помощью подобных санкций лидеры преступного мира стараются не только сохранить сферу влияния преступных традиций, но и расширить ее.

Нормы и правила тюремного мира, с одной стороны, поддерживают преступную среду, а с другой — разлагают молодежь, искажают общественное сознание.

Наряду с официальной организацией осужденных в пенитенциарных учреждениях существует неформальная неофициальная организация, создаваемая самими осужденными. Такая организация имеет свои объективные социальные условия формирования и существования.

Население мест лишения свободы дифференцировано на группы (категории, касты) в зависимости от уровня привилегированности, иерархии, профессионального преступного статуса, вида пенитенциарного учреждения.

Структура неформальной организации осужденных включает четыре основные категории осужденных.

Первая категория — привилегированные осужденные, осуществляющие властные функции, к которым относятся осужденные:

- формально отказавшиеся от преступных норм и осуществляющие неформальную власть под контролем администрации;
- соблюдающие преступные нормы и, с попустительства администрации, осуществляющие неформальную власть («авторитеты», «блатные» и др.).

Вторая категория — привилегированные осужденные, не осуществляющие властные функции, которые делятся на две группы:

- первая группа — осужденные, имеющие привилегии в силу принадлежности к организованной и профессиональной преступности;
- вторая группа — осужденные, имеющие привилегии от администрации.

Третья категория — непривилегированные осужденные двух видов:

- осужденные, признающие преступную культуру и ориентирующиеся на преступный мир (группы осужденных по интересам);
- осужденные нейтральной ориентации, но вынужденные формально соблюдать преступные нормы.

Четвертая категория осужденных — пренебрегаемые, отвергаемые основной массой осужденных.

Приведенная структура неформальной организации осужденных не является для исправительных учреждений абсолютной и обязательной во всех ее составляющих элементах.

Главари преступного мира, формирующие преступную субкультуру в местах лишения свободы, пытаются осуществлять властные, идеологические, экономические, координационные и контрразведывательные функции [5: с. 68].

В колониях-поселениях, в исправительных колониях общего режима, в большинстве исправительных колоний строго режима неформальные властные полномочия под контролем администрации имеют осужденные, формально отказавшиеся признавать и соблюдать уголовные традиции и нормы. В уголовном мире такие учреждения называют «красными» или «черными» зонами.

В тюрьмах, исправительных колониях особого режима для осужденных, отбывающих определенный срок, в некоторых исправительных колониях строгого режима неформальную власть над осужденными имеют представители организованной и профессиональной преступности. В том случае если главари уголовного мира заставляют администрацию учитывать свою волю, то такие учреждения они именуют «черными зонами».

Неформальная организация в некоторых ее элементах, особенно в части власти, может проявляться скрытно от администрации. В таких учреждениях неформальную власть осуществляют различные воры в законе, «авторитеты», «смотрящие», «паханы», «положенцы» и т. д., являющиеся представителями организованной, рецидивной и профессиональной преступности.

Ближайшее окружение главарей составляют «блатные» — активные члены организованной преступности, характеризующиеся устойчивыми асоциальными искажениями нормативно-ценностной ориентации. В колонии главарь и его свита размещаются в дальнем и наиболее теплом углу помещения, прислужники («шестерки») готовят им еду, выполняют мелкие поручения.

В случае отсутствия в колонии вора в законе, из числа «блатных» назначается «смотрящий». «Смотрящие» назначаются даже в том случае, если в зоне есть вор в законе. «Смотрящий» в таком случае является заместителем «пахана» по определенному направлению, например, назначается на хранение общака.

Далее в преступной иерархии следуют «блатные» осужденные из числа непосредственного окружения «авторитета» («смотрящего» или «пахана»). «Блатные» поддерживают деятельность авторитета по руководству сообществом осужденных. «Блатные» не имеют права свергать, выдвигать или утверждать «авторитета», такими полномочиями наделено воровское сообщество. Они не могут принимать решений, относящихся к компетенции вора в законе. Особое положение занимают относительно независимые «блатные», имеющие много денег, которые в силу этого фактора могут себе позволить вести довольно независимый образ жизни, имея мощную охрану и прикрытие.

Существует группа осужденных отрицательной направленности, непосредственно исполняющая противоправные решения «блатных». Эту группу составляют осужденные, находящиеся в материальной или иной зависимости

от авторитетов. «Блатные» их именуют «быками» и «шестерками». «Быки» делятся на «солдат» и «торпед». «Солдаты» — непосредственные исполнители распоряжений «авторитетов» в части репрессий (избиение, изнасилование или убийство). «Торпеды» выполняют задание «авторитетов» любой ценой, даже рискуя собственной жизнью. «Быки» и «шестерки» могут назначаться «громоотводами», т. е. людьми, берущими на себя преступления «блатных». «Шестерки» исполняют роль прислуги у «авторитетов».

В учреждениях, которые уголовный мир называет «красными зонами», неформальную власть с 90-х гг. имеют так называемые бандиты, которые не придерживаются воровских норм и, попав в колонию, сами предлагают администрации услуги по поддержанию порядка в колонии в обмен на привилегии. Представителей такой власти «блатные» оскорбительно называют «козлами». Администрация исправительного учреждения, как правило, использует услуги таких осужденных в обмен на некоторые привилегии и послабления в режиме. В данном случае администрация полностью контролирует эту категорию осужденных, а они, в свою очередь, контролируют поведение других осужденных, за исключением «блатных».

Основную часть пенитенциарного сообщества составляют разнородные группы осужденных нейтральной, положительной и отрицательной социальной направленности, над которыми осуществляет надзор группа преступных авторитетов.

Группы отрицательной направленности составляют отдельные национальные и земляческие неформальные образования с отрицательной социальной направленностью, отдельные группы молодых осужденных («молодняка», «пацанов»). Они признают статус «блатных», поддерживают с ними отношения, признают и показывают знание преступных норм («гнут пальцы») и соблюдают их на «черных зонах». На «красных зонах» они не сотрудничают с администрацией и ведут скрытый образ жизни.

Наиболее многочисленной категорией в исправительных учреждениях являются осужденные, не принадлежащие к организованной или профессиональной преступности. Преступный мир их называет «мужиками». По мнению лидеров преступного мира, они могут и должны быть простыми работягами. «Блатные» на «черных зонах» и «бандиты» на «красных зонах» обеспечивают свое благополучие за счет «мужиков», которые являются основным объектом эксплуатации с их стороны.

Категории осужденных положительной направленности образуют осужденные, сотрудничающие с администрацией пенитенциарных учреждений, занимающие различные официальные должности, предусмотренные штатным расписанием исправительного учреждения. К ним относятся мастера, бригадиры, заведующие клубом, библиотекари и др. К осужденным положительной направленности также относятся дневальные в отрядах, уборщики в штабах, столовых, других служебных помещениях. Преступный мир таких осужденных называет «шнырями».

Особую группу в неформальной организации осужденных занимают пренебрегаемые (отверженные) осужденные, которых называют «чушками», «крысами», «петухами», «опущенными». Такой статус принимается всеми другими категориями и группами осужденных во всех формальных и неформальных видах пенитенциарных учреждений.

В категорию отверженных перемещаются осужденные — нарушители тюремных норм и пассивные гомосексуалисты. Статус отверженного не может быть изменен и определяет всю дальнейшую жизнь подвергнутого такому наказанию. Прибыв в исправительное учреждение, отверженный обязан объявить о таком своем статусе.

Татуировки заключенных являются одним из основных внешних элементов субкультуры в местах лишения свободы. На жаргоне заключенных татуировка называется «рекламой», «иконой», «картинкой», «клеймом», «наколкой», «прошивкой», «распиской» и т. д. Татуировка заключенного — это своего рода паспорт преступника, который информирует о неформальном положении человека, его криминальных заслугах и, кроме того, передает его мысли и социальные установки. Если татуировка сделана с полным пониманием ее сути и назначения, тогда она становится своеобразной визитной карточкой, так или иначе закрепляя за человеком определенный имидж, не позволяя ее носителю отказаться от него или забыть преступный опыт.

Известно, что носителем культуры является язык. На сегодняшний день он оказался пронизан терминологией уголовного жаргона. Уголовный жаргон осужденных является одним из важнейших средств общения преступников между собой в условиях принудительной изоляции. Жаргон обслуживает информационные потребности осужденных и шифрует передаваемую информацию.

Особенности уголовного жаргона отражают отношение осужденных к самим себе и другим преступникам, своим жертвам, закону и обществу. У каждой категории профессиональных преступников уголовный жаргон обладает своими особенностями. Жаргон осужденных является составной частью общего уголовного жаргона преступников, но в условиях изоляции имеет свои специфические черты.

Криминальная субкультура мест лишения свободы противостоит традиционным морально-нравственным ценностям общества, в ее основе лежит антигуманная философия корысти, быстрого обогащения, вседозволенности, жестокости к «чужим» и более слабым членам общества. Существенное место в ней отводится насилию, которое она порождает и без которого существовать не может. В пропаганде криминальной субкультуры наряду с преступным сообществом принимают, к сожалению, участие отдельные средства массовой информации, представители литературы, песенного жанра, театра и кино. Однако, зная все составляющие этой субкультуры, можно надеяться на успешное развитие и применение соответствующими госорганами действенной контрпропаганды, нацеленной на недопущение какого-либо ее развития в обществе, особенно в молодежной среде.

Литература

1. *Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б.* Пенитенциарная психология. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 681 с.
2. *Курганов С.И.* Основы криминологии: учебное пособие. М.: Nota Bene, 1998. 144 с.
3. *Олейник А.Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001. 418 с.
4. *Радугин А.А.* Культурология: курс лекций. М.: Библионика, 2005. 303 с.
5. *Смирнов Л.Б.* Пенитенциарная безопасность и проблемы ее обеспечения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 3 (20). С. 67–72.
6. *Старков О.В.* Криминальная субкультура: спецкурс. М.: Волтерс Клувер, 2010. 240 с.

Literatura

1. *Dmitriev Yu.A., Kazak B.B.* Penitenciarная psixologiya. Rostov n/D.: Feniks, 2007. 681 s.
2. *Kurganov S.I.* Osnovy' krimonologii: uchebnoe posobie. M.: Nota Bene, 1998. 144 s.
3. *Olejnik A.N.* Tyuremnaya subkul'tura v Rossii: ot povsednevnoj zhizni do gosudarstvennoj vlasti. M.: Infra-M, 2001. 418 s.
4. *Radugin A.A.* Kul'turologiya: kurs lekci. M.: Biblionika, 2005. 303 s.
5. *Smirnov L.B.* Penitenciarная bezopasnost' i problemy' ee obespecheniya // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. 2013. № 3 (20). S. 67–72.
6. *Starkov O.V.* Kriminal'naya subkul'tura: speczkurs. M.: Volters Kluver, 2010. 240 s.

L.B. Smirnov,

E.D. Protsenko

Essence and Features of the Subculture of the Sentenced to Imprisonment

The article is devoted to the study of the problems of the subculture of institutions of confinement, the features of subcultural relations of convicts. The elements of the subculture that has developed in the penitentiary institutions are analyzed such as informal stratification, norms, tattoos, jargon.

Keywords: subculture; confinement; the convicted; hierarchy; informal norms.

УДК 343.98

DOI 10.25688/2076-9113.2019.33.1.08

С.Н. Чурилов

Проблема системности научных положений криминалистической методики

В статье рассматриваются вопросы совершенствования системы научных положений криминалистической методики с учетом современных достижений криминалистической мысли, излагается ее структура, основанная на принципе системного подхода.

Ключевые слова: криминалистическая методика; система научных положений; элементы структуры; значение.

В криминалистической науке стала общепризнанной структура ее заключительного раздела, состоящая из теоретической части, именуемой системой научных положений, и типовых (или частных) методик расследования конкретных видов преступлений [1: с. 298].

Первоначально общие для всех конкретных частных методик положения именовались основными положениями [5], или общими положениями [4: с. 10], что не указывало на их системность, т. е. на их структуру и функциональную связь между собой. Б.М. Шавер, внесший существенный вклад в формирование теоретической части криминалистической методики, включил в нее понятие данного раздела криминалистики и характеристику структуры частных методик расследования преступлений, состоящей из следующих элементов: уяснение состава преступления; первоначальные неотложные действия следователя; обстоятельства, подлежащие выяснению и исследованию; основные приемы и методы обнаружения и фиксации доказательств; изучение личности обвиняемого и выявление мотивов преступления; меры возмещения причиненного вреда и обеспечение конфискации имущества; выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления [5].

А.Н. Колесниченко, исследовавший данную проблему в докторской диссертации, к теоретическим основам криминалистической методики также отнес только положения, отражающие понятие и структуру частных методик [4: с. 10].

В дальнейшем теоретическая часть криминалистической методики пополнилась положениями, относящимися к правовым основам методики, взаимодействию следователя с оперативными работниками в процессе расследования, использованию помощи общественности и специалистов [3: с. 241–252]. Были и другие многочисленные предложения криминалистов, которые в итоге

сводились к определению структуры частных методик расследования преступлений. В этом аспекте наиболее значимой, на мой взгляд, является концепция Р.С. Белкина, в которой отражены исходные принципы создания частных методик расследования преступлений: 1) требование соблюдения законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия; 2) обусловленность содержания частных методик знаниями способов совершения преступлений, условий, определяющих выбор способа и возникновение следов его применения, учет при разработке частных методик накопившегося опыта в расследовании конкретных видов преступлений; 3) построение частных методик с учетом типичных следственных версий, типичных доказательств; 4) определение при разработке частных методик путей и способов предупреждения аналогичных преступлений; 5) учет при разработке частных методик возможности оперативных аппаратов органов внутренних дел, экспертных учреждений и общественных организаций [1: с. 306–307].

Данная концепция принципов формирования частных методик сыграла свою положительную роль в криминалистической науке, однако эти принципы нуждаются не только в уточнении их содержания, но и в определении последовательности их изложения и делении их на принципы разработки, определяющих содержание частных методик, и принципы построения, от которых зависит структура этих методик. Именно в таком аспекте автором этих строк была исследована данная проблема в кандидатской диссертации [6] и в дальнейших его разработках [7]. На мой взгляд, принципами создания частных методик расследования являются:

1) принцип обусловленности содержания частных методик правом: а) нормами конституционного и международного права, международными договорами, относящимися к расследованию преступлений, законодательством об оперативно-разыскной деятельности, о борьбе с преступностью и прокурорском надзоре; б) нормами отраслевого права (уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, административного и других отраслей права); в) иными нормативными и справочными материалами;

2) принцип обусловленности содержания частных методик практикой: а) совершения и сокрытия преступлений, т. е. обобщенными данными в виде криминалистических характеристик механизмов конкретных видов преступлений; б) раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, т. е. обобщенными данными в виде соответствующих криминалистических характеристик;

3) принцип обусловленности содержания частных методик положениями наук: а) общественных неправовых наук (философии, логики, этики, науки управления); б) отраслевых юридических наук (уголовного права, уголовного процесса и др.); в) специальных юридических наук (теории ОРД, криминологии, судебной медицины, судебной психиатрии, юридической психологии и др.); наук, развивающихся на стыке естественных и технических наук (бионики, биофизики, кибернетики и др.); экономических наук (теории экономического анализа, кредита, аудита и др.).

По моему убеждению, данные принципы отражают те общие исходные положения, в которых имеются указания на зависимость содержания частных методик от источников их формирования, исчерпывающий перечень которых составляют право, практика и наука.

К принципам построения частных методик следует отнести обусловленности их структуры:

- 1) предметом доказывания при расследовании данного вида преступлений [9];
- 2) периодизацией этапов процесса расследования, делением этого процесса на подготовительный, начальный и последующий этапы. Подготовительный этап расследования характерен для стадии возбуждения уголовного дела, на котором производятся проверочные процессуальные действия в целях собирания данных, указывающих на признаки конкретного преступления. Начальный этап предназначается для решения задачи по раскрытию преступления, дальнейший этап расследования — для решения всех остальных уголовно-процессуальных задач;
- 3) типами исходных данных о преступлении и его участниках, характеризующих информационный элемент типичных следственных ситуаций, типичными задачами расследования, следственными версиями, особенностями планирования расследования и тактики процессуальных действий, характерных для подготовительного, начального и последующего этапов расследования.

Как видно, структура подготовительного, начального и последующего этапов расследования одинакова. При этом количество типовых планов расследования, разрабатываемых для каждого из этих этапов, должно соответствовать разнообразию типов исходных данных, типичных задач расследования и следственных версий [7: с. 89].

Анализ существующих в науке взглядов на рассматриваемую проблему позволяет заключить, что вся система научных положений криминалистической методики в основном сводится подавляющим большинством авторов, в том числе Ю.П. Гармаевым и А.Ф. Лубиным [2: с. 87], к решению задачи по созданию частных методик расследования.

Однако данная система, носящая открытый характер, по мере накопления новых научных фактов, имеет тенденцию к расширению как в количественном, так и в качественном отношении. Тот факт, что в определении понятия заключительного раздела криминалистики первой частью является *система научных положений*, на основе которой разрабатываются рекомендации по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов преступлений [1: с. 298], не означает, что такая система существует в завершённом виде. Напротив, следует прийти к выводу о ее незавершённости, что не может не сдерживать создания более совершенных частных криминалистических методик, отвечающих потребностям практики борьбы с преступностью.

Существующая система научных положений криминалистической методики неминуемо, по моему мнению, претерпит изменения, пополнится новыми

положениями за счет инновационного представления о понятии данного раздела криминалистики, его структуре, сферах применения методических рекомендаций, интегральном понятии, стабилизирующим эту систему. На повестке сегодняшнего дня стоит вопрос о модернизации указанного выше понятия криминалистической методики в связи с решением неотложной задачи по созданию частных криминалистических методик не только для дознавателя и следователя, но и для участников судебного разбирательства по уголовным делам — государственного обвинителя, защитника и суда. Требуется изменения структура криминалистической методики по причине давно назревшего вопроса о перенесении рекомендаций по организации расследования из криминалистической тактики в криминалистическую методику и определении им места между теоретической частью данного раздела криминалистики и частными методиками расследования [8]. Организующим началом упорядочения научных положений в их систему должно стать, по моему глубокому убеждению, понятие общего метода судебного исследования преступлений. Положения, характеризующие понятие данного метода, его структуру, а также источники информационного обеспечения эффективности его применения в следственной и судебной практике (к ним относятся: обобщенные данные криминальной практики и деятельности по судебному исследованию преступлений на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства в виде соответствующих криминалистических характеристик и разрабатываемые с их учетом частные криминалистические методики), выводят систему научных положений заключительного раздела криминалистики на новый, более высокий качественный уровень [10].

Представляется, что система научных положений криминалистической методики в курсе криминалистики может быть изложена в следующем виде:

- 1) положения, отражающие понятие, задачи, структуру криминалистической методики, ее внутридисциплинированные связи, а также сферы применения и субъектность частнометодических рекомендаций;
- 2) положения, отражающие понятие, структуру и информационное обеспечение общего метода судебного исследования преступлений;
- 3) положения, отражающие понятие частной методики расследования и частной методики судебного разбирательства уголовных дел, а также принципы разработки и построения данных криминалистических методик, правила их адаптации и систематизации.

Данная структура научных положений криминалистической методики как заключительного раздела криминалистики, излагаемая в учебной литературе, в принципе соответствует системе знаний науки, относящихся к данному ее разделу. Однако в научном плане они представлены в соответствующих частных теориях значительно шире, например в криминалистическом учении об общем методе судебного исследования преступлений, теории формирования частных криминалистических методик, теоретических представлениях

об организации расследования и т. д. Это обстоятельство объясняется тем, что система научных положений криминалистической методики, так же как и системы теоретических частей криминалистической техники и тактики, представляют собой не что иное как экстракт из положений частных криминалистических теорий и учений, относящихся к определенному разделу криминалистики.

Говоря о системе научных положений криминалистической методики, важно иметь в виду, что при ее разработке следует исходить из основополагающего принципа системного подхода, включающего исторический, функциональный и коммуникационный элементы. Этот принцип означает, что сперва эту систему необходимо охарактеризовать в историческом аспекте, описать ее зарождение, путь развития и насущные проблемы, установить ее структуру, в которой элементы занимают строго определенное место, обусловленное функциональной связью между ними. Только такая система обладает наибольшей коммуникативностью с другими взаимодействующими с ней системами — системой отдельной частной криминалистической методики и системой их множества. Представляется, именно таким требованиям в наибольшей степени, по сравнению с существующими и упомянутыми выше системами, может соответствовать предлагаемая мною система научных положений криминалистической методики. Разрабатываемые на ее основе частные криминалистические методики могут приобрести более высокий качественный уровень.

Следует также учитывать, что от правильного определения системы научных положений криминалистической методики зависит уровень и содержание профессиональной подготовки будущих специалистов правоохранительных органов. Следовательно, постановка вопроса о совершенствовании системы научных положений заключительного раздела криминалистики приобретает на данном этапе развития криминалистических знаний особую актуальность.

В соответствии с инновационными представлениями о системе криминалистической методики и системе ее теоретической части должна корректироваться и образовательная программа по криминалистике. Несмотря на то что вопросы систематизации научных положений криминалистической методики во многом остаются дискуссионными, тем не менее это не может служить основанием для уклонения от их рассмотрения при обучении криминалистике. Правильное сочетание в учебной криминалистической литературе инновационных научных положений и практических рекомендаций по методике судебного исследования преступлений, привитие обучающимся теоретических знаний и навыков — двуединая задача.

Литература

1 *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1977. 408 с.

2 *Гармаев Ю.П., Лубин А.Ф.* Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 303 с.

3. *Зуйков Г.Г.* Понятие, сущность и общие положения методики расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика. Т. 2. М.: ВШ МВД СССР, 1970. С. 241–252.
4. *Колесниченко А.Н.* Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 27 с.
5. *Шавер Б.М.* Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика. Ч. 2. М., 1952. 175 с.
6. *Чурилов С.Н.* Принципы разработки и построения частных криминалистических методик: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 1981. 17 с.
7. *Чурилов С.Н.* Перспективы развития системы научных положений криминалистической методики в свете общей теории науки // Человеческий капитал. 2012. № 8 (44). С. 88–91.
8. *Чурилов С.Н.* Понятие и структура криминалистической методики нуждаются в расширении // Вестник криминалистики. Вып. 1 (41). М.: Спарк, 2012. С. 13–17.
9. *Чурилов С.Н.* Предмет доказывания по уголовным делам: монография. М.: Изд-во РГСУ, 2017. 148 с.
10. *Чурилов С.Н.* Криминалистическая методика расследования: проблемы, тенденции, перспективы: монография. М.: Юстицинформ, 2011. 128 с.

Literatura

1. *Belkin R.S.* Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. 1: Obshhaya teoriya kriminalistiki. M.: Yurist", 1977. 408 s.
2. *Garmaev Yu.P., Lubin A.F.* Problemy' sozdaniya kriminalisticheskix metodik rassledovaniya prestuplenij. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2006. 303 s.
3. *Zujkov G.G.* Ponyatie, sushhnost' i obshhie polozheniya metodiki rassledovaniya otdel'ny'x vidov prestuplenij // Kriminalistika. T. 2. M.: VSh MVD SSSR, 1970. S. 241–252.
4. *Kolesnichenko A.N.* Nauchny'e i pravovy'e osnovy' rassledovaniya otdel'ny'x vidov prestuplenij: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Har'kov, 1967. 27 s.
5. *Shaver B.M.* Osnovny'e polozheniya metodiki rassledovaniya otdel'ny'x vidov prestuplenij // Kriminalistika. Ch. 2. M., 1952. 175 s.
6. *Churilov S.N.* Principy' razrabotki i postroeniya chastny'x kriminalisticheskix metodik: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. 1981. 17 s.
7. *Churilov S.N.* Perspektivy' razvitiya sistemy' nauchny'x polozhenij kriminalisticheskoy metodiki v svete obshhej teorii nauki // Chelovecheskij kapital. 2012. № 8 (44). S. 88–91.
8. *Churilov S.N.* Ponyatie i struktura kriminalisticheskoy metodiki nuzhdayutsya v rasshirenii // Vestnik kriminalistiki. Vy'p. 1 (41). M.: Spark, 2012. S. 13–17.
9. *Churilov S.N.* Predmet dokazyvaniya po ugovolnym delam: monografiya. M.: Izd-vo RGSU, 2017. 148 s.
10. *Churilov S.N.* Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya: problemy', tendencii, perspektivy': monografiya. M.: Yusticinform, 2011. 128 s.

S.N. Churilov

The Problem of Consistency of Scientific Principles of Forensic Techniques

The article considers the issues of improving the system of scientific provisions of the forensic methodology, taking into account the modern achievements of forensic thought, sets out its structure based on the principle of the system approach.

Keywords: forensic methodology; scientific positioning system; structure elements; value.

А.И. Воеводина

**Субъект преступления
«Неоднократное нарушение
установленного порядка организации
либо проведения собрания,
митинга, демонстрации, шествия
или пикетирования»**

Статья посвящена проблематике субъекта преступления, совершенного в виде неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, особенностям его установления при квалификации преступления, а также тем специфическим чертам, которые дополняют данный элемент состава преступления.

Ключевые слова: публичные мероприятия; уголовная ответственность; субъект преступления.

Точное установление субъекта преступления — это залог правильной и точной квалификации преступления. Правоприменительная практика, как показывает опыт, сталкивается со сложностями при установлении субъекта преступления, предусмотренного ст. 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)¹.

Согласно ст. 19 УК РФ уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного нормами УК РФ (ст. 20 УК РФ, а также положения статей Особенной части УК РФ). Так описывается законодателем «общий» субъект — субъект преступления, сформулированного в Особенной части УК РФ. При этом выделяются в качестве составляющих данного элемента состава преступления возраст и вменяемость,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

а также есть указание на то, что уголовной ответственности в Российской Федерации могут подлежать только физические лица.

Так, в ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее — ФЗ «О собраниях»)² указано, что организатором публичного мероприятия могут быть один или несколько граждан Российской Федерации (организатором демонстраций, шествий и пикетирований — гражданин Российской Федерации, достигший возраста 18 лет, митингов и собраний — 16 лет), политические партии, другие общественные или религиозные объединения, их региональные отделения и иные структурные подразделения, взявшие на себя обязательство по организации и проведению публичного мероприятия.

В соответствии с ч. 1 ст. 6 ФЗ «О собраниях» участниками публичного мероприятия признаются граждане, члены политических партий, члены и участники других общественных объединений и религиозных объединений, добровольно участвующие в нем.

Понятие «организатор», исходя из приведенных норм, необходимо толковать согласно той фактической функции, которая возлагается на данное лицо вне зависимости от результата согласования проведения публичного мероприятия органами исполнительной власти и вне указания на данное лицо в соответствующих документах.

В части указания на возраст организатора демонстраций, шествий и пикетирований усматривается явное противоречие. То есть несовершеннолетнее лицо (достигшее возраста 16 лет) может своими фактическими действиями выступить в качестве организатора публичного мероприятия с нарушениями установленного порядка, при этом, с учетом необходимости обращения к нормам ФЗ «О собраниях» при квалификации действий такого лица, сталкиваемся с указанием на возраст организатора таких публичных мероприятий.

Также следует отметить, что потенциальный организатор публичного мероприятия с точки зрения ФЗ «О собраниях» и субъект преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, не совпадают в своей юридической (правовой) ответственности в силу того, что политические партии, другие общественные объединения и религиозные объединения, их региональные отделения и иные структурные подразделения не являются субъектами преступлений по УК РФ.

Несмотря на то что при реализации государственной политики в той или иной области общественных отношений вносятся поправки, как правило, в целый ряд законодательных актов, в случае с проблематикой публичных мероприятий полного приведения в соответствие не произошло, что существенно отражается на понимании отдельных элементов состава преступления,

² Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (в ред. от 07.06.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 25. Ст. 2485.

предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, а также может исказить должный ход правоприменительной практики.

А.И. Рарог справедливо отмечает, что «в статьях Особенной части УК РФ преступления описываются с различной степенью полноты» [1: с. 36]. Как следует из анализа норм уголовного законодательства с бланкетными диспозициями статьи, как раз такие нормы описываются недостаточно полно.

В ст. 212.1 УК РФ непосредственно не указываются в качестве субъекта преступления организатор или участник, также отсутствует указание на дополнительные специальные признаки, характеризующие специального субъекта преступления. Вместе с тем в целях правильной и полной квалификации содеянного необходимо обращаться не только к характеристике деяния как элементу объективной стороны и уяснения действий, совершенных лицом, но и непосредственно к данным понятиям, которые раскрываются в федеральном законодательстве.

Также следует отметить, что законодатель в норме, посвященной организатору публичного мероприятия, обращает внимание, что таковым может являться гражданин Российской Федерации. Вместе с тем как норма ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)³, так и ст. 212.1 УК РФ не указывают на гражданство как на признак, характеризующий субъекта соответствующих правонарушений и преступления. Таким образом, есть вероятность возникновения ситуации, при которой фактически действия организатора в рамках объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, совершает гражданин иностранного государства или лицо без гражданства. Возникает вопрос: возможно ли привлечение такого лица к уголовной ответственности по данной статье за неоднократное нарушение установленного порядка организации собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, особенно с учетом норм международных правовых актов, устанавливающих право на мирные собрания вне привязки к институту гражданства?

При выполнении деяния — как элемента объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, — уголовной ответственности подлежит фигура организатора публичного мероприятия, причем это будет происходить, как нами было рассмотрено выше, в условиях соотношения с нормами ФЗ «О собраниях», ему посвященными. В ч. 3 ст. 33 УК РФ, посвященной видам соучастников преступления, установлено, что организатором преступления признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

На наш взгляд, возникающие при уяснении норм Общей и Особенной частей УК РФ, различие смыслов понятия «организатор» является не вполне удачным моментом, так как используемые законодательные лексико-грамматические конструкции теряют универсальный характер, требуют оговорок, а также ссылок на другие законодательные акты в случае с бланкетными нормами.

Несмотря на то, что понятие «организатор» не упоминается в норме ст. 212.1 УК РФ, полностью пренебречь содержанием данного понятия, раскрываемом в ФЗ «О собраниях», представляется неверным в силу бланкетного характера диспозиции ст. 212.1 УК РФ.

Рассматривая субъект преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, следует отметить, что влияние административной преюдиции присутствует и в отношении данного элемента состава преступления. Так, в примечании к указанной статье законодатель, раскрывая понятие «неоднократность», указывает, что субъектом преступления является лицо, которое ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьями 20.2 КоАП РФ, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней.

Исходя из изложенного в указанной норме, субъект преступления ст. 212.1 УК РФ приобретает указанное качество после вынесения постановления по делу об административном правонарушении, вступления его в законную силу.

При этом вопрос исчисления срока привлечения лица к ответственности в целом применительно к составам преступлений с элементом административной преюдиции является дискуссионным в юридической литературе.

Так, приводится позиция, согласно которой, «если исходить из того, что вступление в силу постановления по делу об административном правонарушении является одновременно и временем привлечения лица к административной ответственности, и началом отбытия им административного наказания, возникает вопрос о целесообразности использования различных законодательных конструкций для описания одного и того же юридического явления» [2: с. 28]. Вместе с тем, на наш взгляд, обозначенные правовые категории имеют существенное значение, пренебрегать ими не вполне корректно с точки зрения теории права.

Справедливой, на наш взгляд, является позиция, согласно которой «под специальным субъектом преступления следует понимать вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и обладающее дополнительными признаками, описанными в уголовном законе или однозначно вытекающими из его толкования, ограничивающими круг лиц, которые могут быть привлечены к ответственности по данному закону» [3: с. 45].

Исходя из приведенного определения, можно сделать вывод о том, что формально субъект преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, может быть признан специальным субъектом, так как законодателем предусмотрены

особые качества для такого лица. Вместе с тем в нормах УК РФ, как правило, специальным субъектом является должностное лицо (как, например, в ч. 1 ст. 285 УК РФ), на котором лежала обязанность по соблюдению определенных требований (ч. 1 ст. 219 УК РФ), и другие. При этом статус лица в данном качестве является нейтральным и устойчивым. В случае с преступлением, предусмотренным ст. 212.1 УК РФ, речь идет о том, что лицо является правонарушителем, подвергнутым административному наказанию за совершенное правонарушение в течение определенного срока — 180 дней.

Таким образом, так называемый специальный субъект преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, во-первых, обладает совершенно отличными качествами от специального субъекта в привычном и устоявшемся понимании данного понятия, во-вторых, существует лишь в определенный календарный период времени. На основании данного факта представляется, что признавать субъекта преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, специальным субъектом не вполне справедливо. Вместе с тем в ходе изучения норм УК РФ, а также норм ФЗ «О собраниях» установлено, что общим субъект рассматриваемого преступления также не может быть признан в полной мере.

Как нами уже упоминалось, ключевыми действующими лицами ФЗ «О собраниях» являются организатор и участники. Статус данных лиц со значительной долей определенности отражен в положениях законодательства, посвященного публичным мероприятиям. Если для того чтобы стать участником публичного мероприятия, следует непосредственно принимать участие в его проведении, то организатор связан правами и обязанностями по осуществлению предварительных действий, а также, что имеет существенное значение, организатор, действующий правомерно и в соответствии с возложенными на него федеральным законодательством функциями, представляет лиц, намеревающихся осуществить проведение публичного мероприятия, перед органами государственной власти, например, именно им подается уведомление в уполномоченные органы, с ним взаимодействуют органы исполнительной власти субъекта федерации в отношении предложений по изменению времени и места проведения публичного мероприятия, как это следует из ст. 7, 12 ФЗ «О собраниях» и т. д. Таким образом, из указанного следует, что установление организатора публичного мероприятия должно вытекать из официальных документов, направляемых при подаче уведомления о проведении публичного мероприятия. Закрепление в официальных документах также позволяло бы говорить об организаторе публичного мероприятия как о специальном субъекте.

Выше нами обозначена ситуация, при которой организатор публичного мероприятия действует открыто и правомерно на стадии подготовки к проведению публичного мероприятия — исполняет свою главную обязанность, а впоследствии им совершаются действия, подпадающие под ст. 212.1 УК РФ. Однако в случае неподачи уведомления о проведении публичного

мероприятия установление организатора заключается в определении конкретной роли лица, а также тех действий, которые им совершались. На данном этапе законодатель не пошел по пути индивидуализации ответственности организатора и участников публичного мероприятия, однако это не дает права пренебрегать теми категориями, которыми выстроен ФЗ «О собраниях», так как норма, содержащаяся в УК РФ, устанавливает ответственность именно за неоднократное нарушение его положений.

Как показывает практика рассмотрения дел об административных правонарушениях и о преступлениях, совершаемых в сфере публичных мероприятий, эти мероприятия проводятся лицами, обладающими ярко выраженными лидерскими качествами и пользующимися авторитетом у своих единомышленников. Такие лидеры могут быть формальными и неформальными. Вместе с тем представляется, что авторитет лица не должен подрывать авторитет права, его верховенство в части соблюдения процедуры организации и проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований. На наш взгляд, необходимо введение классического (в понимании теории уголовного права) субъекта рассматриваемого преступления, к которому необходимо отнести руководителей политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, их региональных отделений и иных структурных подразделений.

По рассмотрении субъекта преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, делается вывод о том, что наличие административной преюдиции в составе преступления оказывает существенное влияние на теоретическую основу состава преступления. При этом невозможно соотнести особенности административной преюдиции к одному или нескольким элементам состава преступления, так как воздействует административная преюдиция, на наш взгляд, на каждый элемент состава преступления.

Таким образом, прослеживая последовательно элементы состава преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, представляется, что административная преюдиция является самостоятельной характеристикой состава преступления.

Литература

1. *Рарог А.И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М.: Проспект, 2015. 229 с.
2. *Сидоренко Э.Л.* Административная преюдиция в российском уголовном праве: проблемы квалификации // *Мировой судья*. 2016. № 3.
3. *Устименко В.В.* Специальный субъект преступления. Харьков: Вища школа, 1989. 103 с.

Literatura

1. *Rarog A.I.* Problemy' kvalifikacii prestuplenii po sub''ektivny'm priznakam: monografiya. M.: Prospekt, 2015. 229 s.

2. *Sidorenko E.L.* Administrativnaya preyudiciya v rossijskom ugovnom prave: problemy' kvalifikacii // Mirovoj sud'ya. 2016. № 3.

3. *Ustimenko V.V.* Special'ny'j sub"ekt prestupleniya. Har'kov: Vishha shkola, 1989. 103 s.

A.I. Voevodina

The Subject of the Crime is a Repeated Violation of the Established Procedure for Organizing or Holding a Meeting, Rally, Demonstration, Procession or Picketing

The article is devoted to the subject of the crime of repeated violation of the established procedure for organizing or holding a meeting, rally, demonstration, procession or picketing, the specifics of its establishment when qualifying a crime, as well as those specific features that complement this element of crime.

Keywords: public events; criminal liability; the subject of the crime.

УДК 340.5

DOI 10.25688/2076-9113.2019.33.1.10

А.И. Смирнов

Типология факторов, повлиявших на византийское правосознание

В статье рассматривается правовое сознание Византийской империи с точки зрения причин, обусловивших его формирование. Особое внимание уделяется вопросам влияния христианства на правосознание византийского общества. Автором предпринята попытка типологизировать факторы, оказавшие влияние на византийское правосознание.

Ключевые слова: византийское правосознание; формирование правосознания; типология; методология; правовая идеология.

Правосознание как явление представляет собой сложный феномен, процессы формирования и развития которого на сегодняшний день недостаточно изучены. Точно так же не до конца изучены те движущие силы, которые воздействуют на правосознание. Использование типологического метода при изучении данных вопросов способствует определению характерных черт правосознания [12: с. 11] и выявлению его источников.

Особенный интерес представляет изучение правосознания не определенного момента времени, а целой эпохи, даже если от этой эпохи осталось не так много свидетельств, из которых можно почерпнуть какие-либо актуальные для данной темы сведения. В таком случае правосознание должно рассматриваться как комплекс, который находится в отношениях взаимодействия с правом (право влияет на правосознание и наоборот, в том числе в сфере источников права). Вместе с тем правосознание испытывает на себе воздействие и не собственно правовых факторов, среди которых можно выделить мировоззренческий, религиозный, культурный, этнический, материально-хозяйственный и исторический факторы. Большую часть из неправовых факторов формирования правосознания можно объединить под общим названием «социальный фактор», к которому в современной науке относят «семью, социальное окружение, условия жизнедеятельности, занятость, средства массовой информации, отношение к криминальной субкультуре, уровень правопорядка в обществе, степень правовой и социальной защищенности и т. д.» [18: с. 34].

В рассматриваемом виде правосознание неразрывно связано с понятием правовой культуры общества, формирование которой предполагает влияние общественных, духовных, политических и экономических факторов [14: с. 83] и базовым элементом которой является правосознание в своем общем виде

и в частности — профессиональное правосознание, представители которого являются инициаторами правотворческой и правоприменительной деятельности [6: с. 4]. Все данные утверждения можно применить к правосознанию государства, которое во многих отношениях можно назвать феноменом человеческой истории, — Византийской империи.

Прежде всего следует рассматривать неправовые факторы, повлиявшие на формирование византийского правосознания, поскольку они были отражены и зафиксированы также и в позитивном праве. К тому же большинство, если не все, из этих факторов должны анализироваться в их совокупности хотя бы потому, что религия пронизывала все стороны жизни византийского общества и, соответственно, имела на них сильное влияние. Именно поэтому, а также потому, что на смыслообразующих идеях основывается смысловой каркас, выражающий ключевые свойства правосознания [3: с. 14], мы начнем рассмотрение факторов, повлиявших на правосознание Византии, с ее государственной религии — христианства.

Византийское право называют уникальным явлением человеческой истории, поскольку в нем традиции Рима были творчески переосмыслены. Тогда были созданы вновь многие институты права посредством собственного развития, и христианство в этом процессе играло ключевую роль. Христианство сыграло намного более важную роль в становлении византийского права, как, впрочем, и во всей истории Византийской империи, чем в римском праве. Это единодушно признается самыми разными исследователями. Церковь, как отмечает апостол Павел, является «столпом и утверждением истины» (1 Тим. 3:15), а империя была союзником церкви в деле руководства единой христианской ойкумены.

В формировании правосознания Византии определяющую роль играла концепция симфонии властей, для которой наиболее значимым было отсутствие противопоставления между церковью и государством. Государство и император осуществляют попечение о сохранении истинности догматов христианской религии, священство молится за государство и за мир, а церковь является величайшей святыней, так что мирская власть — тело, а священство — душа, которые в своей совокупности составляют государство. При этом ни государство, ни церковь не вмешиваются в сферы, находящиеся вне их юрисдикции. Представитель священства подчиняется государству как гражданин, а не потому, что его власть происходит от светской власти; государственный деятель подчиняется представителю священства как член Церкви, который ищет спасения, а не потому, что его власть исходит от епископа. Кроме того, церковь помогает государству, предоставляя духовную поддержку в целях обеспечения благополучия общества, а государство помогает церкви, создавая условия для миссионерской деятельности, а также для духовного воспитания и просвещения [9: с. 190–192].

Основание данной системы идей находится в ветхозаветном учении. Церковь играет важную роль в истории мира, находясь в отношениях взаимного

влияния со светской властью. Появление последней неразрывно связано с Промыслом Божиим и было ответом «на несовершенство мира с целью воспрепятствования еще большему греху человека: “И сказал Господь Самуилу: послушай голос народа во всем, что они говорят тебе; не тебя они отвергали, но отвергали Меня, чтоб Я не царствовал над ними. Итак, послушай голоса их; только представь им и объяви им права, царя, который будет царствовать над ними” (1 Царств, 8–7, 9)» [9: с. 192].

На Западе, напротив, данная концепция подверглась искажениям, результатом чего впоследствии стало появление протестантизма, а позднее — либерализма.

Византийская империя в правосознании ее граждан являлась преемницей перерожденной Христом Римской империи, что стало причиной особого правообразующего значения православия: «Тот факт, что все без исключения оросы Вселенских Соборов и постановления других Соборов о вере издавались в форме императорских законов, лишь подчеркивает важность [этого]» [5: с. 22]. Эту мысль прекрасно выразил Б.И. Кецба, отмечавший, что Церковь явилась источником ценностной системы, которая должна была быть основой деятельности государства. Кроме того, христианские постановления явились тем, что определяло официальное и законодательно закрепленное право, как таковое [8: с. 2702]. Такой подход фиксировал в обыденном правосознании позицию относительно императора как правителя, который должен проповедовать веру и укреплять христианскую этику и поведение, в том числе и посредством законодательной деятельности [10: с. 20].

Обыденное правосознание в этом случае целиком и полностью согласовывалось с профессиональным правосознанием. Так, в «Эклоге» императора Льва III Исавра и его сына Константина V, которую исследователи считают первым правовым актом, отразившим правовое сознание, преломленное через призму христианского мировоззрения, отражена следующая концепция: «Мы полагаем, что ничем не можем воздать Богу должное скорее и лучше, чем управлением доверенными Им нам людьми согласно закону и с правосудием» [18: с. 49–50]. В данных словах представлена сущность правосознания правителей Византийской империи, сформированного христианским мировоззрением.

Христианство всегда было приоритетным общественным источником правового сознания, источником ценностей как жизненных ориентиров, на которых основывается весь уклад жизни человека [14: с. 15], утрата же христианского мировоззрения, как правило, приводит к кризису правосознания. Б.И. Кецба пишет, что христианская религия явилась способом нормативной интерпретации общественных и политических явлений и источником наиболее подходящих для определенной социальной структуры норм, а также фактором, обеспечивавшим условия выполнения человеком своих обязанностей как в этической, так и в государственной сфере [9: с. 191]. Ю.А. Дружкина видит в качестве причин кризиса правосознания современного общества,

выражающегося в негативных явлениях в сфере государства и права стран, имеющих доступ к цивилизации, постепенную утрату связи с религиозной культурой, происходившую в течение последних двух столетий [7: с. 3]. Устойчивость же государства как такового напрямую зависит от степени соответствия его граждан морально-нравственным идеалам, имеющим своим источником религиозные ценности «как единственные твердые основания общественных обязанностей» [9: с. 193]. По мнению многих религиозных философов, оправдание необходимости государства может проистекать только исходя из религиозного фундамента. Если же оно лишено этого фундамента, то оно не сможет с убедительностью оправдать свое существование [Там же].

Правовые институты римского права не несли в себе смыслообразующих идей такого рода — в нем отсутствовала живая идея права. Контаминация западного понимания «трансляции власти» с восточным — «трансляцией веры» дало византийское право, в центре которого находится православие.

Другим фактором, повлиявшим на формирование правосознания в Византии, стала борьба с ересями (монтанизмом, манихейством, донатизмом, арианством), которая, по мнению исследователей, создала в Византийской империи особую историко-культурологическую ситуацию [12: с. 13], а она не могла не повлиять на восприятие права. Основным же стало то, что государство явилось фактором, не допускающим возможности врагу Бога погубить Его Церковь и защищающим ее, а также содержащим нравственный идеал христианства, а римское право — тем фактором, что способствует торжеству христианства на земле.

Усвоение законом христианских норм изменило подход к человеку как к личности. Для византийского общества было нормой, что человек свободен как сын Божий, за которого Спаситель принял крестную смерть. И поскольку Бог даровал свободу личности, то она должна быть обеспечена правами. Несмотря на сохранение рабства в Византии, подход к рабу изменился: раб не вещь, а личность, имеющая определенные права и возможности юридической защиты [5: с. 20–21].

Сказанное выше соотносится с существующим в правоведении термином «религиозное правосознание». Под ним подразумеваются «взгляды, доктрины, чувства, настроения индивидов, социальных общностей по поводу права и законности, формирующиеся под влиянием религиозного мировоззрения и выполняющие посредством этого роль социального источника права и самостоятельного регулятора (саморегулятора) их поведения в юридически значимых ситуациях» [7: с. 12–13]. Существуют разные виды религиозного правосознания: доктринальное религиозное и обыденное религиозное правосознание, правосознание верующих и правосознание атеистов. Религиозное правосознание предоставляет основу для процесса создания права. Смысл права, развивающегося в этой традиции, становится шире строго юридического круга вопросов: «на первый план выдвигается вопрос о соотношении религиозности и права, через призму которого рассматривается момент

перехода внутреннего мира во внешний как акт самоопределения человека» [15].

Также следует отметить, что в римском праве зафиксированы и оформлены плоды античного хозяйствования; византийское же право представляет собой легитимацию феодальных отношений [19: р. 89]. Отражение новых форм общественных отношений нашло себе место в правосознании общества.

На византийское право и, соответственно, правосознание оказал влияние и этнокультурный фактор. Византия была по преимуществу греческой страной (с преобладанием данного этноса и высоким уровнем терпимости к другим этносам, что в целом было свойственно как античным, так и феодальным государствам) [4: с. 15]. При этом в восточной части Римской империи традиционно проживало очень небольшое количество выходцев из Италии (в первую очередь Рима) [4: с. 15]. Кроме того, исследователи отмечают большое национальное многообразие Византийской империи: в ее областях жили копты, сирийцы, фракийцы и другие народности, которые по большей части сохраняли свое культурное своеобразие и при этом, однако, «впитывали» в себя византийскую культуру как стимул их развития [12: с. 14–15]. Так, процесс развития византийского права и, соответственно, формирования правосознания испытал на себе воздействие правовых традиций различных народностей, находившихся в составе Византии или контактировавших с ней [9: с. 190].

Обращая взгляд на типично правовые источники, оказавшие воздействие на правовое сознание Византии, следует отметить документы, выступающие источниками правовой системы империи. Важным для понимания правосознания Византии отличительным признаком источниковедческой базы, посвященной данной проблематике, является тот факт, что римское право и право византийское имели своим основанием и источником различные документы. Римские и византийские источники отличаются не только по этнокультурным, религиозным или материально-хозяйственным причинам, но и из-за самой идеи права как такового, т. е. той изначальной юридической интенции, предпосылки, которая являлась смыслообразующим фактором профессионального и обыденного правосознания Византии и Рима.

В классическом римском праве в качестве источника использовались изъяснения и комментарии римских юристов — Папиниана, Гая, Павла, Ульпиана, Модестина и пр. [1: с. 71]. При этом нормы и положения римского права были неразрывно связаны со строго конкретными правовыми случаями. «Римское право состояло из сложной сети норм; однако они существовали не как интеллектуальная система, а, скорее, как красочная мозаика практических решений конкретных юридических вопросов. Таким образом, можно сказать, что, хотя в римском праве присутствовали понятия, там отсутствовало определение самого понятия» [2: с. 153]. Только с Юстиниана и появления византийского права как такового в праве сформировались абстрагированные от конкретных юридических прецедентов нормы.

Смыслообразующие идеи византийского права и византийского профессионального сознания коренным образом отличались от правовой традиции Рима. «Насколько внешне византийское право стремилось сохранить в себе классические римские черты, настолько в идейной части оно все более и более уходило от прародителя. <...> Византийская традиция тщательно оберегала структуру и систему права, основные понятия и институты, юридическую технику и саму логику правовых построений. Но начала вкладывать в них качественно иной смысл. И в этом отношении византийское право перестало быть римским правом» [5: с. 18], — пишет А.М. Величко. И если византийское профессиональное сознание продолжало использовать римские правовые формы, то его содержательное наполнение было совершенно иным. Это выразилось в том, что римское право не имело объемлющих документов и источников права такого масштаба, как византийское право (ср. «Кодекс Феодосия», «Эклога», «Василики», «Прохирон», «Эпанагога», «Кодекс Юстиниана», «Пандекты», «Институции» и «Номоканоны»), поскольку этого не требовала идея римского права, и этого не требовало правосознание римлян [16: с. 93].

Византийское право переняло у римского сам факт использования императорского законодательства как основного закона государства, а благодаря стабильности (более или менее) системы государства началась постепенная кодификация отдельных постановлений, а впоследствии — и всего права Византии.

Особенности профессионального правосознания изучаемой эпохи и страны также основаны на христианстве, и именно из христианского мировоззрения вытекает ряд очень важных предпосылок. Следует отметить, что в Византии светское право и каноническое рассматривались в совокупности, а знатоки канонического права были профессионалами также и в деле гражданского права. Более того, сами две эти ветви права пересекались между собой, когда каноническое право регулировало определенные стороны социальных отношений, а в некоторых случаях нормы канонического права служили базисом для зафиксированных в светском праве институтов.

Также нельзя игнорировать и тот факт, что большое значение на формирование правосознания имел подход к образованию юристов в Византийской империи. Так, в XI в. в константинопольском монастыре св. Георгия была основана специальная юридическая школа, нацеленная на профессиональную подготовку юристов, поскольку образование и правотворчество воспринималось как единое целое. Профессиональное правосознание юристов служило источником законодательных актов: «иногда императоры облекали мнение авторитетного правоведа в форму законодательного постановления» [9: с. 193].

Исследуя причины, повлиявшие на формирование правосознания Византии, целесообразно предложить типологию факторов, которую логично было бы разделить на две большие группы:

— правовые факторы (сюда относятся источники права, в том числе права канонического);

– неправоые (или социальные) факторы: мировоззренческий, религиозный, этнокультурный, просветительский, материально-хозяйственный, исторический.

Рассмотрение одного типа факторов должно производиться с учетом всех остальных типов, поскольку каждый из них оказал влияние на развитие общества и формирование в нем целостного явления — его правосознания.

В качестве заключения можно отметить, что, по справедливой оценке Б.И. Кецбы, византийское право, явившееся результатом византийского профессионального правосознания и в то же время способствовавшее формированию этого правосознания, образовывалось благодаря соотношению христианской религии, принципов римского права и традиций народов Византии.

Литература

1. Астахов Д.С., Соловьева А. А. Право и закон в Древнем Риме: у истоков позитивного права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2017. № 3. С. 71–77.

2. Байтеева М.В. Рецепция римского права и становление публично-правовой сферы в системе романо-германского права // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 2 (14). С. 106–111.

3. Баринов Э.Э. Конституционное правосознание в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. 209 с.

4. Беликов А.П. Римляне и греки: причины взаимной неприязни // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 1. С. 14–19.

5. Величко А.М. Идея права в Византии // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. № 1. С. 15–24.

6. Гусарова М.А. Концепции правосознания в философско-правовой мысли России (на примере взглядов П.И. Новгородцева, И.А. Ильина и Л.И. Петражицкого) // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 2. С. 73–79.

7. Дружкина Ю.А. Религиозное правосознание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 22 с.

8. Кецба Б.И. Взаимодействие церковного и светского права в Византии // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2702–2706.

9. Кецба Б.И. Влияние христианства на правовую систему Византийской империи // Евразийский юридический журнал. 2014. № 10 (77). С. 190–193.

10. Манохина О.А. Особенности развития духовного образования в ранней Византии (IV–VI вв.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. № 1 (144). Вып. 125. С. 19–26.

11. Марченко М.Н. Теоретико-методологические проблемы права. М.: Зерцало-М, 2007. 390 с.

12. Османкина Г.Ю. Мировоззренческие основы формирования раннехристианской культуры Византии в IV–VI вв.: автореф. дис. ... канд. культурологии. Нижневартовск, 2000. 25 с.

13. Пастухов А.В. Условия и факторы формирования политико-правовой культуры современного российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 4. С. 83–88.

14. *Пригожин А.И.* Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М.: Дело АНХ, 2010. 431 с.
15. *Сенюшкина Т.А.* Православные ценности и русская правовая культура // Культурологический журнал. 2017. № 4 (30). URL: <http://www.cr-journal.ru> (дата обращения: 31.08.2018).
16. *Смирнов А.И.* Ключевые аспекты сравнительного исследования римского и византийского права // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2018. № 3 (31). С. 89–96.
17. *Стуканов В.Г.* Теоретико-методологические вопросы изучения правосознания // Инновационные образовательные технологии. 2013. № 1 (33). С. 30–34.
18. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийская книга епарха. Рязань, 2006. 592 с.
19. *Kazhdan A.* State, Feudal, and Private Economy in Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 47 (1993). Pp. 83–100.

Literatura

1. *Astashov D.S., Solov'eva A.A.* Pravo i zakon v Drevnem Rime: u istokov pozitivnogo prava // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: «Pravo». 2017. № 3. S. 71–77.
2. *Bajteeva M.V.* Recepciya rimskogo prava i stanovlenie publichno-pravovoj sfery v sisteme romano-germanskogo prava // *Aktual'ny'e problemy' e'konomiki i prava*. 2010. № 2 (14). S.106–111.
3. *Barinov E.E.* Konstitucionnoe pravosoznanie v Rossiiskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 2001. 209 s.
4. *Belikov A.P.* Rimlyane i greki: prichiny' vzaimnoj nepriyazni // *Gumanitarny'e i juridicheskie issledovaniya*. 2016. № 1. S. 14–19.
5. *Velichko A.M.* Ideya prava v Vizantii // *Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik*. 2011. № 1. S. 15–24.
6. *Gusarova M.A.* Konceptii pravosoznaniya v filosofsko-pravovoj my'sli Rossii (na primere vzglyadov P.I. Novgorodceva, I.A. Il'ina i L.I. Petrazhiczskogo) // *Obshhestvo: politika, e'konomika, pravo*. 2013. № 2. S. 73–79.
7. *Druzhkina Yu.A.* Religioznoe pravosoznanie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2007. 22 s.
8. *Keczba B.I.* Vzaimodeistvie cerkovnogo i svetskogo prava v Vizantii // *Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava*. 2014. № 12 (49). S. 2702–2706.
9. *Keczba B.I.* Vliyanie xristianstva na pravovuyu sistemu Vizantiiskoj imperii // *Evraziiskij juridicheskij zhurnal*. 2014. № 10 (77). S. 190–193.
10. *Manoxina O.A.* Osobennosti razvitiya duxovnogo obrazovaniya v rannej Vizantii (IV–VI vv.) // *Nauchny'e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Politologiya. 2013. № 1 (144). Vy'p. 125. S. 19–26.
11. *Marchenko M.N.* Teoretiko-metodologicheskie problemy' prava. M.: Zerczalo-M., 2007. 390 s.
12. *Osmankina G.Yu.* Mirovozzrencheskie osnovy' formirovaniya rannexristianskoj kul'tury' Vizantii v IV–VI vv.: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. Nizhnevartovsk, 2000. 25 s.
13. *Pastuxov A.V.* Usloviya i faktory' formirovaniya politiko-pravovoj kul'tury' sovremennogo rossijskogo obshhestva // *Srednerusskij vestnik obshhestvenny'x nauk*. 2011. № 4. S. 83–88.

14. *Prigozhin A.I.* Celi i cennosti. Novy'e metody' raboty' s budushhim. M.: Delo ANX, 2010. 431 s.

15. *Senyushkina T.A.* Pravoslavny'e cennosti i russkaya pravovaya kul'tura // Kul'turologicheskij zhurnal. 2017. № 4 (30). URL: <http://www.cr-journal.ru> (data obrashheniya: 31.08.2018).

16. *Smirnov A.I.* Klyuchevy'e aspekty' sravnitel'nogo issledovaniya rimskogo i vizantijskogo prava // Vestnik MGPU. Seriya: «Yuridicheskie nauki». 2018. № 3 (31). S. 89–96.

17. *Stukanov V.G.* Teoretiko-metodologicheskie voprosy' izucheniya pravosoznaniya // Innovacionny'e obrazovatel'ny'e tehnologii. 2013. № 1 (33). S. 30–34.

18. E'kloga. Vizantijskii zakonodatel'ny'i svod VIII veka. Vizantijskaya kniga e'parxa. Ryazan', 2006. 592 s.

19. *Kazhdan A.* State, Feudal, and Private Economy in Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 47 (1993). Pp. 83–100.

A.I. Smirnov

Typology of Factors Affecting the Byzantine Sense of Justice

The article considers the legal consciousness of the Byzantine Empire in terms of the reasons for its formation. A special attention is paid to the influence of Christianity on the legal consciousness of Byzantine society. The author made an attempt to systematize the factors that influenced the Byzantine sense of justice.

Keywords: Byzantine sense of justice; the formation of justice; typology; methodology; legal ideology.

УДК 342.7

DOI 10.25688/2076-9113.2019.33.1.11

Ю.А. Чернова

Правовые аспекты регулирования права человека на распоряжение телом после смерти в целях трансплантации

Статья посвящена проблемам правового регулирования трансплантации органов и (или) тканей человека в российском праве. Цель работы заключается в раскрытии пробелов и коллизий в современном законодательстве путем анализа нормативно-правовых актов, содержащих нормы, регулирующие отношения по трансплантации органов и (или) тканей человека. В статье анализируется ряд вопросов, а также пути их решения, касающихся прав лиц на трансплантацию органов (или) тканей человека после его смерти.

Ключевые слова: трансплантация; изъятие органов умершего человека; органы и ткани человека; права и свободы человека и гражданина; посмертное донорство.

Актуальность темы трансплантации органов и (или) тканей человека в российском праве обуславливается проблемами, возникающими в сфере правового регулирования и реализации права человека на распоряжение телом после смерти в целях трансплантации. Право на распоряжение телом после смерти в целях трансплантации фактически касается напрямую или косвенно каждого человека. Оно не является нормой, непосредственно закрепленной в Конституции, однако прямо затрагивает такие конституционные отношения, как право на достоинство личности (ст. 21), на личную неприкосновенность (ст. 22), на неприкосновенность частной жизни (ст. 23) и другие конституционные права [1]. Они признаются российскими судами и Европейским судом по правам человека.

Такой пробел в правотворчестве обусловлен недостаточным нормативным регулированием права человека на распоряжение телом после смерти в целях трансплантации. В результате применения существующих норм законодательства, регулирующих указанный институт, образуется дисбаланс публичных и частных интересов — прав доноров, их представителей и реципиентов.

Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» (далее — Закон о погребении) [3] фиксирует, что право человека на распоряжение своим телом включает в себя право на волеизъявление о достойном отношении к своему телу после смерти — пожелание, выраженное в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме. При распоряжении телом после смерти в целях трансплантации человек имеет право выразить согласие или несогласие на изъятие органов и (или) тканей из своего или чужого тела после смерти.

В Российской Федерации действует презумпция согласия, в соответствии с которой забор донорского материала разрешен в случае, если лицом при жизни не было высказано возражение против его изъятия [9: с. 42–47]. Данная презумпция означает, что изъятие органов и тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о прижизненном несогласии лица или, в случае его отсутствия, несогласия иных управомоченных лиц на изъятие его органов и тканей после смерти для трансплантации реципиенту (ст. 8 Закона РФ от «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее — Закон о трансплантации) [2]). Необходимо отметить, что прижизненное согласие на изъятие органов и (или) тканей после смерти для трансплантации не несет какого-либо юридического значения.

К презумпции согласия ученые относятся по-разному. В частности, Е.Н. Степанова считает, что в современное время необходимо сохранить в законодательстве презумпцию согласия, поскольку право реципиентов должно стоять выше права родственников на волеизъявление. Несомненно, ограничение прав родственников умершего должно носить временный характер и впоследствии может быть отменено путем замены «презумпции согласия» на «испрошенное согласие» [11: с. 21]. За презумпцию согласия выступает Д.П. Кобяков, который считает ее «приемлемой для социальной структуры нашего общества» [8: с. 13], а также Л.О. Красавчикова, указывающая, что это единственный способ обеспечения общества трансплантатами [7: с. 103–104].

Среди противников данной презумпции много различных ученых, политических и религиозных деятелей. Так, С.С. Тихонова полагает, что вскрытие трупа в целях изъятия органов или тканей для их использования в любом качестве, произведенное в нарушение прижизненно выраженной воли умершего, с пренебрежением к позиции его близких, а равно без их согласия, должно образовывать состав преступления, выраженного в надругательстве над телом умершего [12: с. 61]. Использование органов и (или тканей) умершего для трансплантации без согласия родственников, считает И.И. Горелик, противоречит всем нормам общечеловеческой нравственности [5].

Сам порядок выражения согласия или несогласия на изъятие органов и (или) тканей человека установлен в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4]. Согласно ч. 6 ст. 47 указанного закона прижизненное выражение согласия или несогласия на изъятие органов и (или) тканей из своего тела после смерти должно быть сделано в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации либо нотариально, и должно вноситься в медицинскую документацию гражданина.

Российское законодательство предоставляет возможность иным лицам выразить несогласие на изъятие донорского материала из тела человека в случае, если лицо при жизни не оставило какого-либо пожелания о судьбе своих органов и тканей после смерти.

Можно отметить, что законодатель обеспечивает право человека на распоряжение телом после смерти по трем основным направлениям: учет прижизненной воли лица, регулирование самой операции по трансплантации и учет мнения уполномоченных лиц (например, родственников) в случае отсутствия прижизненного волеизъявления лица. Однако существуют проблемы, связанные с действием этих нормативных правовых актов, а именно: дублирование норм в федеральных законах, наличие неопределенностей в положениях законов, что требует осмысления и исправления во избежание нарушения прав человека. Л.О. Красавчикова предлагает рассматривать ст. 8 Закона о трансплантации в качестве исключения из ст. 5 Закона о погребении. Таким образом, если дело касается изъятия органов и (или) тканей в целях трансплантации, то действует соответствующая статья Закона о трансплантации о презумпции согласия. Во всех других случаях изъятия органов и (или) тканей будет работать презумпция «испрошенного согласия», введенная ст. 5 Закона о погребении. По ее мнению, это будет соответствовать благородной цели, которую преследуют акты трансплантации [6: с. 178].

На наш взгляд, основными проблемами действующего российского законодательства в сфере регулирования права человека на распоряжение телом являются: законодательное определение круга лиц, которые имеют право на распоряжение телом человека и законодательное регулирование механизма выражения и учета волеизъявления на изъятие органов и (или) тканей из тела человека. Рассмотрим первую проблему.

В законодательстве отсутствует конкретизация круга лиц, имеющих право на распоряжение своим телом после смерти. Исходя из ч. 6 ст. 47 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» данным правом обладают совершеннолетние дееспособные граждане. При этом наличие гражданства Российской Федерации, исходя из текста закона, не является необходимым. Исходя из буквального толкования данной нормы представляется, что гражданин иностранного государства и гражданин России находятся в равном правовом положении относительно права на распоряжение телом после смерти. Однако из текста закона не ясно, распространяется ли данное право на апатридов. На наш взгляд, российскому законодателю следует внести ясность в вопросах о правах иностранцев и лиц без гражданства в области трансплантации органов и тканей, в том числе и по вопросам посмертного изъятия донорского материала. В частности, в законодательстве не урегулирован допуск вышеуказанных лиц к органам российских граждан.

Как отмечалось ранее, в законодательстве отсутствует четкое правовое закрепление круга лиц, уполномоченных на распоряжение телом человека после смерти в случае отсутствия предсмертной воли донора органов и тканей. Согласно ч. 3 ст. 5 Закона о погребении таким правом обладают супруг, близкие родственники (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, дедушка, бабушка), иные родственники либо законный представитель умершего, а при отсутствии таковых иные лица, взявшие на себя обязанность осуществить погребение умершего. Семейный кодекс

не дает определение понятия «родственники», а в законодательстве отсутствует определение понятия «родство», в связи с чем категорию «иные родственники» допустимо считать законодательно не установленной. Можно предположить, что лица из категории «иные родственники» могут быть ущемлены в праве на распоряжение телом умершего родственника.

Согласно ст. 6 Закона о погребении, в случае мотивированного отказа кого-либо из указанных лиц от исполнения волеизъявления умершего оно может быть исполнено иным лицом, взявшим на себя обязанность осуществить погребение умершего. Исходя из этого положения получается, что фактически любой человек может взять на себя обязанность осуществить погребение умершего в случае отсутствия или мотивированного отказа от такой обязанности родственников или законных представителей умершего и при отсутствии прижизненного волеизъявления об изъятии органов и тканей после смерти самого умершего выразить собственное согласие или несогласие на изъятие органов и (или) тканей у трупа. Таким образом, лицо, заинтересованное в получении донорского материала, при наличии перечисленных условий может взять на себя обязанность по погребению умершего и получить право на выражение волеизъявления об изъятии донорского материала у трупа.

Представляется необходимым внесение изменений в положение ч. 3 ст. 5 Закона о погребении. В действующем законодательстве воля (пожелание) самого лица учитывается только при прижизненном волеизъявлении самого лица, в случае его отсутствия законодатель предоставляет право на распоряжение телом умершего третьим лицам (родственникам, опекунам и др.), однако не указывается, что эти третьи лица должны действовать в прижизненных интересах умершего. Для наглядности данного положения следует проанализировать следующую ситуацию: совершеннолетний дееспособный гражданин при жизни сообщил своему другу, что является приверженцем религии, которая не одобряет нарушения целостности тела после смерти, что он против изъятия органов из своего тела после смерти; однако эта информация не была зафиксирована в его медицинской карте. После смерти этого человека в первом порядке получают право на распоряжение телом родственники, которые не поддерживали тесного контакта со своими детьми. Родители дают согласие на изъятие органов из тела их умершего ребенка. В этом случае прижизненные интересы лица не учитываются, в связи с чем право на достойное отношение к телу после смерти нарушается. С учетом вышесказанного, считаем необходимым расширить круг лиц, уполномоченных на распоряжение чужим телом после смерти с оговоркой, что эти лица в случае отсутствия прижизненного волеизъявления должны действовать в прижизненных интересах лица (как минимум два свидетеля должны подтвердить, что человек при жизни изъявлял свою волю данному третьему лицу). При этом необходимо законодательно уточнить и закрепить понятие «родственник», а также ввести ограничения на возможность распоряжения телом иными лицами при взятии ими на себя обязанности по погребению тела умершего.

Теперь рассмотрим подробнее вторую проблему. Учитывая тот факт, что в России действует презумпция согласия, волеизъявление о согласии на изъятие донорского материала не несет каких-либо юридических последствий. Однако факт наличия прижизненного согласия на изъятие донорского материала может способствовать проведению операции по изъятию органов и тканей после смерти в целях трансплантации, так как устраняет возможность наличия незафиксированного в медицинской документации несогласия. Вместе с возможностью приобретения права на распоряжение телом другого человека третьими лицами при взятии ими на себя обязанности по погребению умершего, нельзя исключать возможности незаконной деятельности лиц по форсированию получения реципиентами донорского материала, что может быть связано с истребованием у реципиентов денежного вознаграждения за ускорение получения органов и (или) тканей.

Волеизъявление управомоченного лица вносится в медицинскую документацию гражданина. При этом легальное определение медицинской документации отсутствует. Существует доктринальное толкование медицинской документации, выведенное из ряда нормативных правовых актов: «...под медицинской документацией следует понимать систему медицинских документов установленной формы, которые ведут работники медицинских организаций с целью регламентации их действий, связанных с диагностическими, лечебными, санитарно-гигиеническими и другими мероприятиями, а также с целью их обобщения и анализа» [10]. Исходя из данного положения, граждане, не имеющие медицинской документации, лишаются права на распоряжение телом после смерти. Прежде всего данное положение ущемляет права иностранцев, у которых на территории Российской Федерации может отсутствовать медицинская документация, а также лиц без определенного места жительства. Более того, вне поля правового регулирования остается случай, когда гражданин погибает в одном городе, а его медицинская документация находится в другом.

Проблема может быть решена законодательным регулированием прав иностранцев по вопросам трансплантации органов и тканей человека, а также нормативным закреплением понятия «медицинская документация». Представляется, что без доступа к медицинской документации умершего изъятие у него органов и (или) тканей не должно производиться медицинскими сотрудниками, что, несомненно, надлежит закрепить в действующем законодательстве Российской Федерации о трансплантации органов и (или) тканей человека. Без доступа к медицинской документации гражданина невозможно оперативно установить заболевания человека, которые могут влиять на возможность трансплантации его органов реципиенту; а также не представляется возможным и учет его волеизъявления об изъятии органов и (или) тканей. Внесение запрета на изъятие донорского материала из тела умершего без получения доступа к его медицинской документации предотвращает возможность нарушения права на достойное отношение к телу человека после смерти.

Также в законодательстве не указано, в присутствии какого количества свидетелей должно быть выражено волеизъявление в устной форме, должны ли эти свидетели являться медицинскими сотрудниками, каким образом и кем должна заноситься данная информация в медицинскую документацию гражданина. Отсутствие закрепленной на законодательном уровне регламентации по осуществлению права человека на распоряжение телом ведет к затруднениям при реализации указанного права, а следовательно, к возможностям нарушения данного права.

Отсутствие в законодательстве нормы, касающейся обязанности медицинских учреждений оповещать родственников о смерти человека и сообщать им об отсутствии сведений в медицинской документации гражданина об отказе на изъятие органов и тканей из его тела после смерти, лишает родственников и иных уполномоченных на распоряжение телом человека после смерти лиц права выразить несогласие на изъятие органов и (или) тканей из тела умершего.

На наш взгляд, представляется необходимым законодательно закрепить в обязанностях медицинских работников, ответственных за решение об изъятии донорского материала из трупа человека (членов консилиума врачей), также и принятие разумных возможных мер по оповещению родственников или иных законных представителей о смерти человека и о возникшем у них праве на распоряжение его телом. К примеру, к таким разумным возможным мерам относилось бы уведомление родственников по телефону, указанному в медицинской документации умершего, или личное уведомление родственников, находящихся в медицинском учреждении в связи со смертью их близкого человека.

Причиной самой высокой смертности в Российской Федерации являются дорожно-транспортные происшествия, и для данной ситуации мы считаем разумным использование опыта зарубежного законодателя, свидетельствующего за введение дополнительной обязательной графы в анкете, заполняемой при получении водительских прав, в которой граждане Российской Федерации закрепляли бы свое волеизъявление об изъятии донорского материала из их тела после смерти. Информация о данном волеизъявлении должна передаваться в медицинское учреждение, где находится медицинская документация гражданина, в которой делалась соответствующая запись о волеизъявлении гражданина за подписью главного врача медицинского учреждения.

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что все указанные неточности и пробелы в законодательстве ведут к ущемлению конституционных прав граждан, права человека на распоряжение телом после смерти, что является примером несоблюдения Российской Федерацией позитивной обязанности государства по обеспечению прав человека.

Перечисленный в статье перечень мер позволит обеспечить реализацию права человека на распоряжение телом после смерти, гарантировать достоинство личности, личную неприкосновенность и при этом сохранить справедливый баланс публичных и частных интересов, обеспечить реализацию интересов

реципиентов, находящихся в листе ожидания, за счет введения дополнительных мер по учету волеизъявления граждан об изъятии донорского материала из их тела после смерти, в том числе и при выражении волеизъявления при получении водительских прав.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. С. 4398.
2. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 62.
3. Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 23.05.2018) «О погребении и похоронном деле» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. С. 146.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». // Российская газета. 2011. № 263.
5. Горелик И.И. Правовые аспекты трансплантации органов и тканей // Государство и право. 1968. № 9.
6. Красавчикова Л.О. Первое десятилетие Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика. Вып. 20 / под ред. А.Г. Диденко. Алматы: Раритет, 2004. С. 178.
7. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург: Урал. юрид. акад., 1994. С. 103–104.
8. Кобяков Д.П. Правовые проблемы трансплантологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 13 с.
9. Медведев Е.В., Нагорный В.А. Правовые формы изъятия органов и тканей человека для трансплантации // Медицинское право. 2015. № 2. С. 42–47.
10. Медицинская документация: статус и виды. Юридический отдел. Факультет медицинского права. URL: <http://pravo.kormed.ru/prava-pacienta/medicinskaya-dokumentaciya/medicinskaya-dokumentaciya-status-vidy-uchet-hranenie-i-oformlenie/> (дата обращения: 10.03.18).
11. Степанова Е.Н. Трансплантация органов человека: мировой опыт и Россия (гражданско-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 21 с.
12. Тихонова С.С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: вопросы уголовно-правового регулирования. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 61.

Literatura

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrja 1993 g. (s uchetom popravok, vnesenny'x zakonami RF o popravkax k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 04.08.2014. № 31. S. 4398.
2. Zakon RF ot 22.12.1992 № 4180-1 (red. ot 23.05.2016) «O transplantacii organov i (ili) tkanei cheloveka» // Vedomosti SND i VS RF. 1993. № 2. St. 62.
3. Federal'ny'j zakon ot 12.01.1996 № 8-FZ (red. ot 23.05.2018) «O pogrebenii i poxonnom dele» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 3. S. 146.

4. Federal'ny'j zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (red. ot 03.08.2018) «Ob osnovax oxra-ny' zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2011. № 263.

5. *Gorelik I.I.* Pravovy'e aspekty' transplantacii organov i tkanej // Gosudarstvo i pravo. 1968. № 9.

6. *Krasavchikova L.O.* Pervoe desyatiletie Zakona RF «O transplantacii organov i (ili) tkanei cheloveka» // Grazhdanskoe zakonodatel'stvo. Stat'i. Kommentarii. Praktika. Vy'p. 20 / pod red. A.G. Didenko. Almaty': Raritet, 2004. S. 178.

7. *Krasavchikova L.O.* Ponyatie i sistema lichny'x neimushhestvenny'x prav grazhdan (fizicheskix licz) v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii. Ekaterinburg: Ural. jurid. akad., 1994. S. 103–104.

8. *Kobyakov D.P.* Pravovy'e problemy' transplantologii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2000. 13 s.

9. *Medvedev E.V., Nagornyj V.A.* Pravovy'e formy' iz'yatiya organov i tkanej cheloveka dlya transplantacii // Medicinskoe pravo. 2015. № 2. S. 42–47.

10. Medicinskaya dokumentaciya: status i vidy'. Yuridicheskij otdel. Fakul'tet medicinskogo prava. URL: <http://pravo.kormed.ru/prava-pacienta/medicinskaya-dokumentaciya/medicinskaya-dokumentaciya-status-vidy-uchet-hranenie-i-oformlenie/> (data obrashheniya: 10.03.2018).

11. *Stepanova E.N.* Transplantaciya organov cheloveka: mirovoj opy't i Rossiya (grazhdansko-pravovoj aspekt): avtoref. dis. ... kand. jurid. Nauk. M., 2004. 21 s.

12. *Tixonova S.S.* Prizhiznennoe i posmertnoe donorstvo v Rossijskoj Federacii: voprosy' ugolovno-pravovogo regulirovaniya. SPb.: Yurid. centr Press, 2002. S. 61.

Yu.A. Chernova

Legal Aspects of the Regulation of the Human Right to Dispose of the Body after Death for the Purpose of Transplantation

The article is devoted to the problems of legal regulation of transplantation of human organs and (or) tissues in Russian law. The purpose of the work is to uncover gaps and collisions in modern legislation by analyzing the regulatory legal acts containing the rules governing the relations of transplantation of human organs and (or) tissues. The article analyzes a number of issues, as well as ways to address them regarding the rights of individuals to transplant human organs (or) tissues after death.

Keywords: transplantation; removal of the organs of a deceased person; human organs and tissues; human and civil rights and freedoms; postmortem donation.

**Обсуждение книги М.Н. Марченко
«Советское и постсоветское государство
и право (сравнительно-правовое
исследование)» (М.: Проспект М, 2017. 368 с.)**

В ноябре 2018 г. в Российском университете правосудия было проведено обсуждение книги *М.Н. Марченко «Советское и постсоветское государство и право (сравнительно-правовое исследование)»*, результаты которого могут представлять интерес для широкого читателя. В обсуждении принял участие заместитель главного редактора серии «Юридические науки» журнала «Вестник МГПУ», профессор В.А. Северухин. Сам автор книги Михаил Николаевич Марченко уже много лет сотрудничает с МГПУ, являясь профессором кафедры теории и истории государства и права.

Автор обсуждаемой книги, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, отметил, что книга написана на основе анализа отечественного эмпирического и академического материала, а также ряда публикаций в СМИ, содержащих в себе социологические и иные данные, относящиеся к российскому обществу, государству и праву советского и современного, постсоветского периодов их развития.

Основной замысел работы состоит не в противопоставлении советского и постсоветского периодов друг другу, что зачастую имеет место в современной литературе, а наоборот, в сопоставлении их друг с другом как различных исторических этапов развития российского общества, и вместе с тем возникающих и функционирующих на его основе Российского государства и права.

В работе рассмотрены проблемы и основания сохранения относительной целостности российского общества, прошедшего тысячелетний путь своего развития, определены критерии дифференциации существовавших на его

основе различных типов государства и права; уровни преемственности на различных этапах развития российского общества, а вместе с ним государства и права; предпринимается попытка раскрыть основные тенденции и перспективы генезиса постсоветского государства и права с последующим их переходом на новую ступень развития и совершенствования.

Автор задавался также другими, не нашедшими пока в научной литературе удовлетворительного ответа, вопросами. Речь идет, в частности, о том, почему в условиях глобализации и регионализации, ассоциирующихся с интегративными процессами, происходящими в социально-экономической и государственно-правовой сферах, образование постсоветского государства в 90-е гг. было связано с развалом СССР и возникновением на его основе ряда относительно обособленных друг от друга государств. В то же время в Западной Европе создается (Маастрихтский договор 1992 г.) надгосударственное объединение — Европейский союз, включающий в себя к настоящему времени 28 государств-членов.

Иными словами, почему под влиянием глобализации и регионализации в одних случаях в одно и то же время идет процесс разрушения и разъединения государственно-правовых систем, а в других — наоборот, идет процесс объединения суверенных государств и сближения связанных с ними правовых систем.

При рассмотрении проблем типологии Российского государства и права советского и постсоветского периодов его развития автор исходил из возможности и необходимости одновременного использования устоявшихся в научной литературе цивилизационного и формационного критериев. При этом цивилизационный критерий позволяет исторически воспринимать Российское государство и право от древности до наших дней как относительно целостное национальное в широком смысле, государственно-правовое образование, возникшее и существующее *в рамках одной и той же цивилизации*. В то же время как формационный критерий дает возможность идентифицировать Российское государство и его право на разных этапах их развития в зависимости от типа экономики и общества, как феодальные, капиталистические или же социалистические образования.

В.М. Сырых, заведующий отделом теории и истории права и судебной власти РГУП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Теоретические и методологические основы сравнительного анализа советского и постсоветского государства и права

Работа М.Н. Марченко представляет собой примечательное явление в связи с тем, что в ней впервые в российской юридической литературе предпринимается попытка рассмотреть ход и результаты построения правового государства постсоветской России в сравнительном анализе с советским государством, его достижениями и недостатками. При этом обращают внимания исходные

методологические принципы такого анализа, ориентированного на объективные оценки и выводы. Это выводы о том, что, во-первых, каждое государство имеет определенные плюсы и одновременно минусы, во-вторых, единственным критерием любой государственно-правовой системы может служить ее способность не на словах, а на деле адекватно отражать и защищать интересы всего общества и самого государства, и, в-третьих, определение путей развития государства должно стать суммой совокупных усилий и идей, исходящих не только от правящих кругов, но и от системной внутрипартийной оппозиции.

По нашему мнению, М.Н. Марченко удалось последовательно провести в работе сформулированные им принципы и дать многоаспектное описание современного Российского государства и права на фоне конкретно-исторических условий бытия развитого социалистического общества и советского государства. Автором в сравнительном анализе рассмотрены такие фундаментальные проблемы государствоведения, как процесс становления советского и постсоветского государства, характеристика их общих и особенных черт, основы теории правового государства и особенности его формирования в условия постсоветской России, а также основные тенденции развития Российского государства и права на современном этапе.

В конечном итоге автор приходит к заслуживающему внимание выводу о том, что российское общество, составившее основу советского и постсоветского этапов развития государства и права, может успешно развиваться лишь на основе преемственности каждого нового этапа, включая постсоветский и следующий за ним этап (с. 362). Действительно, не абстрактное и решительное отрицание новым этапом прошлой истории, а рациональное использование всего богатства, всех духовных и материальных благ, которыми располагает общество, переходя на новый этап своего развития, выступает необходимым условием прогрессивного, последовательного развития всякого общества и государства по пути реального обеспечения прав и свобод человека и гражданина, закрепленных нормами международного права.

Однако имеются и отдельные замечания. Методологический анализ сравнительного исследования, которым автор предваряет теоретический анализ государства и права, сводится к последовательной характеристике методов диалектического и системного подходов как ведущих методов исследования государства и права. В связи с этим вполне логично возникает вопрос: в какой же зависимости, в каком соотношении находятся эти методы между собой? Почему системный метод, которому поются дифирамбы в философской и юридической литературе уже более пятидесяти лет, так и не выводит на те горизонты, которые традиционно ожидают от него правоведа?

М.Н. Марченко не высказывает своего отношения к имеющимся в юридической литературе иным оценкам системного метода, согласно которым данный метод предстает лишь начальной стадией диалектического познания и что действительный теоретический анализ требует применения диалектического метода познания во всей его полноте и целостности. Рассмотрение явления

и процесса в простой, органической связи оставляет неисследованной наиболее глубинные системные связи — анализ системного целого в их диалектически противоречивых связях и отношениях. Соответственно, правильный методологический подход состоит не в разделении и противопоставлении диалектического и системного методов, а в понимании их единства, в котором системный метод выступает лишь началом диалектического познания, требующим продолжения научного познания с использованием всех принципов и категорий диалектики.

Нельзя согласиться с М.Н. Марченко в том, что ведущим принципом правового государства является верховенство закона, который «понимается не в расширительном смысле, отождествляясь с правом, а в самом прямом своем значении — как акт, исходящий от высшего органа государственной власти» (с. 177). Во-первых, сведение права к позитивному закону является несостоятельным, поскольку закон, как бесспорно показывает история права и государства, может быть неправовым, актом произвольного, субъективного установления государства. Во-вторых, закон является формой действительного права и способен представлять право в той мере, в какой он соответствует своему правовому основанию. В-третьих, суть проблемы правового государства состоит в том, чтобы найти критерии действительного права, позволяющие точно и бесспорно отличать правовой закон от неправового и исключать последний из числа регуляторов общественных отношений.

В целом следует признать, что работа М.Н. Марченко имеет все данные к тому, что занять достойное место в ряду современных, наиболее значимых работ российских правоведов, стать источником дальнейших творческих исследований проблем постсоветского Российского государства и права.

Л.Ф. Ант, ведущий научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти РГУП, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ

Законодательство советского периода и характерные особенности современной системы законодательства

Прибегая к вольному сравнению, можно охарактеризовать работу М.Н. Марченко «Советское и постсоветское государство и право» как «Былое и думы» в юридической сфере.

К «былому» можно отнести традиционный анализ советского государства и права, данный автором детально и квалифицированно. Остается только неясным вопрос: как могло произойти, что советское государство перестало существовать в конце 1991 г., а его право, в форме законодательства, продолжало применяться до 2000 г., когда была сформирована на базе Конституции 1993 г. новая система законодательства? Мистика? Отнюдь. Объяснение кроется в том, что советское законодательство к 1991 году было полностью систематизировано. Было проведено в 70-х гг. упорядочение ведомственного

нормотворчества, подготовлены многочисленные тома Собрания действующего законодательства СССР (и Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР), и, наконец, подготовлен Свод законов СССР (Свод законов РСФСР) на съемных листах, которые к моменту распада СССР обновлялись: из законодательства были убраны предписания, не соответствующие эпохе. Нельзя забывать, что основу советского законодательства составляли постановления, распоряжения Совета Министров СССР (РСФСР), а также многочисленное ведомственное нормотворчество. Именно перечисленные акты в систематизированном виде явились основной регламентацией государства переходного периода. Нормы федеральных законов этой поры часто носили декларативный характер, имея в своем составе принципы, новый понятийный аппарат, принципы построения той или иной отрасли права, законодательства, но не статьи с конкретным содержанием. Опора в правоприменении осуществлялась на неотмененные нормы действующих советских актов. Мало меняли описанную ситуацию и пункты Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 года № 2288 «О мерах по приведению законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации». Применение требовало конкретных норм и поворачивалось в сторону установлений исчезнувшего государства. По свидетельству современных политиков, государственная власть всегда выбирает решение в пользу устойчивости. Вот эту устойчивость в то время и обеспечили систематизированные нормы советского государства.

Явилось ли это благом? В определенном смысле, несомненно. Жаль, что вопросы систематизации законодательства в работе М.Н. Марченко не затронуты. А ведь ее технологии и результаты инвентаризации законодательства являются в буквальном смысле слова нашим национальным достоянием.

Теперь о «думах». Что касается «дум», то вопрос сводится к необходимости в современной правовой реальности использовать индивидуальное регулирование. На изложение этого вопроса (как и на другие) предположительно повлияли материалы конференций Университета правосудия — «Система права», «Конкретизация» и, в частности, конференция по индивидуальному регулированию.

В целом профессиональное изложение вопроса наталкивается на ряд моментов, требующих дополнительной аргументации. Опираясь на изложенный в юридической литературе материал, автор делает вывод о том, что индивидуальное регулирование свойственно подзаконному правотворчеству, не беря при этом в расчет использование правоприменительной практикой таких информационных инструментов, как реестры, регистры, кадастры, каталоги, правовым основанием деятельности которых являются многочисленные федеральные законы.

Вопросы рассмотрения природы реестров, регистров, их правовых характеристик требуют переосмысления общетеоретических проблем, связанных с пониманием фундаментальной юридической категории — нормы права и ее

формы — юридического предписания. Согласно основам нормативной теории одним из определяющих признаков нормы права, правового предписания является неконкретность, неперсонифицированность адресата. Это понимание основывалось на технологии XX в., базировавшейся на работах по систематизации советского законодательства. Отбор проводился весьма тщательно: юридическая наука сделала много для упорядочения нормативно-правового материала, в том числе разработала саму технологию, критерии его нормативности.

Но время разрушает любые технологии, и в связи с этим возникает необходимость их пересмотра. Ориентировка на устоявшуюся технологию в современной правовой системе оказалась не совсем оправданной. Законодательные нормы и установления, которые регулируют деятельность реестра или регистра, а также изменения их фактического содержания и прекращение действия, характеризуются конкретностью, а вернее, даже индивидуальностью данного предмета. Если учитывать, что значительную часть российского законодательства составляют нормы и акты, определяющие деятельность реестров, регистров, то понимание их подзаконности не выдерживает критики.

И если ранее, в советский период, такие нормы, предписания в основном содержались в распоряжениях Советов Министров СССР и РСФСР, то в настоящее время эти положения — части статей федеральных законов, указов Президента Российской Федерации. Подобный статус, юридическая сила таких положений дают основания считать признак индивидуальности нормативного предписания при определенных моментах как определяющий, качественный в системе отечественного законодательства наряду с неконкретностью адресата. Состав нормативно-правовых предписаний в настоящее время включает и неконкретные, и персонифицированные предписания, которые вместе сосуществуют. И этот компромисс — принцип сегодняшней эпохи.

Н.А. Тузов, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти РГУП, кандидат юридических наук, доцент

Достижения сравнительно-правовых исследований Российского государства и права

Обсуждаемая работа М.Н. Марченко характеризуется авторской честностью в сравнительном анализе актуальных и животрепещущих для России проблем и логически последовательным изложением темы исследования. Исходные методологические позиции автором определены в первой главе. В качестве опорных посылов названы диалектический, исторический и системный методы исследования, сравнительное выявление и раскрытие *общего* и *особенного* в советском и постсоветском типах государства и права, включая выявление формационных и цивилизационных основ их возникновения и существования в их единстве и различии, преимуществах и недостатках.

Раскрытие общего и особенного, присущего названным типам государства, М.Н. Марченко осуществил на уровне их основ, функций, форм организации государственной власти, принципов построения и функционирования государственного механизма. При этом обращено внимание на государственно-правовые доктрины, направляющие развитие исследуемых типов государства в их разные исторические периоды с привлечением в сравнение и положений теории государства и права переходного периода. Рассмотрены гражданское общество и государство в их взаимодействии, правовые системы советского и постсоветского государства. В завершение работы автор дал развернутую характеристику основных тенденций развития современного Российского государства, высказав ряд оригинальных авторских суждений, а также обозначил перспективы развития российского общества, государства и права, которые, по его мнению, нуждаются в углубленном изучении и решении.

Вместе с тем содержание работы дает основания и для отдельных критических замечаний. Представляется, что проблема взаимодействия гражданского общества и государства раскрыта недостаточно полно, в частности в ней остался невыясненным вопрос о политических системах советского и постсоветского государств как формах данного взаимодействия. Между тем имевшиеся и имеющиеся явные и скрытые элементы этих систем, особенно в виде политических партий, религиозных и профессиональных организаций, средств массовой информации (телевидение, радио, Интернет, газеты, журналы и др.), как показала российская история, сыграли и играют существенную роль в существовании и изменении советского и постсоветского государства. И здесь важное значение имеет анализ целевых социально-психологических и организационно-правовых механизмов взаимодействия и влияния элементов политической системы, включая осуществление манипуляции общественным и индивидуальным сознанием с использованием средств массовой информации в групповых, клановых и классовых интересах.

Заслуживает внимания вывод М.Н. Марченко о том, что постсоветское государство возникло в результате «заурядного переворота», а не политической революции (с. 60). Однако, по нашему мнению, данный вывод нуждается в более обстоятельном обосновании.

В целом названная работа М.Н. Марченко по уровню, глубине, эвристичности и комплексности исследования ее тематических вопросов объективно заслуживает широкого признания, большого научного и этического уважения к ней и ее автору. Она является весьма значимым явлением в отечественной теоретической юриспруденции, вносящим весомый вклад в ее развитие и побуждающим к дальнейшему развитию современной политико-правовой мысли. Несомненно, работа М.Н. Марченко, имеющая названные и иные теоретические достоинства и достижения, в иерархии форм научных публикаций занимает более высокое место, нежели просто учебное пособие.

З.В. Соломко, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти РГУП, кандидат юридических наук, доцент

Социализм или азиатский способ производства?

Постсоветская теория права не лучшим образом распорядилась той свободой, которую получила в начале 90-х гг. Она растратила ее главным образом на малосодержательные неокантианские штудии, затаптывание марксизма, реабилитацию ненаучных подходов, некритичное восприятие западного постмодернистского дискурса и изобретение на его основе различных, якобы новаторских, концепций, а в идеологическом отношении — на замазывание серыми и черными красками советского государства и апологию политико-правовых форм западного капитализма.

Автор книги «Советское и постсоветское государство и право: сравнительно-правовое исследование» М.Н. Марченко не присоединился к общему потоку и даже во многих отношениях пошел против этого теоретико-правового мейнстрима. Насколько можно судить, его цель состоит в том, чтобы вернуть разговору о советском и постсоветском государстве и праве конкретно-историческую содержательность.

Политико-правовой опыт СССР до сих пор не вызывает того интереса у отечественных теоретиков права, который был бы релевантен его всемирно-историческому значению, его актуальности для современного общества. Если эта тема и пользовалась некоторой популярностью в постсоветской теории права, то, как правило, в рамках либерального или консервативного идеологических дискурсов. У М.Н. Марченко, напротив, прослеживается установка на объективный социологический анализ, и эта установка дает свои плоды в виде критического отношения к ряду расхожих идеологических штампов в российской теории права. Автор не разделяет представлений о тоталитарном и недемократическом характере советского режима — в сравнении со странами Запада, о том, что эпоха советской государственности была неким историческим «провалом», отходом от нормального пути эволюционного развития — пути западной демократии и правовой государственности, о том, что в постсоветский период российское государство наконец-то вернулось на «столбовую дорогу» истории и с большим или меньшим успехом, но идет по пути прогресса к идеалам, которые декларированы Конституцией 1993 г.

Импонирует достаточно трезвая оценка автором состояния современного Российского государства и общества, социально-классового содержания государственной политики, тех целей, которые в реальности, а не на словах и не в позитивно-правовых декларациях преследуют правящие социальные группы.

Несогласие у меня вызывает понимание советского общества и государства как социалистических по своей природе: полагаю, оно не имеет достаточных оснований, и контраргументы этому можно найти у самого автора.

Ленин в одном из поздних текстов писал: если мы называем наш строй социалистическим, то это означает всего лишь нашу решимость построить

социализм, а не признание существующих порядков социалистическими. В 1917 г. в России действительно произошла социалистическая революция — она была социалистической по своим главным интенциям, по главной направленности своего движения — и ее социалистический характер подтверждается тем, что в результате этого события в разных сферах общественной жизни — в политике, в общественном производстве, в культуре, в быту — возникли элементы социализма. Социалистический импульс Октябрьской революции был настолько сильным, что благодаря ему мир в целом заметно продвинулся по направлению к социализму — это и западное социальное государство, и сильная левая повестка в политике, и социалистические ценности в культуре.

Однако, никоим образом не умаляя этого исторического прорыва, возникший в СССР общественный строй нельзя назвать подлинно социалистическим хотя бы по двум главным причинам. Социализм — это господство общественной собственности на средства производства, в СССР же господствующей формой собственности была собственность государственная, которая представляла собой разновидность частной собственности в политэкономическом смысле: средствами производства в советском обществе распоряжались главным образом не непосредственные производители — рабочие и крестьяне, — а партийно-бюрократический аппарат, та самая «номенклатура», о которой неоднократно упоминает сам М.Н. Марченко. Именно эта номенклатура, точнее — ее верхушка, в Советском Союзе была господствующим классом, и это еще одно основание не считать советский строй социалистическим. «Несоциалистический» характер советского государства отчетливо выявился уже спустя 10–15 лет после Октябрьской революции, и многие исследователи, в том числе западные, вполне обоснованно говорят поэтому о «сталинской контрреволюции», произошедшей в конце 20-х гг.

По моему убеждению, тип существовавшей в СССР общественно-экономической формации наиболее убедительно осмыслен в теории азиатского способа производства, которая именно в силу идеологических причин всячески замалчивалась в официальном советском марксизме. Понятие азиатского способа производства позволяет адекватно уяснить не только многие важные стороны советского строя, но и многие моменты современной российской государственности, поскольку та бюрократ-буржуазия, которая сегодня находится в России у власти, — это одно из худших наследий советского общества. Задача же состоит в том, чтобы распределить его лучшее наследство, — в этом, думаю, мы с М.Н. Марченко не расходимся.

***Е.А. Кафырин*, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин РГУП, доктор философских наук, профессор**

Книга Михаила Николаевича Марченко «Советское и постсоветское государство и право (сравнительно-правовое исследование)» является результатом работы ученого, ответственного за бескорыстный поиск истины, настоящего патриота своей страны.

Сравнительный подход, который является доминирующим в исследовательской методике, предполагает широкое использование традуктивных умозаключений¹ и традуктивной демонстрации в ходе доказательства выдвинутых положений. И хотя положения, полученные с помощью сравнительного подхода, вероятностны, тем не менее они являются исходными для осмысления идей « витающих в воздухе », позволяя проверить их в фокусе фактов. Я имею в виду содержание открытых дискуссий политологов и идеологов различных партий в средствах массовой информации (прежде всего, на телевидении). Например, сегодня одни утверждают, что события начала 90-х гг. в нашей стране следует называть революцией. Другие же настаивают, что это были события, вызванные глубокой реформой общества. Автор данного исследования подверг эти идеи критическому переосмыслению и, опираясь на факты (в частности, на факт стабильности политической элиты в стране, которая на 75 % осталась прежней и на 61 % состоит из выходцев в бизнес-элиту из советской номенклатуры), приходит к убедительному выводу, что в 90-е гг. в России не было политической революции, а был самый заурядный государственный переворот (с. 60).

Подобного рода научные положения формулируются автором практически в каждой главе исследования. Так, в главе, посвященной развитию государственно-правовых доктрин развития общества, автор путем сравнительного анализа приходит к выводу, что в настоящее время мы в виде концепции правового государства имеем дело лишь с очередной идеологической фикцией, с одним из вариантов идеального государства — своего рода «города солнца», — который должен появиться по замыслу архитекторов на определенном этапе развития общества, но не более того. Очевидно, что идея правового государства — это гуманистический прожект, утопичный в силу его несоответствия действительному положению дел в обществе, это идея, призванная вселять надежду на гуманизм государства, способного дать простым людям что-то от эксплуатации природных национальных богатств.

Интересным представляется взгляд автора на государство не столько как на продукт классового противостояния в обществе, сколько в контексте роли государства в национальном бытии общества. Этот подход дал автору возможность внимательно рассмотреть соотношение международного и национального права в различные исторические периоды жизни страны. Мне представляется такая позиция весьма плодотворной, ибо позволяет по-новому увидеть роль общечеловеческих ценностей в формировании правового национального самосознания и правовой национальной культуры. Из этого следует новое прочтение роли государства в утверждении национального суверенитета в экономической, политической и культурной сферах жизни нации в сочетании с общечеловеческими ценностями.

¹ В логике умозаключение признается традуктивным, если в нем посылки и заключение являются суждениями одинаковой общности, т. е. когда вывод идет от знания определенной степени общности к новому знанию той же степени общности (Кондаков Н.И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. С. 512).

В заключение несколько слов о дискуссии, которая здесь развернулась по поводу предназначения данной работы, а именно, можно ли ее считать учебным пособием. В этой связи хочется поддержать мнение автора, что данная книга может быть учебным пособием, ибо мне, как преподавателю логики, она позволяет сделать ссылку на данное исследование при демонстрации научной значимости традитивных умозаключений и доказательств. Более того, данная работа восполняет определенный объем учебного материала по сравнительному правоведению и вполне может быть использована как учебное пособие в рамках соответствующей учебной дисциплины.

Н.В. Михалкин, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин РГУП, доктор философских наук, профессор

Работа известного ученого М.Н. Марченко является фундаментальным исследованием, осуществленным посредством сравнительного анализа, и одновременно изложением для читателей, в первую очередь для студентов юридических факультетов, таких феноменов, как право и государство.

Исследование осуществлено на основе огромного исторического и сегодняшнего фактического материала, относящегося к нашей стране. Это пример грамотного, логически и методологически обоснованного подхода к осмыслению природы и сущности права и государства в их историческом развитии. Для этого автором успешно были применены причинно-следственные связи, парные философские категории.

Отличительной чертой данного исследования и преподнесения полученного при исследовании материала является то, что автор, в отличие от некоторых радикально настроенных ученых, рассматривающих советский и постсоветский периоды развития нашей страны в контексте их противопоставления, осуществил выделение как позитивных, так и негативных черт и свойств, присущих государственно-правовому феномену.

Более того, и это важно, М.Н. Марченко в своей работе убедительно обосновал историко-генетическую связь государственно-правового феномена, который формировался и проявлял себя как в советский, так и в современный период развития страны, то есть независимо от того, какой является формация, какой способ хозяйствования является определяющим на историческом этапе развития страны, в государстве и праве сохраняются общенациональные черты.

По моему мнению, М.Н. Марченко, сам того не замечая, пришел к выводу, что объективной закономерностью функционирования права является соответствие «силы права» изменяющейся «силе напряженности» взаимосвязи субъектов в социальных отношениях. В связи с этим изменяются его формы и содержание. В определенное время правовое регулирование общественных отношений может приобретать форму рационально-волевого регулирования активности субъектов общественных отношений.

Интересной, в плане осуществления заявленного автором исследования, является и его попытка сформулировать прогноз развития права и государства

в нашей стране. Но здесь автора подводит исследовательская нерешительность, то есть, используя диалектико-материалистический подход, М.Н. Марченко при формулировании прогноза осуществил нарушение логического закона «исключенного третьего». Есть и другие неточности, которые, как правило, присутствуют при изучении достаточно сложной предметной области. По моему мнению, неудачным является использование сравнительно-правового исследования при изучении права.

Нельзя также согласиться с позицией автора и в том, что государственно-правовые системы Советского Союза и современной России развивались и развиваются в рамках цивилизации православного христианства. Ведь ни Н.Я. Данилевский, ни О. Шпенглер речи не вели о цивилизациях, а говорили о типах культур и использовали такой их показатель, как «главенствующая вера». Дж. Тойнби в своих работах использовал понятие «цивилизация» и попытался картографировать человечество: то соединял, то разделял общества, которые он считал цивилизациями. Но критерий принадлежности к религии он при этом не использовал.

Вместе с тем данная работа является одной из немногих, посвященных исследованию проблем права и государства в советский и постсоветский периоды, в которой реализован взвешенный анализ этих объектов. Автор раскрыл условия, причины, источники возникновения и проявления правовых отношений в социалистической и капиталистической России, выделил и оценил влияние государственной власти на эволюцию права и нормативно-правовых актов.

В.А. Северухин, заведующий кафедрой теории и истории государства и права МГПУ, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР

Работа М.Н. Марченко «Советское и постсоветское государство и право» обозначена как сравнительно-правовое исследование и как учебное пособие. Такой подход полностью соответствует содержанию и уровню работы, логике изложения материала, использованным источникам.

Сравнительно-правовое исследование советского и постсоветского государства, т. е. разнотипных систем, на первый взгляд представляется несколько условным. Однако анализ представленной работы свидетельствует о том, что такое исследование не только логично и своевременно, но и необходимо для понимания специфики развития прошлого и современного Российского государства и его права, их преемственности и взаимосвязи.

Лейтмотив работы: советскому и постсоветскому государству и праву присущи не только специфические особенности, но они «имеют между собой нечто общее». Эта позиция М.Н. Марченко глубоко исследована и всесторонне обоснована. Применительно к теме сравнительно-правового исследования просматривается сопоставление формы и содержания (сущности) государства и подчеркивается приоритет последнего.

Особенностью и несомненным достоинством работы, ее составной частью можно считать использование автором исторических и политологических

материалов, которые создают целостную, объективную картину явлений и событий, исследуемых автором.

Первая глава работы посвящена методологии сравнительного исследования советского и постсоветского государства и права. Диалектические и исторические методы изучения являются фундаментальной основой всего исследования. Логика изложения материалов работы основана на сравнительном анализе общего и особенного, начиная с периода возникновения и становления советского и постсоветского государства и права. Отдельную главу работы автор посвятил основным тенденциям развития Российского государства и его права, их перспективам.

Целостность, обоснованность и достоверность изложения в исследовании достигается за счет того, что автор успешно использовал исторические и политологические материалы, работы зарубежных авторов в контексте сравнительно-правового исследования разнотипных систем государства и права.

В то же время нельзя не отметить и отдельных позиций автора, которые отличаются от воззрений, изложенных в исторической, политологической, а также юридической литературе. Так, М.Н. Марченко подчеркивает, «что разнотипные государственно-правовые системы возникают и развиваются в рамках одной и той же цивилизации — “православного христианства”... они формируются и функционируют на базе одной и той же славянской культуры, одного и того же менталитета» (с. 4). Кроме того, фактически автор солидаризируется с мнением о том, что в настоящее время стала очевидна «поразительная дальновидность Сталина и его близких соратников» (с. 67). Изложенные выводы не пользуются широкой популярностью среди российских правоведов и их следовало бы раскрыть более обстоятельно, чем это сделано в работе.

Общая оценка рецензируемой работы: высокий уровень исследования, ее достоверность, востребованность. Это фактически подведение итогов развития постсоветского государства и постановка вопроса: «А что же фактически изменилось в нашей стране за 20 с лишним лет?» Данная работа полезна не только для научного сообщества, но может быть успешно использована в образовательных целях.

В.Н. Власенко, заместитель заведующего кафедрой земельного и экологического права, кандидат юридических наук

Проблемы экологии в советском и постсоветском государстве и праве

Многоплановое и системное исследование М.Н. Марченко советского и постсоветского государства и права основывается на справедливом принципе, согласно которому «в мире никогда не существовало и не существует “абсолютно” “правильных” или неправильных, только позитивных или негативных государственно-правовых систем» (с. 5). С этих позиций следует согласиться с автором в том, что как советское, так и современное российское государство и право имеют свои плюсы и свои минусы.

Следуя этому принципу, М.Н. Марченко стремится объективно оценивать исследуемые события, факты, явления и процессы, имевшие место в истории Российского государства за последнее столетие, обращая первостепенное внимание к его основам, функциям, особенностям государственной власти, а также общим чертам и особенностям советской и постсоветской правовых систем. В целом же создается впечатление, что основные симпатии автора остаются на стороне советского государства, особенно это очевидно, когда он признает, что реформы, проведенные постсоветскими государственными властями, особенно в 90-е гг., привели к резкому снижению жизненного уровня населения, росту нищеты, бездомности и бездуховности в результате нескончаемых экспериментов (с. 356).

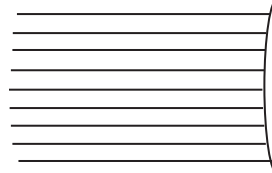
Автор аргументированно и правомерно включает экологическую функцию в число основополагающих функций современного Российского государства, обосновывая ее необходимость последовательным развитием научно-технической революции и теми позитивными и негативными последствиями для общества и человечества, которые она влечет за собой. При этом в работе обращается внимание на то, что в современных условиях проблемы экологии вышли на первый план не только в пределах отдельной страны, но и в глобальном международном масштабе, с их позитивным решением напрямую связывается сохранение как человечества, так и жизни в целом на земном шаре.

В работе называются основные меры, которые принимает законодатель и Правительство РФ в целях противодействия природным факторам, равно как и экологически безграмотной деятельности предприятий, государственных и муниципальных органов власти, населения. Следует, однако, признать, что российское законодательство по вопросам природопользования и охраны окружающей природной среды действует недостаточно эффективно, и экологическая обстановка в стране заметно отстает от экономически развитых стран, способных обеспечить высокий уровень защиты природы от негативных последствий хозяйственной деятельности человека. Между тем без успешного решения таких особо значимых экологических проблем, как загрязнение воздуха, водных ресурсов, почвы, российское общество не сможет обеспечить реального действия значительной части конституционных прав и свобод личности.

В заключении книги М.Н. Марченко выразил благодарность руководству Российского государственного университета правосудия — одного из ведущих юридических вузов нашей страны — во главе с его ректором, профессором В.В. Ершовым, а также всем членам ученого совета университета за то внимание, которое было уделено обсуждению его работы, и за все сделанные при этом весьма полезные критические замечания.

Материалы подготовили
В.А. Северухин, В.М. Сырых

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

УДК 336.221.24

DOI 10.25688/2076-9113.2019.33.1.13

**Рецензия на монографию
«Разрешение финансовых споров
в странах АТР (Австралия, Гонконг,
Индия, Индонезия, Китай, Малайзия,
Новая Зеландия, Сингапур, США,
Таиланд, Япония)», подготовленную
авторским коллективом под редакцией
Е.Е. Фроловой и Е.П. Ермаковой
(М.: Инфотропик Медиа, 2019. 416 с.)**

Разрешение финансовых споров стало одной из основных тенденций международного коммерческого арбитража в 2018 г., что, без сомнения, определяет актуальность рецензируемой монографии. Например, в обзоре, представленном немецкими адвокатами Г. Бюхелером и Г. Флекке-Джаммарко, отмечалось, что хотя арбитраж является преобладающим методом разрешения споров в различных сферах на протяжении многих лет, он становится все более распространенным в двух секторах экономики, которые тяготеют к традиционному разрешению споров в государственных судах — это финансы и страхование [7]. Наличие процедур упрощенного производства в Сингапурском международном арбитражном центре, Арбитражном институте Торгово-промышленной палаты Стокгольма и Арбитражном регламенте Международной торговой палаты сделало арбитраж более привлекательным, поскольку споры с небольшой ценой иска могут быть разрешены на ранней стадии разбирательства. Статистика ICC подтверждает это: в то время как в 2010 г. только 9 % споров были связаны с сектором финансов и страхования, в 2016 г. этот показатель составлял уже 20 %. Этот же вывод содержится в исследовании 2018 г. адвокатской фирмы Freshfields Bruckhaus Deringer [8].

Следует особо подчеркнуть, что, вне зависимости от наших желаний, надежд, требований и т. д., мы живем в цифровом обществе, которое диктует свои поведенческие нормы. Такие понятия, как «криптовалюта», «биткоин», «блокчейн», «стартап» и др., вошли и прочно обосновались в нашей повседневной жизни. Все эти термины относятся к финансовой активности населения, т. е. отвечают на вопрос о том, как правильно сохранить заработанные денежные средства. Международный финансовый кризис 2008 г. показал неспособность правительств многих стран мира защитить финансовые интересы простых людей. Правительства спасали от банкротства крупные банки и финансовые институты, а не помогали отдельным гражданам. Крах традиционной финансовой системы был налицо. Десять лет назад, 31 октября 2008 г., через полтора месяца после крушения одного из крупнейших инвестиционных банков Lehman Brothers, которое в итоге стало катастрофой мирового масштаба, человек или группа людей под псевдонимом Сатоши Накамото опубликовали белую книгу (white paper) [6] первой в истории децентрализованной платежной системы, о чем и писал Н. Штерингард в своей работе [9]. Появление биткоина стало апогеем многолетних попыток сообщества шифропанков создать альтернативную денежную систему без единой точки отказа, обратимости транзакций и тотальной слежки.

Но даже видным шифропанкам не удалось разглядеть революцию в зародыше. Сейчас, в ноябре 2018 г., общая стоимость рынка цифровых денег выросла на \$ 12 млрд, до \$ 215 млрд. За это время цена биткоина поднялась с \$ 6320 до \$ 6440, эфириум подорожал с \$ 197 до \$ 212 [4]. По сообщениям информационного агентства РБК, в ноябре 2018 г. криптовалюта подорожала на 33 %. Крупные криптовалютные биржи Binance, Coinbase и OKEx сообщили, что поддержат хардфорк [5] в сети Bitcoin Cash, который состоится 15 ноября. За прошедшие шесть дней цена актива выросла на 33 % — с \$ 416 до \$ 560.

В России проблема защиты финансовых интересов населения еще только начинает разрабатываться и исследоваться на законодательном уровне. В январе 2018 г. Министерство финансов РФ представило законопроект о регулировании цифровых активов в России (криптовалюта — это вид цифрового финансового актива) [2]. До настоящего времени такой закон не принят. В июне 2018 г. был принят Закон № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Большинство положений указанного закона вступило в силу с 3 сентября 2018 г. Институт финуполномоченного будет заниматься урегулированием споров физических лиц до суда с имущественными претензиями до 500 тыс. руб., споры по ОСАГО подлежат рассмотрению вне зависимости от суммы. Это первый в России институт досудебного урегулирования споров на финансовом рынке. Сейчас гражданам России приходится по таким вопросам обращаться в суд, что влечет за собой дополнительные издержки, а само рассмотрение спора может затянуться на месяцы. Функции финансового уполномоченного на добровольных началах выполняет экс-депутат Павел Медведев, работающий финансовым омбудсменом при Ассоциации

российских банков (АРБ). Он рассматривает споры только в отношении финансовых организаций, согласившихся на это добровольно [1].

Все сказанное выше подчеркивает актуальность и востребованность рецензируемой монографии «Разрешение финансовых споров в странах АТР (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония)».

В странах, перечисленных в названии монографии, уже длительное время действуют законы и иные нормативные акты (правила, регламенты, инструкции), в той или иной мере регулирующие порядок разрешения споров между потребителями финансовых продуктов (пакетов взаимовязанных финансовых услуг, финансовых инструментов и технологий, предлагаемых финансовыми институтами на финансовом рынке в качестве товара).

Финансовые продукты классифицируются по отраслям финансовой деятельности: банковский продукт, страховой, пенсионный, инвестиционный. Одними из наиболее популярных финансовых продуктов являются акции, облигации, инвестиционные фонды, варранты и опционы. Особый интерес вызывает исследование правового регулирования разрешения споров, связанных с финансовыми продуктами в США. Авторы монографии отмечают, что в США, согласно положениям закона о равных возможностях кредитования 1974 г. (Equal Credit Opportunity Act), запрещена дискриминация в предоставлении финансовых продуктов и услуг по возрасту, полу, семейному положению, расе, гражданству или этнической принадлежности, вероисповеданию, наличию доходов от программ государственной помощи. В США создан специальный веб-сайт «Исковые заявления на деятельность банков и кредитных учреждений», на котором приведены следующие образцы заявлений: 1) заявления на банковские и кредитные продукты (Bank and Credit Product Complaints); 2) заявления на депозитные счета (Complaints About Deposit Accounts); 3) заявления на деятельность ипотечных компаний (Complaints About Mortgage Companies); 4) заявления на другие финансовые услуги (Complaints About Other Financial Services); 5) заявления о дискриминации (Discrimination); 6) заявления об обязательных арбитражных оговорках (Mandatory Arbitration Clauses). Заявления в отношении финансовых услуг, заявления о дискриминации при получении финансовых услуг, заявления об обязательных арбитражных оговорках рекомендовано направлять в Бюро финансовой защиты потребителей, созданное на основании закона о защите прав потребителей (Закон Додда-Франка) 2010 г. (Consumer Protection Act (Dodd-Frank Act) или в Комиссию по ценным бумагам и биржам США.

В Австралии защита прав потребителей финансовых услуг регулируется Законом об Австралийской комиссии по ценным бумагам и инвестициям 2001 г., который охватывает все финансовые продукты и услуги, включая кредитные. Кроме того, защита прав потребителей финансовых услуг по отдельным отраслям содержится в Национальном законе о защите потребительских кредитов 2009 г., который включает в себя режимы лицензирования, раскрытия

информации, изложенные в Законе о корпорациях 2001 г. В качестве приложения № 1 к Закону 2009 г. был введен Национальный кредитный кодекс.

Авторы монографии отмечают, что в Малайзии понятие «финансовые услуги или финансовые продукты» (*financial services or financial products*) было зафиксировано в законах «О биржевом контроле» 1953 г. (*Exchange Control Act 1953*), «О банковских и финансовых учреждениях» 1989 г. (*Banking and Financial Institutions Act 1989*), «О страховании» 1996 г. (*Insurance Act 1996*), «О платежных системах» 2003 г. (*Payment Systems Act 2003*), а также в законах Малайзии об исламских финансах: законе «Об исламском банковском деле» 1983 г. (*Islamic Banking Act 1983*) и законе «Об исламском страховании» 1984 г. (*Takaful Act 1984*). Все перечисленные выше законы были отменены в июне 2013 г. двумя консолидированными нормативными актами Малайзии: законом «О финансовых услугах» 2013 г. (*Financial Services Act 2013 — FSA*) и законом «Об исламских финансовых услугах» 2013 г. (*Islamic Financial Services Act 2013 — IFSA*). Согласно актам 2013 г. разрешение финансовых споров в первую очередь входит в компетенцию омбудсмана по финансовым услугам (*Ombudsman for Financial Services — OFS*). Ранее этот орган был известен как Бюро финансовой медиации (*Financial Mediation Bureau*), которое было создано в 2004 г. Таким образом, Малайзия уже имеет 14-летний опыт разрешения финансовых споров.

В Новой Зеландии взаимоотношения между поставщиками финансовых услуг (банками, страховыми компаниями, фондами и др.) и потребителями урегулированы законом о поставщиках финансовых услуг (регистрация и разрешение споров) 2008 г. (*FSPA*), который действует в редакции 2011 г. Закон *FSPA* 2008 г. закрепил 4 схемы разрешения споров между поставщиками и потребителями финансовых услуг: 1) банковский омбудсмен (*Banking Ombudsman — BOS*); 2) омбудсмен по страхованию и финансовым услугам (*Insurance and Financial Services Ombudsman — IFSO*); 3) компания *Financial Complaints Ltd (FSCL)*; 4) альтернативное разрешение финансовых споров (*Financial Dispute Resolution — FDR*).

В Сингапуре в настоящее время действуют закон «О защите прав потребителей (справедливой торговле)» 2003 г. в ред. 15.04.2009 (*Consumer Protection (Fair Trading) Act*) и Положение 2009 г. «О защите прав потребителей, регулирующее предоставление финансовых продуктов и услуг» (*Consumer Protection (Fair Trading) (Regulated Financial Products and Services) Regulations 2009*). Ст. 6 указанного выше Положения 2009 г. закрепляет Специальную схему разрешения финансовых споров (*Specified dispute resolution scheme*). Данная схема предоставляется Центром разрешения споров в области финансовой индустрии (*Financial Industry Disputes Resolution Centre Ltd — FIDReC*), который официально осуществляет альтернативное разрешение споров, связанных с финансовыми продуктами или услугами, регулируемые MAS, между членами Центра *FIDReC* и потребителями финансовых услуг. Авторы монографии отмечают, что все лицензированные финансовые учреждения Сингапура должны быть членами *FIDReC*.

В Японии п.1 ст. 156 (38) закона «О финансовых инструментах и фондовых биржах» 1948 г. в редакции 2006 г. определяет, что споры между поставщиками и потребителями финансовых услуг вправе разрешать только «назначенные организации по альтернативному разрешению финансовых споров» (Designated Dispute Resolution Organization), так называемые финансовые DDRO (Financial DDROs). В монографии указано, что в настоящее время в Японии существует восемь организаций по альтернативному разрешению финансовых споров, утвержденных премьер-министром страны: 1) Японская ассоциация по страхованию жизни (Life Insurance Association of Japan — LIAJ); 2) Ассоциация банков Японии (Japan Bankers Association — JBA); 3) Ассоциация трастовых банков Японии (Trust Banks in Japan — TBJ); 4) Японская ассоциация по генеральному страхованию (The General Insurance Association of Japan — GIAJ); 5) Страховой омбудсмен (Hoken Ombudsman (Insurance Ombudsman) — HO); 6) Японская ассоциация краткосрочного страхования на небольшие суммы (Small Amount & Short Term Insurance Association of Japan — SSIAJ); 7) Японская ассоциация финансовых услуг (Japan Financial Services Association — JFSA); 8) Центр помощи в урегулировании споров в сфере финансовых инструментов (Financial Instruments Mediation Assistance Center — FINMAC).

В рецензируемой монографии содержатся также исследования о разрешении финансовых споров в Гонконге, Индии, Индонезии, КНР, Таиланде.

Перечисленные выше примеры законов и организаций по альтернативному разрешению финансовых споров позволяют понять, что в странах АТР накоплен уже многолетний опыт правового регулирования указанных вопросов, который следует учитывать при разработке нового и совершенствовании действующего российского законодательства в сфере разрешения финансовых споров.

Правовое регулирование новых технологий финтех (FinTech) представлено в рецензируемой монографии на примере Австралии, Гонконга, Индии, Японии.

Как писал международный финансовый обозреватель В. Поляков, «после временного экономического “беспредела” с криптовалютами, на возможности блокчейна обратили свое внимание банки, корпорации, и даже правительства. Последние, несмотря на патетику о свободном рынке, финансовых свобод не потерпят, что означает начало эры регулирования блокчейна» [3]. К сожалению, авторами монографии перечисленные вопросы были затронуты лишь отчасти. Исследования в сфере правового регулирования блокчейна, или более широко — регулирования новых технологий FinTech, необходимы для развития и совершенствования российского права.

Авторы монографии указывают, что в Австралии политика правового регулирования в отношении FinTech заключается в том, чтобы стимулировать FinTech к росту, а не к подавлению его через жесткое регулирование. Правительство намерено сделать Австралию центром FinTech (FinTech hub) посредством: а) увеличения инвестиций в исследования STEM (Science, technology, engineering, and mathematics); б) предоставления лицензионных исключений для правомочных субъектов через «регулируемую песочницу»

(regulatory sandbox) Австралийской комиссии по ценным бумагам и инвестициям (ASIC); в) работы с Австралийским управлением пруденциального регулирования (Australian Prudential Regulation Authority — APRA) для снижения барьеров для новых участников FinTech в банковском секторе. Австралийская «регулируемая песочница» (regulatory sandbox) при Австралийской комиссии по ценным бумагам и инвестициям (ASIC) позволяет юридическим лицам FinTech: 1) проверять определенные финансовые и кредитные услуги на срок до 12 месяцев без подачи заявки на получение лицензии на предоставление финансовых услуг или кредитной лицензии; 2) предложить продукты и услуги оптовым клиентам и ограниченному числу розничных клиентов (до 100 розничных клиентов) с соответствующими ограничениями.

Гонконг стремится стать ведущим финтех-центром в азиатском регионе и одним из ведущих центров в мире. В начале 2016 г. созданный при поддержке правительства Гонконга Финансовый комитет финтех (FinTech Steering Committee) представил доклад, в котором обосновал необходимость прогресса и развития в стране финансовых технологий.

Как подчеркивалось в монографии, до 2015 г. новые финансовые технологии были слабо востребованы в Японии. Согласно отчету Accenture, японские инвестиции составили лишь 0,4 процента от 12 млрд долл. США, вложенных в FinTech в глобальном масштабе в 2014 г. Но в последние три года ситуация изменилась. Исследование, проведенное компанией Tech in Asia, показало, что инвестиции в финтех-стартапы в Японии в течение 2015 г. выросли более чем в два раза и достигли 141,73 млн долл. США. Начиная с 2016 г. Банк Японии активно продвигает внедрение технологий FinTech в банковскую систему страны. В апреле 2016 г. Банк создал Центр FinTech в рамках Департамента платежных и расчетных систем. Банк также создал банковскую сеть FinTech Network для обмена опытом и информацией по внедрению FinTech. Кроме того, Банк Японии провел четыре форума по финтех. На этих форумах были обсуждены такие вопросы, как информационная безопасность (information security), открытые инновации (open innovation), Большие данные (big data) и распределенная бухгалтерская технология (distributed ledger technology — DLT). Однако, несмотря на громкие заявления главы Банка Японии, правительство страны не спешит вносить соответствующие коррективы в законы для продвижения новых технологий финтех в сфере предоставления финансовых услуг. Мнение правительства опирается на мнение компетентных японских финансистов, которые утверждают, что внедрение финансовых технологий может оказать негативное влияние на развитие банковского дела в стране.

В качестве заключения хотелось бы подчеркнуть, что современной российской правовой доктрине как раз и не хватает работ, подобных рецензируемой монографии, в которой собран, обобщен и осмыслен опыт стран АТР по разработке нормативных материалов в сфере правового регулирования разрешения финансовых споров.

Литература

1. *Литова Е., Дубов Г.* В России появился финансовый омбудсмен // Подробнее на РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b8017119a7947b080904331> (дата обращения: 07.11.2018).
2. Минфин представил законопроект о регулировании цифровых активов. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4901634> (дата обращения: 01.11.2018).
3. *Поляков В.* Так развеиваются мечты о финансовой свободе»: что такое RegTech и почему вам нужно с ним работать. URL: <https://rb.ru/opinion/fintech-regtech-i-konsalting/> (дата обращения: 08.11.2018).
4. Что будет с Bitcoin Cash // Подробнее на РБК: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5be15a929a794721a6e28e8d> (дата обращения: 07.11.2018).
5. Что такое хардфорк и чем он грозит биткоину и нам. URL: <http://ins-money.net/chto-takoe-hardfork-i-chem-on-grozit-bitkoinu-i-nam/> (дата обращения: 07.11.2018).
6. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 07.11.2018).
7. *Bücheler Gebhard, Flecke-Giammarco Gustav.* Arbitration procedures and practice in Germany: Overview. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/4-385-8191?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&comp=pluk&bhcp=1](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/4-385-8191?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&comp=pluk&bhcp=1) (дата обращения: 16.10.2018).
8. *Lingard Nicholas, Terceño Joaquin.* Summary dismissal gains ground: a welcome development for financial institutions. // International arbitration Illuminating the top trends in 2018. URL: https://communications.freshfields.com/files/uploads/documents/anna%20warkentin/mailling%20attachments/06827_PG_DR_International_arbitration_trends_2018_V9.pdf (дата обращения: 12.11.2018).
9. *Schteringard Nick.* Кризис 2020, гонка вооружений и биткоин: где оказались мир и первая криптовалюта 10 лет спустя. URL: <https://forklog.com/krizis-2020-gonka-vooruzhenij-i-bitkoin-gde-okazalis-mir-i-pervaya-kriptovalyuta-10-let-spustya/> (дата обращения: 07.11.2018).

Literatura

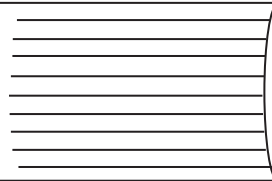
1. *Litova E., Dubov G.* V Rossii poyavilsya finansovy'j ombudsmen // Podrobnее na RBK. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b8017119a7947b080904331> (data obrashheniya: 07.11.2018).
2. Minfin predstavil zakonoproekt o regulirovanii cifrovyy'x aktivov. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4901634> (data obrashheniya: 01.11.2018).
3. *Polyakov V.* Tak razveivayutsya mechty' o finansovoj svobode»: chto takoe RegTech i pochemu vam nuzhno s nim rabotat'. URL: <https://rb.ru/opinion/fintech-regtech-i-konsalting/> (data obrashheniya: 08.11.2018).
4. Chto budet s Bitcoin Cash // Podrobnее na RBK: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5be15a929a794721a6e28e8d> (data obrashheniya: 07.11.2018).
5. Chto takoe hardfork i chem on grozit bitkoinu i nam. URL: <http://ins-money.net/chto-takoe-hardfork-i-chem-on-grozit-bitkoinu-i-nam/> (data obrashheniya: 07.11.2018).
6. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (data obrashheniya: 07.11.2018).
7. *Bücheler Gebhard, Flecke-Giammarco Gustav.* Arbitration procedures and practice in Germany: Overview. URL: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/4-385-8191?tran>

sitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&comp=pluk&bhcp=1 (data obrashheniya: 16.10.2018).

8. *Lingard Nicholas, Terceño Joaquin*. Summary dismissal gains ground: a welcome development for financial institutions.//International arbitration Illuminating the top trends in 2018. URL: https://communications.freshfields.com/files/uploads/documents/anna%20warkentin/mailling%20attachments/06827_PG_DR_International_arbitration_trends_2018_V9.pdf (data obrashheniya: 12.11.2018).

9. *Schteringard Nick*. Krizis 2020, gonka vooruzhenij i bitkoin: gde okazalis' mir i pervaya kriptovalyuta 10 let spustya. URL: <https://forklog.com/krizis-2020-gonka-vooruzhenij-i-bitkoin-gde-okazalis-mir-i-pervaya-kriptovalyuta-10-let-spustya/> (data obrashheniya: 07.11.2018).

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2019, № 1 (33)**

Антонова Наталья Владиславовна — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела законодательства о труде и социальном обеспечении Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: natalli_an@mail.ru

Воеводина Александра Игоревна — помощник Преображенского межрайонного прокурора г. Москвы, юрист 3 класса, аспирант 3-го года обучения Университета прокуратуры Российской Федерации.

E-mail: alexandravojevodina@yandex.ru

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Дорский Андрей Юрьевич — доктор философских наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: dorski@yandex.ru

Ким Александра Владимировна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета.

E-mail: aleksandrina1985@inbox.ru

Ключников Андрей Юрьевич — кандидат юридических наук, судья Правобережного районного суда г. Липецка, доцент кафедры конституционного и международного права Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

E-mail: andrew19871961@mail.ru

Корсаненкова Юлия Борисовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: korsanenкова@yandex.ru

Львов Алексей Витальевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и управления МГПУ.

E-mail: LvovAV@mgpu.ru

Попова Анна Владиславовна — доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета, профессор кафедры конституционного права РАНХиГС.

E-mail: anna0710@yandex.ru

Проценко Евгений Дмитриевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

E-mail: arrow54@yandex.ru

Северухин Владимир Александрович — кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и управления МГПУ.

E-mail: SeveruhinVA@mgpu.ru

Смирнов Александр Иванович — аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

E-mail: afanatos@mail.ru

Смирнов Леонид Борисович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

E-mail: lbs1958@yandex.ru

Сырых Владимир Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и судебной власти Российского университета правосудия.

E-mail: svm@mail.ru

Чернова Юлия Александровна — студент 4 курса юридического факультета Самарского филиала МГПУ.

E-mail: chernova1997ch@mail.ru

Чурилов Сергей Никифорович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и управления МГПУ.

E-mail: ChurilovSN@mgpu.ru

Ястребов Олег Александрович — доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Российского университета дружбы народов.

E-mail: rudnoleg@gmail.com

AUTHORS
of «Vestnik Moscow City University»,
a Series of «Legal Sciences», 2019, № 1 (33)

Antonova Natalya Vladislavovna — PhD in Law, senior researcher of the department of Labor and Social Welfare Legislation, Institute of Law and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: natalli_an@mail.ru

Voevodina Alexandra Igorevna — Assistant of Preobrazhensky interdistrict prosecutor of Moscow, lawyer of 3rd class, graduate student of the 3rd year at University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

E-mail: alexandravojevodina@yandex.ru

Dorskaya Alexandra Andreevna — Grand PhD in Law, full professor, head of the department of International Law, Herzen State Pedagogical University

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Dorskiy Andrey Yuryevich — Grand PhD in Philosophy, full professor, acting head of the department of Mass Communications Management, St. Petersburg State University.

E-mail: dorski@yandex.ru

Kim Alexandra Vladiimirovna — PhD in Law, Senior Lecturer of the department of State and Legal Disciplines, Pacific State University, Khabarovsk.

E-mail: aleksandrina1985@inbox.ru

Klyuchnikov Andrey Yuryevich — Ph.D. in Law, judge of Pravoberezhny District Court in the city of Lipetsk, associate professor of the department of Constitutional and International Law, Lipetsk branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: andrew19871961@mail.ru

Korsanenkova Yulia Borisovna — PhD in Law, associate professor, assistant professor of the department of Labor Law, Law Faculty, Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

E-mail: korsanenkova@yandex.ru

Lvov Alexey Vitalyevich — PhD in Law, associate professor, assistant professor of the department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Moscow City University.

E-mail: LvovAV@mgpu.ru

Popova Anna Vladislavovna — Grand PhD in Law, PhD in Philosophy, professor of the department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University, professor of the department of Constitutional Law, RANEPА.

E-mail: anna0710@yandex.ru

Protsenko Evgeniy Dmitrievich — Grand PhD in Law, full professor, professor of the department of State Law, Herzen State Pedagogical University.

E-mail: arrow54@yandex.ru

Severukhin Vladimir Aleksandrovich — PhD in Law, full professor, head of the department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Moscow City University.

E-mail: SeveruhinVA@mgpu.ru

Smirnov Alexander Ivanovich — postgraduate student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: afanatos@mail.ru

Smirnov Leonid Borisovich — Grand PhD in Law, full professor, professor of the department of Criminal Law, Herzen State Pedagogical University.

E-mail: lbs1958@yandex.ru

Syrykh Vladimir Mikhailovich — Grand PhD in Law, full professor, head of the department of Theory of Law and Judicial, Russian University of Justice, Honored Scientist of the Russian Federation.

E-mail: svm@mail.ru

Chernova Yulia Alexandrovna — 4th year student of Law faculty, Samara branch of Moscow City University.

E-mail: chernova1997ch@mail.ru

Churilov Sergey Nikiforovich — Grand PhD in Law, full professor, professor of the department of Criminal Law Disciplines, Law Institute, Moscow City University.

E-mail: ChurilovSN@mgpu.ru

Yastrebov Oleg Aleksandrovich — Grand PhD in Law, full professor, director of the Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia.

E-mail: rudnoleg@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

Плата за публикацию рукописей в журнале не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на официальном сайте журнала: vestnik.mgpi.ru.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться на e-mail: instituty@bk.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета

Серия «Юридические науки»

2019, № 1 (33)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденеева

Редактор:

С.П. Пузырьков

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М.В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А.В. Бармин, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

Сайт: vestnik.mgpu.ru

Подписано в печать: 21.03.2019 г.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Объем: 8 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.